Желанный Царь

Историческая повѣсть

Л. А. Чарской

Изданіе Т-ва М. О. Вольфъ

Л. А. Чарская
Желанный царь
Изданіе
Товарищества
М. О. Вольфъ
04

Л. А. ЧАРСКАЯ.

КНИГИ ДЛЯ ДѢТЕЙ И ЮНОШЕСТВА,

ИЗДАННЫЯ Т-ВОМЪ М. О. ВОЛЬФЪ:

*Книги, отмѣченныя въ настоящемъ спискѣ одною звѣздочкою *, допущены Ученымъ Комитетомъ Мин. Нар. Пр. въ библіотеки учебныхъ заведеній.*

*Книги, отмѣченныя двумя звѣздочками **, признаны Ученымъ Комитетомъ Мин. Нар. Просв. заслуживающими вниманія при пополненіи библіотекъ учебныхъ заведеній.*

Книги, отмѣченныя въ настоящемъ спискѣ кружкомъ °, рекомендованы Главнымъ Управленіемъ Военно-Учебн. заведеній для чтенія кадетъ и допущены въ ротныя библіотеки.

*° **ЗАПИСКИ ИНСТИТУТКИ.** Повѣсть для юношества, съ илл. А. И. Сударушкина. Изд. 4-е. Ц. въ переплетѣ 3 р.

*° **КНЯЖНА ДЖАВАХА.** Повѣсть для юношества, въ 2-хъ частяхъ, съ илл. В. А. Табурина и А. И. Сударушкина. Изд. 4-е. Ц. въ переплетѣ 3 р.

*° **ЛЮДА ВЛАССОВСКАЯ.** Повѣсть для юнош., въ 2-хъ частяхъ, съ илл. В. А. Табурина. Изд. 4-е. Ц. въ переплетѣ 3 р.

ВТОРАЯ НИНА. Повѣсть для юношества, съ илл. И. В. Симакова. Изд. 3-е. Ц. въ переплетѣ 3 р.

** **ДЖАВАХОВСКОЕ ГНѢЗДО.** Повѣсть для юнош., съ илл. И. Гурьева. Ц. 3 р.

° **ВЕЧЕРА КНЯЖНЫ ДЖАВАХИ. Сказанія старой Барбалэ. Съ рис. Н. Н. Каразина, И. Гурьева и др. Ц. въ пер. 2 р. 25 к.

° **ЗА ЧТО? Моя повѣсть о самой себѣ, въ 4-хъ частяхъ, съ илл. И. Гурьева. Изд. 3-е. Ц. въ переплетѣ 3 р.

° **БОЛЬШОЙ ДЖОНЪ.** Повѣсть для юношества, съ иллюстр. И. Гурьева. Изд. 2-ое. Ц. въ переплетѣ 3 р.

НА ВСЮ ЖИЗНЬ. Юность Лиды Воронской. Повѣсть для юнош., съ илл. И. Гурьева.

ЛѢСОВИЧКА. Повѣсть для юнош., съ илл. З. Шапиро. Изд. 2-е. Ц. въ пер. 3 р.

° **СЕСТРА МАРИНА.** Пов. для юнош., съ илл. Е. П. Самокишъ-Судковской. Ц. въ пер. 3 р.

° **ГАЗАВАТЪ. Историческая повѣсть, съ илл. І. І. Смукровича. Изд. 3-е. Ц. въ переплетѣ 3 р. 50 к.

° **ПАЖЪ ЦЕСАРЕВНЫ. Историческая повѣсть, съ илл. А. Бальдингера. Изд. 2-е. Ц. въ переплетѣ 3 р. 50 к.

** **СМѢЛАЯ ЖИЗНЬ.** Истор. пов. для юнош., съ илл. Е. П. Самокишъ-Судковской. Изд. 3-е. Ц. въ переплетѣ 3 р. 50 к.

** **ГРОЗНАЯ ДРУЖИНА.** Историч. повѣсть, съ иллюстр. худ. С. Панова. Изд. 2-е. Ц. въ переплетѣ 3 р. 50 к.

ЖЕЛАННЫЙ ЦАРЬ. Истор. пов. для юнош., съ илл. И. Гурьева.

ЦАРСКІЙ ГНѢВЪ. Историческая повѣсть, съ илл. А. Бальдингера. Изд. 2-е. Ц. въ переплетѣ 1 р. 25 к.

°**ОДИНЪ ЗА ВСѢХЪ.** Повѣсть о жизни великаго подвижника земли русской. Съ иллюстр. и снимк. съ карт. Нестерова, Новоскольцева, Брюллова. Ц. въ пер. 2 р.

ЕВФИМІЯ СТАРИЦКАЯ. Историческій романъ. Изд. 2-е. Ц. 1 р.

° **ТАКЪ ВЕЛѢЛА ЦАРИЦА.** Историческая повѣсть для дѣтей, съ илл. А. Бальдингера. Изд. 2-е. Ц. въ перен. 1 р. 50 к.

СИБИРОЧКА. Повѣсть для дѣтей, съ илл. И. Гурьева. Изд. 2-е. Ц. въ пер. 3 р.

° **ГОЛУБАЯ ВОЛНА.** Стихи и пѣсни для юнош., съ илл. Ц. въ пер. 1 р. 75 к.

* **ПЕРВЫЕ ТОВАРИЩИ.** Повѣсть для дѣтей, съ иллюстр. Э. Соколовскаго. Изд. 3-е. Ц. въ переплетѣ 1 р. 75 к.

ЮРКИНЪ ХУТОРОКЪ. Повѣсть для дѣтей, съ иллюстр. И. В. Симакова. Изд. 2-е. Ц. въ переплетѣ 2 р. 50 к.

** **ЗАПИСКИ СИРОТКИ.** Повѣсть для дѣтей, съ илл. Э. Соколовскаго. Изд. 3-е. Ц. въ переплетѣ 1 р. 75 к.

ЛИЗОЧКИНО СЧАСТЬЕ. Повѣсть для дѣтей, съ илл. В. А. Табурина и И. В. Симакова. Изд. 3-е. Ц. въ переплетѣ 2 р. 50 к.

ТАСИНО ГОРЕ. Повѣсть для дѣтей, съ илл. И. В. Симакова. Изд. 2-е. Ц. въ переплетѣ 2 р. 50 к.

** **ЗАПИСКИ МАЛЕНЬКОЙ ГИМНАЗИСТКИ.** Повѣсть для дѣтей, съ иллюстр. А. Бальдингера. Изд. 2-е. Ц. въ переплетѣ 2 р. 50 к.

ДОМЪ ШАЛУНОВЪ. Повѣсть для дѣтей, съ иллюстр. А. Бальдингера, Ц. въ переплетѣ. 3 р.

° **СЧАСТЛИВЧИКЪ. Пов. для дѣтей, съ илл. худ. И. Гурьева. Ц. въ пер. 3 р.

ЩЕЛЧОКЪ. Повѣсть для дѣтей, съ рис. И. Гурьева. Ц. въ п р. 2 р. 25 к.

** **СКАЗКИ ГОЛУБОЙ ФЕИ.** Съ рис. В. Мельникова, З. Шапиро и др. Изд. 3-е. Ц. въ переплетѣ 1 р. 75 к.

ТРИНАДЦАТАЯ. Повѣсть для дѣтей, съ рис. Спасскаго.

ПРОДАННЫЙ ТАЛАНТЪ. Повѣсть для юношества, съ илл. В. Полякова. Изд. 2-е. Ц. въ пап. переплетѣ 60 к.

ЛУЧШІЙ ДАРЪ. Волшебная картина въ одномъ дѣйствіи. Съ рис. М. Кипина. Ц. 15 к., въ папкѣ 30 к.

РЫЖИКЪ И ЧЕРНУШКА. Разсказъ для малютокъ, съ хром. карт. А. Гейера. Изд. 2-е. Ц. въ пап. переплетѣ 1 р. 50 к.

ВЕСЕЛАЯ ДЮЖИНКА. Книжка стишковъ для маленьк. дѣтей, съ илл. Изд. 2-е. Ц. въ папкѣ 50 к.

ВОВИКЪ. Полу-быль, полу-сказка, съ илл. барона Демерта. Ц. 30 к.

° **НА РАД СТЬ ЦАРЕВИЧУ.** Разсказъ изъ дѣтской жизни имп. Петра В. Съ рис. Е. Лебедевой. Ц. 15 к.

КОГДА МЫ БЫЛИ МАЛЕНЬКІЕ. Разсказы для маленькихъ дѣтей, съ хром. карт. Изд. 3-е. Ц. въ пап. переплетѣ 90 к.

НА КРАЙ СВѢТА. Разсказъ для маленькихъ дѣтей, съ илл. Б. К. Киль верга. Ц. 15 к.

СЧАСТЛИВЫЙ ЦВѢТОКЪ. Разсказъ для дѣтей мл. возр. съ рис. И. Гурьева. Ц. въ пап. 30 к.

Казакъ отступилъ, смущенный смѣлымъ взоромъ юноши.

37.402.86

Желанный Царь

Историческая повѣсть

Л.А.Чарской

1204

Съ 8 отдѣльными картин. и 16 рисунк. худ. И. Гурьева
и 8 портретами и видами

Изданіе
Товарищества М.О.Вольфъ
Спбургъ • Москва

ПЕЧАТЬ ТИПОГРАФІИ
Т-ва М. О. ВОЛЬФЪ
С-Петербургъ · Вас. Остр. 16 Линія соб. домъ

Гос. Публичная Библиотека в Ленинграде

ЧАСТЬ I

Невинно осуждённые

I

ВЕСНА въ 1601 году стояла ранняя и теплая на рѣдкость! Яркое солнце, щедро одѣляя майскими лучами землю, заглянуло позднимъ весеннимъ утромъ въ огромный, густо разросшійся садъ Романовскаго подворья, находившагося въ центрѣ Москвы, по сосѣдству съ Чудовымъ и Вознесенскимъ монастырями.

Молодая весенняя листва, клейкіе листочки липъ и кленовъ, нѣжные бархатистые—бѣлостволыхъ березъ и вяжущіе—черемухи успѣли покрыть густыми шапками высокія и могучія деревья сада.

Тамъ, гдѣ два старика-дуба протягивали другъ къ другу свои мощныя вѣтви-руки, висѣла широкая доска качелей. Цѣлая толпа сѣнныхъ дѣвушекъ съ веселымъ шушуканьемъ и смѣхомъ тѣснилась вокругъ нея. На утлой доскѣ, по обѣ стороны дородной мамы-пѣстуньи, сидѣли двое хорошенькихъ и румяныхъ дѣтей: восьмилѣтняя дѣвочка, русокудрая, голубоглазая, въ атласномъ богато расшитомъ по голубому полю шелками и жемчугомъ

лѣтникѣ, и пятилѣтній мальчикъ, кудрявый, темноглазый, съ необычайно кроткой и ясной улыбкой пригожаго дѣтскаго личика, въ нарядномъ, отдѣланномъ бурмицкими зернами по вороту и запястьями кафтанѣ, однорядкѣ, въ щегольскихъ сафьяновыхъ сапожкахъ и въ богатой шапкѣ поверхъ мягкихъ темно-русыхъ кудрей. Двѣ дѣвушки, одна рослая, статная шестнадцатилѣтняя красавица, отдаленно похожая чертами лица на дѣтей, въ дорогомъ лѣтникѣ пунцоваго шелка, въ легкой, подбитой тафтою душегрѣѣ, накинутой на плечи, и въ низаномъ камнями дѣвичьемъ вѣнцѣ съ пестрыми лентами, спускавшимися чуть ли не до пятъ, наравнѣ съ тяжелой русой толстой косой, стояла на одномъ концѣ качелей, другая, судя по скромной одеждѣ—сѣнная дѣвушка,—на другомъ.

Съ веселымъ смѣхомъ онѣ раскачивали доску, то и дѣло поддавая ее къ немалому страху и смятенію дородной мамушки.

— Ай! Побойся ты Бога, боярышня Настасья Никитична,—взвывала отъ страха несчастная мамушка,—уморишь, какъ есть уморишь и баярчатъ-племяшей своихъ, да и меня, холопку вѣрную... Ой, буде! Богомъ тебя молю, боярышня! Ой, помру. Ей-ей, помру! Остановись, Христа ради, боярышня!

— Ха! ха! ха!—залилась на это звонкимъ смѣхомъ проказница Настасья Никитична, а за нею и Таня съ Мишей, (такъ звали сидѣвшихъ подлѣ мамы дѣтей).—И не стыдно тебѣ бояться, мамушка? Качель не стругъ на озерѣ, не потонешь, небось!

— И то не потонешь, госпожа мамушка!—тихонько поддакнули сѣнныя дѣвушки, боясь однако громко смѣяться надъ нянькой-кормилицей маленькихъ боярчатъ главной холопкой боярскаго женскаго терема.

— Не потонемъ, конешно, а зашибиться все-жъ могутъ Танюша съ Мишенькой... Да буде же, буде, боя-

рышня! Того и гляди, перевернется доска. Какой отвѣтъ тогда давать мнѣ боярину Ѳеодору Никитичу, да боярынѣ Ксеніи Ивановнѣ? — не унималась толстая мама, прижимая къ себѣ обоихъ дѣтей.

— Ай да, Кондратьевна! Небось, за боярчика своего да за боярышню дрожмя дрожишь, а обо мнѣ, горемычной, и не кручинишься! А поди-кась и я, небось, не изъ воска яраго слѣплена: упаду, зашибусь васъ всѣхъ не менѣе!—смѣялась Настасья Никитична къ немалой потѣхѣ обоихъ дѣтокъ, безстрашно поглядывавшихъ изъподъ рукъ мамушки на быстрые взмахи качельной доски. Малютка Миша такъ и заливался серебристымъ смѣхомъ, вторя своей голосистой молоденькой теткѣ и сестрѣ.

— Ну, буде! Полдничать скоро позовутъ,—рѣшительно заявила Настя и, взметнувшись еще разъ подъ самый шатеръ высокихъ дубовъ, ловко спрыгнула наземь, сильной дѣвичьей рукою удерживая качель. Потомъ неожиданно подбѣжала ко все еще не успокоившейся мамушкѣ, выхватила у нея обоихъ дѣтей и съ тѣмъ-же веселымъ, заливчатымъ смѣхомъ, ухвативъ ихъ за руки, стрѣлою помчалась съ ними наперерѣзъ зеленой садовой лужайкѣ.

— Лови насъ, мамушка!—звонко крикнула она, задыхаясь отъ смѣха.

— Ишь, затѣйница! Ишь, проказница!—забубнила дородная мама, семеня за убѣгавшими своей утиной походкой вперевалочку, въ то время какъ сѣнныя дѣвушки тихонько фыркали, закрываясь узорчатыми рукавами рубахъ.

Онѣ бы и сами съ наслажденіемъ порѣзвились и потѣшились по примѣру ихъ общей любимицы, боярышни Настасьи Никитичны, да строгіе глаза мамы, не дававшей поблажки никому изъ меньшей холопской братіи, невольно приковывали ихъ къ мѣсту.

Поневолѣ приходилось сдерживать себя и чинно выступать по тропинкѣ, завистливо поглядывая вслѣдъ убѣгавшимъ.

Вотъ они завернули за группу деревьевъ, вотъ мелькнулъ яркій лѣтникъ боярышни, вотъ взметнулись пестрыя ленты ея дѣвичьяго вѣнца, и молоденькая проказница вмѣстѣ съ малютками-племянниками скрылась мгновенно за смородинными и малинными кустами, разросшимися цѣлымъ лѣсомъ въ дальнемъ концѣ огромнаго Романовскаго сада.

— Ау! Ау! Ищите насъ!—послышались оттуда звонкіе голоса Настасьи Никитичны, Тани и Миши.

И веселый серебристый смѣхъ зазвенѣлъ оттуда...

□ □ □

— Ахъ, какъ тутъ хорошо на волѣ, въ этомъ зеленомъ уголку!

Съ тѣмъ же веселымъ смѣхомъ Настя бросилась на молодую весеннюю травку, увлекая за собой дѣтей.

Солнце горячими полуденными лучами проникало въ это тихое царство зелени развѣсистыхъ пышныхъ вѣтвей. Кузнечики весело трещали въ свѣжей муравѣ. Пестрыя бабочки порхали надъ бѣлыми нѣжными подснѣжниками, мелькавшими здѣсь и тамъ своими скромными глазками. А надъ высокимъ частоколомъ виднѣлись золотыя маковки ближняго Чудова монастыря.

— Ай, да и славно же здѣсь, племяши! Ужъ такъ-то славно да привольно, что и сказать нельзя!—вырвалось счастливыми звуками изъ груди боярышни, и она въ избыткѣ чувства обняла и притянула къ себѣ обоихъ дѣтей. Тѣ ластились и ласкались къ молоденькой теткѣ, какъ маленькіе котята. Они любили свою веселую красавицу Настю, бѣдовую на потѣшныя выдумки и на всякія игры—„красное солнышко“ Романовскихъ палатъ, какъ всѣ прозвали ее на подворьѣ.

Настя замерла на мѣстѣ, снѣдаемая любопытствомъ.

Но вотъ насторожилась Настя. Красивое румяное личико дѣвушки стало серьезнѣй. Ясно до ушей ея долетѣла чья-то умышленно приглушенная рѣчь и шорохъ шаговъ по ту сторону частокола, къ которому прилегали заднія службы и мелкія строенія Чудова монастыря. Любопытная, какъ и всѣ теремныя затворницы того времени, Настя, наскучившая среди однообразной жизни въ теремѣ, жадно ловила всякія впечатлѣнія, доходившія до нея извнѣ. Поэтому, приложивъ палецъ къ губамъ и наскоро шепнувъ племянникамъ: — „Тише! Нишкните! Смирно сидите, дѣтушки!“—быстро поднялась на ноги и, крадучись, легко и неслышно подбѣжала къ частоколу.

Здѣсь находилась небольшая земляная лавочка-насыпь въ видѣ приступки. На нее легкой птичкой вскочила боярышня и, приложивъ ухо къ небольшому отверстію между зубьями частокола, замерла на мѣстѣ, снѣдаемая любопытствомъ.

Сначала ничего не было слышно. Раздавался только тихій шелестъ раздвигаемыхъ кустовъ за заборомъ да осторожные шаги двухъ человѣкъ. Но вотъ странно знакомый Настѣ голосъ произнесъ почти шопотомъ:

— Вотъ здѣсь побесѣдуемъ, друже. Мѣсто пустынное. Ни единая душа не услышитъ. А за частоколомъ— дальняя часть сада Романовыхъ бояръ. Заросли ягодныя. Туда никто, окромя какъ посередь лѣта, пока ягода не поспѣетъ, и не заглядываетъ. Мнѣ это доподлинно вѣдомо, потому какъ я, восемь годовъ тому будетъ, и въ саду ихнемъ, и во дворѣ кажинный день свой человѣкъ былъ. Отъ боярина князя Черкасскаго, Бориса меня здѣшній бояринъ взялъ въ холопы, потому книжной грамотѣ я зѣло пріученъ...

— Кто это?—невольно зародилось вопросомъ въ головѣ Насти, и она, поднявшись на цыпочки, заглянула за высокій частоколъ.

Но кромѣ черной монашеской скуфьи и низкой круглой шапки, какія носятъ молодые дворяне да дѣти боярскія, она ничего не могла разглядѣть.

— Одинъ чернецъ, другой мірянинъ!—произнесла мысленно дѣвушка и, снова замирая на мѣстѣ, приготовилась внимательно слушать того, чей голосъ казался ей до странности знакомымъ и сейчасъ.—Вѣдь если онъ служилъ здѣсь на подворьи у ея брата, боярина Ѳеодора Никитича Романова, стало быть и голосъ его могъ запомниться ей,—думала она.

Это обстоятельство однако мало заинтересовало Настю. Гораздо болѣе поразило ее то, что говорилъ второй собесѣдникъ. Другой голосъ трепетно возражалъ:

— Потерпи малость, скоро наступитъ время, пробьетъ твой часъ и сбросишь съ плечъ своихъ ты сію убогую власяницу и облечешься въ виссонъ и пурпуръ, приличествующіе сану твоему.

— Наступитъ время! Пробьетъ мой часъ! Да когда же, когда, друже!—пылко, но все тѣмъ же сдержаннымъ шопотомъ прервалъ его собесѣдникъ.—До кой поры проклятый убійца все еще будетъ царствовать и губить людей, вѣрныхъ слугъ отца моего? Гдѣ Бѣльскій, Богданъ? Въ ссылкѣ. Гдѣ Мстиславскій? Погибъ, померъ по милости того же Бориса.. Всѣ вѣрные слуги покойныхъ отца и брата Ѳеодора поперекъ дороги ему стали... И не будь у меня добрыхъ друзей, не приспѣй они въ Угличъ вовремя, быть мнѣ зарѣзанному замѣсто поповскаго сына, погребеннаго подъ именемъ Димитрія-царевича... И еще много жертвъ загубитъ Борисъ невинныхъ, прежде нежели пробьетъ часъ вступить мнѣ, прирожденному царевичу, на прародительскій престолъ.

— Возьми на время терпѣнія, царевичъ. Ждалъ дольше. Невѣсть Богъ, сколько осталось подождать. Дай покончить съ дѣлами, подготовить людей за рубежомъ, гдѣ до поры до времени тебѣ укрыться придется... А

тамъ соберутся доброхотники, держальники твои, и открыто пойдешь ты во главѣ собранныхъ дружинъ добывать престолъ Московскій. Вѣрь, царевичъ... Денно и нощно пекутся друзья твои о тебѣ... Денно и нощно, блюдя тебя изъ отдаленья, трудятся во славу твою, нашего прирожденнаго законнаго царевича Димитрія...

— Царевича Димитрія!—чуть слышно, съ недоумѣніемъ прошептали губы Насти, ошеломленной и взволнованной всѣмъ слышаннымъ.—Какой такой царевичъ? Откуда взялся онъ? Знаетъ она, Настя, одного законнаго и прирожденнаго царевича, царскаго сына, сына царя Бориса, юнаго Ѳеодора, которому, какъ и царю Борису, служатъ ея братья, ближніе бояре Романовы...

Но то Ѳеодоръ, а это Димитрій! И какому царю грозитъ онъ проклятіемъ? И на какой престолъ сулятъ посадить его, этого незнакомца, его приспѣшники? Да и статочное ли это дѣло, чтобы простому холопу или черницу сдѣлаться царемъ?

Дѣвушка совсѣмъ растерялась отъ десятка новыхъ мыслей и непонятныхъ догадокъ, нахлынувшихъ въ голову.

Шибко заколотилось ея сердце. Пылали нѣжныя щеки, а трепещущія руки безсознательно теребили концы лентъ дѣвичьяго вѣнца.

Между тѣмъ снова заговорилъ знакомый голосъ за частоколомъ, заговорилъ шопотомъ, едва слышно выговаривая слова:

— Нонче Семенъ Годуновъ, вѣдомо мнѣ, рветъ и мечетъ въ безсильной злобѣ на родичей моихъ, на бояръ Романовыхъ. Простить не можетъ, что Ѳеодоръ Никитичъ изъ бояръ бояринъ, въ думѣ ближе всѣхъ засѣдаетъ къ Борису, да Александръ Никитичъ изъ окольничьихъ въ бояре названъ, а онъ, царевъ дядя, съ коихъ поръ въ окольничьихъ ходитъ... Да и романовская казна не даетъ покоя годуновцамъ. Того и гляди, подъ опалу подведутъ моихъ бояръ!

Послѣднія слова словно ножомъ полоснули по сердцу Насти. Она пошатнулась отъ волненія, схватилась за острыя колья забора, но не удержалась и съ легкимъ шорохомъ спрыгнула на землю.

Въ тотъ же мигъ прервалась бесѣда за заборомъ, и слышно было, какъ за частоколомъ поспѣшно удалялись мужскіе шаги.

Блѣдная и встревоженная, кинулась къ дѣтямъ боярышня и стала торопить ихъ домой.

— Идемъ, идемъ, дѣтушки! Небось, мамушка Василиса Кондратьевна натерпѣлась страха, насъ ищучи. Поспѣшаемъ, ребятушки! Гляньте-ка, и солнышко высоко стало... Инъ, какъ разъ и полдничать время! Ау, мамушка! Ау, дѣвушки!—послала она звонкимъ крикомъ, разлившимся на весь садъ.

— Ау, ау!—послышалось отвѣтнымъ крикомъ изъ густой заросли смородинныхъ и малинныхъ кустовъ, и черезъ минуту, другую просунулась пестрая, шитая шелками кика мамушки, и замелькали оживленныя лица дѣвушекъ, открывшихъ, наконецъ, убѣжище своихъ молодыхъ господъ.

И гурьбою, подхвативъ на руки боярчатъ, всѣ двинулись къ дому.

II

РОДСТВЕННИКИ Московскимъ государямъ по бабкѣ великаго князя Ивана III, Марьѣ Голтяевой-Кошкиной и, сверхъ того, по отцу приходясь родными племянниками первой супругѣ Іоанна Грознаго, Анастасіи Романовнѣ, изъ рода Захарьиныхъ-Романовыхъ-Юрьевыхъ, бояре Романовы считались по роду своему, знатности, положенію и богатству едва ли не первыми вельможами на Москвѣ.

Родъ бояръ Романовыхъ происходилъ отъ Андрея Кобылы, извѣстнаго Московскаго боярина временъ Семеона Гордаго. Изъ ближайшихъ потомковъ этого Андрея Кобылы особенно возвысился одинъ изъ внуковъ его, Иванъ Ѳеодоровичъ Кошкинъ, любимецъ и ближній человѣкъ Московскаго великаго князя Василія I. Сынъ его Захарій положилъ начало цѣлому роду. Потомки его получили фамилію Захарьиныхъ-Юрьевыхъ. Два сына Захарія были при дворѣ великаго князя Василія III: старшій Михаилъ однимъ изъ его самыхъ приближенныхъ бояръ, младшій Романъ—окольничьимъ. Великій князь и царь всея Руси, Іоаннъ IV Васильевичъ (Грозный) былъ женатъ на дочери этого окольничьяго Романа Юрьевича, Анастасіи. И весь родъ Романа Юрье-

вича со времени Іоанна IV сталъ называться „Романовы-Захарьины-Юрьевы“ или просто „Романовы“.

Братъ царицы Анастасіи Романовны, Никита Романовичъ, состоя въ ближнихъ боярахъ, пользовался особеннымъ уваженіемъ и любовью Грознаго царя. Родственная связь съ царскимъ родомъ и добрая слава, которую завоевали себѣ какъ сама царица Анастасія, отличавшаяся добрымъ нравомъ и голубиною кротостью, такъ и братъ ея Никита Романовичъ, не разъ отводившій гнѣвъ царя въ страшную минуту и умѣвшій хорошо вліять на горячій и крутой нравъ молодого еще Іоанна Грознаго, создали особенный ореолъ народной любви и преданности всему Романовскому роду. Не даромъ въ народныхъ пѣсняхъ и былинахъ отводится почетное мѣсто Никитѣ Романовичу за его добрыя дѣла и заступничество за опальныхъ передъ царемъ.

Послѣ смерти Анастасіи Романовны, братъ ея не пересталъ быть ближнимъ къ царю лицомъ, хотя и не принадлежалъ къ числу царевыхъ любимцевъ—опричниковъ. Какъ велико было довѣріе Іоанна къ Никитѣ Романовичу, видно изъ того, что, умирая, Грозный царь назначилъ опекуномъ своему сыну, слабоумному, неспособному въ дѣлахъ правленія Ѳеодору-царю, того же Никиту Романовича.

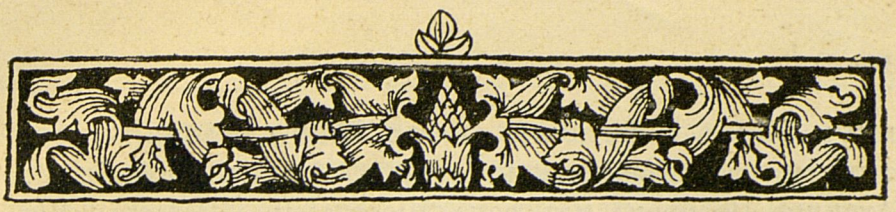
Но царскій шуринъ немногимъ пережилъ своего владыку. Разбитый параличомъ, Никита Романовичъ на смертномъ одрѣ заклиналъ входившаго тогда въ силу боярина Бориса Годунова беречь оставшихся послѣ него сыновей, „Никитичей“, какъ ихъ прозывали тогда въ Москвѣ. Ихъ было пятеро молодыхъ богатырей-красавцевъ: Ѳеодоръ, Александръ, Иванъ, Василій и Михаилъ. Особеннымъ расположеніемъ юнаго царя Ѳеодора пользовался старшій, Ѳеодоръ, тезка и ближній человѣкъ къ царю.

Не было болѣе образованнаго, умнаго и виднаго че-

ловѣка на Москвѣ въ то время. Отличаясь особенной начитанностью, Ѳеодоръ Никитичъ сумѣлъ изучить даже латинскій языкъ, что являлось тогда величайшею рѣдкостью въ средѣ московскихъ бояръ. Обладая прекрасною величавою наружностью, Ѳеодоръ считался въ то же время первымъ щеголемъ на Москвѣ. Его наряды рѣзко отличались отъ безвкусной одежды современныхъ ему москвичей. Все было ловко подобрано и сидѣло какъ на картинѣ на этомъ статномъ, величавомъ красавцѣ. Къ тому же онъ обладалъ поразительнымъ даромъ слова, такъ мало присущимъ его современникамъ. А его щедрость и доброта, унаслѣдованныя отъ отца, привлекали къ нему всѣ сердца окружающихъ.

Ходилъ слухъ по Москвѣ, что умирающій бездѣтный Ѳеодоръ Іоанновичъ хотѣлъ передать престолъ своему двоюродному брату по матери—Ѳеодору Никитичу Романову, послѣ того какъ царевичъ Димитрій, братъ царя по отцу отъ брака Грознаго съ царицей Маріей Нагихъ, былъ предательски зарѣзанъ въ Угличѣ. Но ближній бояринъ Борисъ Годуновъ, цѣлымъ рядомъ интригъ и козней, самъ добился престола, перешагнувъ черезъ трупъ Углицкаго убитаго царевича, зарѣзаннаго, какъ утверждала народная молва, подосланными имъ же самимъ убійцами. Но слишкомъ популярны и любимы были въ народѣ бояре Романовы, „Никитичи“, чтобы не считаться съ ними новому царю, не прирожденному, а посаженному на царство горстью бояръ и Соборомъ. И съ первыхъ же дней своего владычества Борисъ понялъ это и всячески отличалъ „Никитичей“. Онъ пожаловалъ боярство Ѳеодору и Александру, и они засѣдали въ его Государевой Думѣ. Михаила Никитича назначилъ окольничьимъ. Одной изъ сестеръ Романовыхъ, Иринѣ Никитичнѣ сваталъ своего племянника. Но тайный страхъ передъ популярностью, родовитостью и силою этихъ первыхъ вельможъ-бояръ гвоздилъ и точилъ душу Бориса,

неродовитаго, незнатнаго потомка татарскаго мурзы Четы, гораздо менѣе достойнаго престола, нежели „Никитичи“, родственники Московскихъ владыкъ.



III

БЕЗПРЕМѢННО все слышанное братцу Ѳедѣ пересказать надо!—спѣшно шагая по дорогѣ къ хоромамъ, мысленно твердила Настя, и то и дѣло хмурилось ея обычно веселое, подвижное, румяное личико.

Между тѣмъ въ просторной, свѣтлой стольной избѣ богатыхъ романовскихъ палатъ въ ожиданіи полдника шла обычная предобѣденная суета.

Тяжелые дубовые столы, покрытые бѣлоснѣжными, съ камчатными узорами, скатертями, ломились подъ тяжестью серебряной посуды, тарелокъ, чарокъ, ковшей и бражницъ, обильно покрывавшихъ ихъ.

Рѣдкій день выпадалъ въ году, чтобы не наѣзжало гостей видимо-невидимо на Романовское подворье къ боярину Ѳеодору Никитичу, славившемуся на всю Москву-матушку своимъ удивительнымъ радушіемъ и хлѣбосольствомъ. А если даже и выпадалъ такой рѣдкій день, то гостей замѣняла ближняя родня хозяевъ: братья, родичи и свойственники боярина съ ихъ семьями, охотно собиравшіеся къ столу у Ѳеодора Никитича. А ихъ было немало: сами „Никитичи“, князья Черкасскіе, одинъ изъ которыхъ былъ женатъ на старшей изъ сестеръ Романо-

выхъ, Марѳѣ Никитичнѣ, князья Сицкіе, Рѣпнины, Салтыковы, свойственники по супругѣ боярынѣ Ксеніи или Аксиньѣ Ивановнѣ изъ рода Шестовыхъ, Шестовы, Карповы и другіе.

На нѣсколько десятковъ мѣстъ поэтому обыкновенно собирали холопы, въ главѣ съ дворецкимъ и боярскимъ ключаремъ-казначеемъ, вѣрнымъ Сергѣичемъ, обѣденный столъ въ стольной избѣ.

Расторопная челядь, уставлявшая столы серебряной посудой и утварью, не забыла покрыть и новыми, червчатаго атласа, половошниками съ золотой каймой и гривкой скамейки-мѣста для гостей, поправить теплящіеся огоньки лампадъ у божницы въ красномъ углу стольной горницы и до блеска протереть серебряное паникадило, спускавшееся съ потолка на массивной цѣпи, гайтанѣ. При дневныхъ трапезахъ его обыкновенно не зажигали, такъ какъ свѣтъ и солнце безпрепятственно проникали въ слюдовыя, хитро размалеванныя оконца боярскихъ хоромъ. И въ блескѣ этого солнышка особенно ярко сверкала драгоцѣнная серебряная утварь на столѣ и поставцахъ. Не менѣе ярко освѣщало солнышко и стѣны горницы, разукрашенныя поверхъ суконныхъ тисненныхъ обоевъ картинами, изображающими всякія дѣйства изъ библейской исторіи.

На заморскихъ, вывезенныхъ изъ Нѣметчины, часахъ, стоявшихъ на высокомъ поставцѣ въ сосѣднихъ со стольной горницей сѣняхъ, отбило мѣрнымъ звукомъ двѣнадцать ударовъ.

— Ѣдутъ! Ѣдутъ!—маша шапкой, закричалъ на бѣгу молоденькій челядинецъ, бросаясь отъ воротъ, у которыхъ сторожилъ появленіе боярскаго поѣзда.

Въ тотъ же мигъ вся засуетившаяся челядь метнулась къ воротамъ.

Въ концѣ улицы, у крестца, показалась группа всадниковъ. Впереди всѣхъ на гнѣдомъ карабахѣ ѣхалъ, въ

нарядной одеждѣ—терликѣ и въ невысокой шапкѣ, ближній бояринъ и думецъ, главный хозяинъ Романовскаго подворья и представитель этого знатнаго рода, Ѳеодоръ Никитичъ.

Онъ казался много моложе своихъ 53 лѣтъ. Въ его величаво-красивомъ лицѣ съ темнорусой, едва тронутой сѣдиной, бородкой, которую онъ подстригалъ по европейскому обычаю, въ темныхъ, проницательныхъ, полныхъ ума и энергіи глазахъ теперь сказывалась какая-то тревога.

За нимъ ѣхалъ верхомъ второй братъ его, тоже думскій бояринъ, Александръ Никитичъ. И у добродушнаго на видъ, второго Никитича тѣ же слѣды не малаго волненія и тревоги сказывались во всемъ. Да и слѣдовавшая слѣдомъ за старшими Романовыми молодежь, младшіе братья: красавецъ-богатырь Михаилъ, недавно произведенный изъ стольниковъ въ окольничьи, о физической силѣ и чисто-русской красотѣ котораго говорила вся Москва; Василій и Иванъ Никитичи съ князьями Черкасскими и братьями Сицкими, да съ дворянами Шестовыми, ихъ родственниками и свояками, были тоже, какъ будто, не въ себѣ въ это теплое по-лѣтнему, ясное утро начала мая.

Безъ обычныхъ шутокъ, веселыхъ бесѣдъ и громкаго говора прискакали нынче на подворье бояре и ихъ гости, спѣшились у высокаго рундука, бросивъ поводья на руки челяди, и слѣдомъ за хозяиномъ дома прошли въ стольную избу.

— Наши вернулись и съ гостями! Да не веселы что-то. Ой, чуетъ лихо сердце мое!—произнесла, выглядывая въ окно женской половины боярскаго терема, сама молодая боярыня, Ксенія Ивановна, изъ рода Шестовыхъ, чернобровая, бѣлолицая женщина лѣтъ тридцати, съ небольшимъ рѣшительнымъ умнымъ лицомъ и быстрыми, смѣлыми энергичными глазами, жена старшаго Романова, Ѳеодора Никитича.

— И полно бѣду накликать, невѣстушка! — произнесла княгиня Марѳа Никитична Черкасская, старшая сестра „Никитичей".—Вернулись наши соколы по-здорову, сама вѣдаешь, а што невеселы, такъ съ устанку это. Небось, не легкое дѣло въ Думѣ Государевой засѣдать. Да по нонѣшнимъ временамъ вдобавокъ, когда окромя, какъ на родичей своихъ Годуновыхъ, царь и глядѣть ни на кого не хочетъ, только ихъ и слушаетъ, имъ только и довѣряетъ... имъ однимъ.

— Полно, сестрица,—вмѣшалась въ бесѣду двухъ боярынь молодая жена Александра Никитича, боярыня Ульяна,—вѣдь и мы по свойству царю нынѣшнему не чужіе, съ тѣхъ поръ какъ сестрица Ириша за племянника выдана царскаго.

— А все же, сестрицы, чуетъ мое сердце,—снова съ легкимъ вздохомъ произнесла Ксенія Ивановна,—недолюбливаетъ нашихъ бояръ царь Борисъ.

— Тише! Дѣтки съ Настею да мамой сюды идутъ!—произнесла княгиня Марѳа и бросилась навстрѣчу племянникамъ, которыхъ, будучи сама бездѣтной, любила какъ собственныхъ дѣтей.

— Видали! Видали, какъ батюшка съ дядями прискакалъ на аргамакахъ! Ходко таково!—весело лепеталъ Миша, минуя тетку и бросаясь въ объятія матери, пряча оживленное, раскраснѣвшееся личико въ складкахъ ея богатой и нарядной тѣлогрѣи.

— Родимый ты мой!—ласково шепнула молодая боярыня, прижимая къ груди своей ребенка, и нѣсколько твердое, энергичное выраженіе ея красиваго, полнаго лица озарилось невыразимымъ выраженіемъ любви и нѣжности материнства, а полные затаенной тревоги глаза прояснились сразу и засіяли свѣтомъ горячей нѣжной любви.

— Сокровище ты мое!—непроизвольнымъ шопотомъ соскользнуло съ ея румяныхъ устъ, улыбавшихся теперь

Отецъ царя Михаила Ѳеодоровича, Филаретъ Никитичъ Романовъ,
съ портрета, принадлежащаго музею Императорскаго Эрмитажа, въ Спб.

малюткѣ-сыну блаженной улыбкой. Онъ былъ ея радостью и утѣшеніемъ, самымъ первымъ и лучшимъ изъ сокровищъ Романовскаго подворья,—онъ и голубоглазая сестра его Таня. Троихъ, Бориса, Льва и Никиту, старшихъ дѣтей, Ѳеодоръ Никитичъ и Ксенія Ивановна схоронили еще младенцами; четвертаго, грудного мальчика, потеряли недавно. Зато эти двое послѣдніе выжили и подросли на утѣшеніе и радость родителямъ и близкимъ.

И теперь, позабывъ недавнія тревоги, мать ласкала обоихъ дѣтей съ той беззавѣтной нѣжностью, на которую способны однѣ только матери.

□ □ □

Но тревога и предчувствія боярыни Ксеніи Ивановны были не напрасны.

Въ то время, какъ въ женскомъ теремѣ она съ золовками любовалась своими ребятишками, въ стольной избѣ, послѣ того какъ слуги внесли и разставили на столѣ нѣсколько перемѣнъ яствъ и питій, завязалась между хозяевами и гостями самая оживленная бесѣда.

Не прикоснувшись къ жаренымъ лебедямъ, курамъ, утямъ и рябамъ, со всевозможными взварами и подливками всякаго рода, къ подовымъ пирогамъ, лепешкамъ и мяснымъ студнямъ (день былъ скоромный), къ безчисленнымъ похлебкамъ, подававшимся послѣ жаркого и обильно покрывавшимъ столъ, осушивъ однимъ духомъ кубокъ съ заморской романеей, Ѳеодоръ Никитичъ, хозяинъ дома, произнесъ, обращаясь къ молча угощавшимся вокругъ стола гостямъ, предварительно движеніемъ руки выславъ изъ горницы челядь:

— Неладное затѣваетъ что-то нынче ворогъ нашъ, окольничій Годуновъ, Семенъ Никитичъ. Намедни въ Передней Государевой такое отмочилъ онъ брату Александру слово, что не будь то въ дворцовой палатѣ, кажись не сдержаться мнѣ и свѣта Божьяго не взвидѣть бы охульнику...

— Твоя правда, братецъ,—произнесъ обычно спокойный и добродушный, теперь же крайне взволнованный второй „Никитичъ“.—Осмѣлился онъ,—обратился Александръ къ внимательно слушавшимъ его съ братомъ присутствующимъ,—дерзнулъ такую зацѣпу мнѣ пустить, когда я вмѣстѣ съ братомъ и Шуйскимъ, княземъ Васильемъ, да Воротынскимъ старикомъ завели бесѣду о датскомъ королевичѣ Яганѣ, что слѣдуетъ сюда для брака съ царевной Ксеніей, буде али не буде королевичъ передъ честнымъ вѣнцомъ переходить въ нашу вѣру, такое слово молвилъ:—„Не заморскіе, говоритъ, некрещеные по нашему обряду принцы страшны, бояринъ Александръ Никитичъ, а свои московскіе бояре куды страшнѣе, которые на царскую державу зубы точатъ, да на здоровье государево зло умышляютъ; вотъ тѣ поистинѣ страшны!“

— А ты что же отвѣтствовалъ на это, братъ?—вырвалось у молодого несдержаннаго Михаила Никитича на всю стольную горницу.

— Отвѣтствовалъ я за него, што нѣтъ у великаго государя враговъ нонѣ, а вѣрные слуги одни стоятъ у кормила правленія, а что ежели вѣдаетъ про какую тамъ измѣну онъ, Семенъ Годуновъ, такъ пущай о томъ оповѣститъ насъ всѣхъ, и мы раздѣлаемся сами съ измѣнниками царскими. Вотъ, что я отвѣтствовалъ ему вмѣсто Александра,—такъ старшій братъ закончилъ свою рѣчь.

Красавецъ Михаилъ такъ и подскочилъ на мѣстѣ.

— Эхъ, братъ Ѳеодоръ, жалости достойно, что меня тамъ не было! Я-бъ ему показалъ. Не поглядѣлъ бы на то, что онъ ухо и око государево*), я бы отбилъ въ немъ охоту вѣрныхъ и честныхъ слугъ государевыхъ чернить!

И глаза молодого Романова заметали молніи гнѣва, а рука, державшая кубокъ съ виномъ, замѣтно дрожала отъ охватившаго его волненія.

---

*) Такъ прозвали остальные родовитые бояре всѣмъ ненавистнаго родственника царя Бориса, окольничьяго Семена Годунова.

— Полно, Миша,—ударивъ его по плечу, произнесъ старшій Романовъ,—ну и въ худшую бѣду ввелъ бы насъ, братьевъ. Или не вѣдаешь, что царь Борисъ только Семену Годунову и вѣритъ нонче... Только его и слушаетъ. Ужъ давно я примѣчаю, что волкъ волкомъ косится на насъ ближній бояринъ. То ухмыльнется, то глаза отведетъ; нынѣшнія слова объ измѣнникахъ и подавно не зря имъ сказаны. Послѣ думнаго сидѣнья остановилъ я его въ дворцовыхъ переходахъ и одинъ на одинъ опросилъ: — „куда, говорю, гнулъ, Семенъ Никитичъ намедни? Што за рѣчи брату поутру говорилъ?“ А онъ мнѣ такой лисой прикинулся. — „Што ты, говоритъ, окстись, бояринъ! Съ чего всполошился? Не всякое, говоритъ, лыко въ строку. Коли совѣсть твоя чиста, такъ, говоритъ, нечего тебѣ о моихъ рѣчахъ и мыслить“,— и ужомъ изъ рукъ моихъ вывернулся и поспѣшилъ отъ меня. Только, чую, не спроста были тѣ рѣчи. А притянуть за нихъ къ отвѣту нельзя. Тонко дѣло свое знаетъ, лисица, хвостомъ виляетъ и уцѣпиться не даетъ. — И государь великій изъ-за него какъ будто послѣдніе дни на насъ немилостиво глядитъ,—ввернулъ свое слово Александръ Никитичъ.

— Великому государю вѣдомо, что всѣ Романовы съ родичами и свойственниками своими его вѣрные слуги!— произнесъ Ѳеодоръ Никитичъ тономъ, не допускавшимъ возраженій, и, поднявшись со своего мѣста, произнесъ здравицу царю въ видѣ длинной витіевато составленной послѣтрапезной молитвы, которую царь Борисъ съ первымъ совѣтникомъ своимъ, патріархомъ Іовомъ, сочинили совмѣстно и передали боярамъ и людямъ московскимъ со строгимъ приказаніемъ ежедневно читать ее за столомъ.

Трапеза кончилась.

Невесело разошлись изъ-за стола хозяинъ и гости по заготовленнымъ покоямъ для послѣобѣденнаго сна,

вмѣненнаго чуть ли не въ обязанность каждому русскому человѣку въ то время.

Каждый чувствовалъ надвигавшіяся тучи на горизонтѣ жизни бояръ Романовыхъ...

Въ воздухѣ собиралась гроза.

□ □ □

Чувствовалась она и на женской половинѣ Романовскаго подворья.

Когда разъѣхались ближніе и дальніе гости, Ѳеодоръ Никитичъ прошелъ въ теремъ жены, жившій особенной собственной жизнью. Теремъ этотъ былъ отдѣленъ отъ мужской половины цѣлымъ рядомъ переходовъ, сѣней и клѣтей. Только въ рѣдкіе дни именитой боярынѣ Ксеніи Ивановнѣ съ дѣтками удавалось обѣдать вмѣстѣ съ горячо любимымъ мужемъ и отцомъ. А по большей части званые пиры, да ловы, да медвѣжьи и соколиныя потѣхи послѣ проведеннаго во дворцѣ „думнаго“ утра отнимали боярина Ѳеодора Никитича у семьи.

Зато сейчасъ, послѣ короткаго послѣобѣденнаго отдыха, онъ съ особой поспѣшностью прошелъ на женскую половину.

Гостьи боярыни Ксеніи тоже разъѣхались по домамъ, и теперь въ ея просторной передней горницѣ, кромѣ нея самой, да дѣтокъ съ ихъ мамою-пѣстуньей Кондратьевной, находились только старая боярыня Шестова, мать молодой Романовой, и золовка ея, красавица Настя, жившія на Романовскомъ подворьѣ. Лишь только плечистая рослая фигура боярина Ѳеодора Никитича показалась въ дверяхъ, Таня и Миша съ веселымъ крикомъ бросились навстрѣчу отцу.

— Батюшка! Батюшка! Наконецъ-то пожаловалъ!—зазвенѣли ихъ веселые, звонкіе голоса.

Однимъ могучимъ взмахомъ рукъ бояринъ захватилъ обоихъ дѣтокъ и, вскинувъ на воздухъ, прижалъ къ груди.

— Аль боязно?—усмѣхаясь, крикнулъ онъ визжавшимъ отъ восторга дѣтямъ.

Таня и Миша съ веселымъ крикомъ бросились навстрѣчу отцу.

Гос.
Публичная
Библиотека
в
Ленинграде

— Ничуть не боязно! Нисколечко! — хохотали малютки, ловя и цѣлуя руки отца, любовно возившагося съ сыномъ и дочкой.

Но несмотря на близость любимыхъ существъ, несмотря на ласковую встрѣчу любимой жены и привѣтливыя рѣчи тещи, тревога не исчезала изъ орлиныхъ пронзительныхъ глазъ Ѳеодора Никитича.

Эта тревога передалась невольно и женѣ, и сестрѣ, и тещѣ.

Въ то время какъ Ксенія Ивановна пытливо заглядывала въ лицо мужа и осторожно выспрашивала его о томъ, какъ прошло у него полъ-дня до ихъ встрѣчи, и все ли по „здорову“, боярышня Настя, обожавшая братца-Ѳедю, замѣнившаго ей отца, послѣ котораго она осталась совсѣмъ малымъ ребенкомъ, думала про себя:

— Нѣтъ, ни слова не повѣдаю ему изъ того, что услышала въ саду намедни. Ишь, онъ какой нынче нерадостный, невеселый! Господь съ нимъ! Не надо ему докучать еще новой тревогой! Пущай потѣшится ребятками, авось тревога и отойдетъ, тогда и потолкуемъ съ нимъ.

И дѣвушка оказалась права.

Таня и Миша весело лепетали безумолку, сообщая „батюшкѣ ненаглядному“ о томъ, какъ они съ тетей Настей отъ Кондратьевны убѣгли утромъ и какіе чудесные цвѣточки да травушки растутъ въ дальнемъ углу сада, и что въ смородникѣ да въ малинникѣ и вовсе заблудиться можно.

И невольно глаза боярина прояснились наконецъ подъ этотъ милый лепетъ, а улыбка раздвинула прекрасныя гордыя губы.

— Вѣдь вотъ, Аксиньюшка, была печаль и нѣтъ ея,— произнесъ онъ, обращаясь къ ней съ ласковой усмѣшкой,—а все они, проказники эти, лучше всякихъ лекарей заморскихъ вылечили отцову кручину!

И онъ, нагнувшись, поцѣловалъ кудрявыя головки дѣтей

— Что и говорить, дѣтки — благословеніе да благодать Господня? — произнесла старая боярыня Шестова, поглядывая съ умиленіемъ на счастливую семью дочери, въ которой сама не чаяла души.

И опять, глядя въ просвѣтлѣвшее, наконецъ, лицо брата, красавица Настя Романова рѣшила въ тайникахъ своей дѣвичьей души:

— Нѣтъ, ни словомъ не обмолвлюсь ему о томъ, объ утрешнемъ... Коли печальнаго оберегала его, голубчика, зачѣмъ навѣвать ему новыя заботы и кручины, отравлять ему радость и подавно негоже!

И она, жалѣя брата, рѣшила молчать.

IV.

Теменъ и сумраченъ проснулся великій государь всея Руси Борисъ Ѳеодоровичъ.

Былъ пятый часъ утра въ началѣ. Первые лучи ранняго весенняго солнышка побѣдоносно врывались въ размалеванныя яркими узорами заморскаго малеванья слюдовыя оконца царской опочивальни.

Дробясь сотнями искръ, они играли на граняхъ сердоликовыхъ и хрустальныхъ лампадъ, на серебряныхъ цѣпяхъ-гайтанахъ, спускавшихся у божницъ, и на золоченой коронѣ, вѣнчавшей царское ложе подъ глазетовымъ балдахиномъ, устланное мягкими лебяжьими перинами и пуховиками, съ рѣдкостной рѣзьбою и позолотой по дереву, съ пышнымъ одѣяломъ изъ червчатаго атласа, окаймленнымъ золотымъ кружевомъ, съ мягкими взголовьями (подушками), заключенными въ тонкія, цвѣтного шелка, наволочки. Большой персидскій коверъ, даръ восточнаго царевича, устилалъ горницу, потолокъ которой былъ расписанъ цвѣтами и травами, а стѣны—дѣйствами изъ жизни царей и картинами изъ священной исторіи. Царское кресло, золоченое и крытое бархa-

томъ, поставецъ съ рѣдкостными часами-будильникомъ и кипарисовые сундуки-укладки, да тяжелые скрыни (комоды) подъ замками за царской печатью, въ которыхъ хранилось государево бѣлье и доступъ къ которымъ имѣлъ только самый ближній къ царю человѣкъ, а то только сама государыня-царица, — вотъ и вся обстановка царевой опочивальни того времени.

Царь Борисъ Годуновъ проснулся сильно не въ духѣ. Все послѣднее время тревоженъ былъ сонъ царя. Далеко за полночь сѣдые старцы бахари-сказочники пѣли въ сѣняхъ дребезжавшими старческими голосами древнія сказанія о великомъ князѣ Володимірѣ и мудрой княжнѣ Ольгѣ, о Святославѣ и Олегѣ, о храбромъ богатырѣ миѳической Руси Ерусланѣ и другихъ витязяхъ и дѣйствахъ далекихъ, древнихъ временъ. Но наканунѣ даже сказочники не смогли разсѣять задумчивости царя и способствовать его сну и покою.

До утра, почти что до самаго солнечнаго восхода, промаялся на своемъ пышномъ ложѣ Борисъ, то чутко прислушиваясь къ сонному всхрапыванію спальниковъ и постельничьяго, спавшихъ въ сѣняхъ у дверей царской опочивальни, то вперивъ глаза въ темные, тонувшіе во мракѣ, углы комнаты, и пытливо вопрошалъ нѣмыми вопросами эту притаившуюся ночную тишину.

Мысли царя кипѣли не даромъ. И волненіе Бориса тоже имѣло свои причины. Подозрительный не въ мѣру, видѣвшій кругомъ себя измѣну и подвохъ, путемъ долгихъ происковъ и интригъ очутившійся на престолѣ, онъ, захудалый потомокъ татарскихъ князей, боялся всѣмъ существомъ своимъ тѣхъ, кто былъ знатнѣе и именитѣе его по рожденью.

А тутъ еще его ближніе бояре, родственники, „Годуновцы“, то и дѣло нашептывали въ уши царю о несуществовавшихъ козняхъ именитыхъ бояръ, интригахъ и измѣнахъ. Особенно старался въ этомъ дѣлѣ Семенъ

Никитичъ Годуновъ, царскій дядя. Этотъ лукавый, хитрый, но ничтожный, ничѣмъ не выдававшійся человѣкъ опасался соперничества въ отношеніи близости къ царю людей, выдающихся и достойныхъ. Да и надежда поживиться за счетъ опальныхъ бояръ не мало способствовала нашептываньямъ и наговорамъ на нихъ царю со стороны Семена Годунова Если при царѣ Иванѣ Грозномъ православная Русь стонала подъ гнетомъ пытокъ и казней, то въ дни царствованія Бориса Ѳеодоровича по одному только навѣту и доносу враговъ людей обвиняли въ измѣнѣ, ссылали, предварительно подвергнувъ сыску, то есть допросу, сопровождавшемуся въ худшемъ случаѣ пыткой, или заточенію въ тюрьмѣ, а имѣнія и вотчины мнимыхъ измѣнниковъ отписывались на государя, который нерѣдко жаловалъ изъ нихъ доносчиковъ.

Суевѣрный до крайности, царь Борисъ Годуновъ особенно боялся „глаза“ и „порчи“.

Его приспѣшники широко пользовались этой слабостью, наговаривая государю на тѣхъ или другихъ изъ своихъ враговъ, приписывая имъ умыселъ испортить царское здоровье. Кудесники, вѣщіе мужики, вѣдуньи и всякаго рода гадалки не переводились въ то время на Москвѣ, пользуясь покровительствомъ окружавшихъ царя людей, чтобы каждую минуту по цареву желанью предстать передъ государемъ и сказывать ему судьбу „то есть гадать ему въ тишинѣ подклѣтей“. Къ этимъ вѣдунамъ и ворожеямъ имѣлъ большое довѣріе Борисъ.

Еще наканунѣ этой ночи, проведенной такъ тревожно и безъ сна, государь послалъ свою „правую руку“, свое „ухо и око“, Семена Годунова, къ новому, объявившемуся на Москвѣ астроному, пріѣхавшему изъ Нѣметчины.

Никогда еще душевное волненіе Бориса не достигало, казалось, такой силы, какъ въ эту ночь.

Безъ сна, безъ минутнаго забвенія, прометался до солнечнаго восхода на своемъ пышномъ ложѣ Московскій государь.

Но и безъ сонныхъ видѣній вставали передъ царемъ, какъ живые, образы, пугавшіе царя, омрачавшіе его душу, наполнявшіе все существо Бориса страхомъ и смятеніемъ.

Вставали недавнія картины...

Далекій Угличъ... Соборная площадь... Толпы народа, стремящіяся къ царицыну дворцу, гдѣ вдова Іоанна Грознаго, седьмая жена его, Марія изъ рода Нагихъ, жила съ сыномъ Димитріемъ царевичемъ и братьями. Эта картина изъ недавняго прошлаго особенно не давала покоя Борису.

По желанію правителя Бориса безвольный молодой царь Ѳеодоръ отослалъ туда свою молодую мачеху и своднаго брата. Такъ желалъ этого онъ, царскій шуринъ Борисъ Годуновъ, первый совѣтникъ царя Ѳеодора Іоанновича.

Пожелалъ онъ вскорѣ и другого... Пожелалъ отстранить наслѣдника царскаго, царевича Димитрія отъ престола... И вотъ черезъ малое время прошелъ слухъ по Москвѣ, что зарѣзался царевичъ въ далекомъ Угличѣ, въ припадкѣ падучей наткнувшись на лезвіе ножа..

Такъ говорили въ Москвѣ въ то время. Но совсѣмъ иное говорила совѣсть Бориса въ безсонныя ночи, полныя ужаса и муки.

Какъ ни какъ, но царевичъ Димитрій палъ подъ ножомъ наемныхъ убійцъ, и престолъ Ѳеодора Іоанновича долженъ былъ отойти къ достойнѣйшему изъ окружавшихъ его ближнихъ людей.

Слабый, болѣзненный, неспособный править государствомъ, Ѳеодоръ слѣпо весь предался умному и дѣятельному Борису.

Но подлѣ трона царя выростала новая фигура красавца, московскаго боярина, бывшаго воеводы Нижегородскаго, Ѳеодора Никитича Романова, любимца всей Москвы.

И умирающій Ѳеодоръ, какъ ближнему своему родственнику, двоюродному брату „Никитичу“ готовился отдать престолъ.

Хитрый, пронырливый правитель, Борисъ Годуновъ съ корнемъ вырвалъ это рѣшеніе. И водворился самъ на престолѣ Московскомъ.

Но страхъ за „свою державу“, страхъ передъ отставленнымъ, но болѣе достойнымъ царскаго скипетра, ужасъ передъ Ѳеодоромъ Никитичемъ и его братьями мрачилъ въ эти безсонныя ночи голову и душу Бориса.

Онъ зналъ, что Ѳеодоръ Никитичъ съ братьями—любимые бояре народа и даже правящихъ классовъ. Ихъ щедрость, честность, неподкупность были хорошо извѣстны. А равно съ этимъ и ихъ огромныя богатства. Что, если они?

Эта мысль жгла какъ калеными щипцами все существо царя...

И не въ первый разъ въ эту ночь... Многія безсонныя ночи провелъ онъ такъ, измышляя, какъ бы, не прибѣгая къ тѣмъ крутымъ мѣрамъ, которыя совѣтовалъ ему его дядя Семенъ Годуновъ, избавиться отъ бояръ Романовыхъ, особенно отъ старшаго изъ „Никитичей“.

Думалъ и не могъ найти исхода...

Блѣдный, со вспухшими вѣками и красными утомленными глазами, царь приподнялся на перинахъ и ударилъ въ ладоши.

Два спальника и постельничій бояринъ неслышно вошли въ горницу и, отвѣсивъ низкій земной поклонъ царю, приступили къ сложной процедурѣ „убиранья“ государя.

Получасомъ позднѣе Борисъ, въ домашнемъ, расшитомъ камнями и жемчугомъ кафтанѣ, съ тяжелымъ охобнемъ на плечахъ и въ тафьѣ на головѣ, опираясь на свой царскій посохъ, вмѣстѣ съ сыномъ, царевичемъ Ѳеодоромъ, красивымъ, румянымъ юношей, прошелъ въ крестовую палату.

Здѣсь на порогѣ и царя и царевича встрѣтилъ духовникъ царскій, протопопъ Благовѣщенскаго собора, съ крестомъ въ рукѣ.

Борисъ, отличавшійся набожностью, молился горячо и истово, кладя земные поклоны.

По выходѣ изъ крестовой, царь послалъ царскаго стольника на женскую половину дворца спросить о здравіи царицы Марьи Григорьевны и царевны дочери Ксеніи.

А самъ, прежде нежели прослѣдовать въ свою Государеву переднюю, гдѣ къ этому часу собирались всѣ думные и ближніе бояре для совмѣстнаго съ царемъ рѣшенія мелкихъ дѣлъ (крупныя дѣла рѣшались въ Грановитой палатѣ), прошелъ въ царскую „комнату“, куда допускались лишь немногіе самые близкіе люди, и приказалъ позвать Семена Годунова, отпустивъ предварительно юнаго царевича къ матери и сестрѣ.

V.

— Ну, что Семенъ Никитичъ? Дознался ли про все, по моему велѣнью?

Этимъ вопросомъ Борисъ встрѣтилъ высокаго, худого, нѣсколько сутуловатаго человѣка въ боярскомъ кафтанѣ, крадущейся походкой проскользнувшаго въ горницу и раболѣпно въ земномъ поклонѣ склонившагося передъ царемъ.

Медленно поднялся онъ на ноги и тою же крадущейся, неслышной походкой подошелъ къ самому креслу царя. Его маленькіе глазки забѣгали какъ мыши въ клѣткѣ, а длинные худые пальцы нервно пощипывали бороду.

— Дознался! Какъ есть дознался обо всемъ, великій государь!—наклоняясь почти къ самому уху царя, произнесъ онъ шопотомъ, скашивая на дверь горницы глаза.

— Ну?! Сказывай же, все сказывай, какъ на духу!—скорѣе угадалъ, нежели услышалъ окольничій изъ поблѣднѣвшихъ и дрогнувшихъ отъ волненія устъ царя.

Семенъ Годуновъ не сразу поспѣшилъ отвѣтить. Онъ съ легкостью, далеко не свойственной его неуклюжей,

согнутой фигурѣ, скользнулъ къ дверямъ, заглянулъ въ смежныя съ государевой „комнатой“ сѣни и, плотно прикрывъ двери, вернулся на свое мѣсто и, снова склонившись къ уху царя, зашепталъ таинственно:

— Великій государь! По твоему царскому приказу былъ я поздно ночью у того звѣздочета-нѣмчина и пыталъ отъ него судьбу Московскаго государства, государь... Волхвуетъ тотъ звѣздочетъ зѣло-гораздо. И на звѣзды, на планиды небесныя глядѣлъ онъ при мнѣ въ трубу и линіи чертилъ на пергаментѣ... И планиды, и линіи, все едино говорили, государь великій... Все сулили смуту великую, измѣну и козни злодѣевъ, завистниковъ твоихъ...

— Какія козни? Какіе злодѣи? Опять за старое ты, дядя!—съ досадой, слегка ударивъ посохомъ объ полъ и болѣзненно морщась, произнесъ Борисъ.

Багровая краска залила лицо ближняго боярина.

— Не гнѣвайся, великій государь, на меня, вѣрнаго смерда твоего... Самъ вѣдаешь, душой и тѣломъ служу тебѣ, денно и нощно, себя не жалѣючи, давлю въ корнѣ измѣну, коли...

— Полно, полно, дядя,—снова нетерпѣливо перебилъ Борисъ,—самъ вѣдаю про твою усердную службу, про твои заслуги... Такъ сказывай, что тебѣ повѣдалъ тотъ нѣмчинъ?

Семенъ Годуновъ опустилъ въ полъ глаза, какъ бы колеблясь, какъ бы не рѣшаясь произнести то, что рвалось у него наружу.

Томительная пауза воцарилась въ государевой „комнатѣ“. Слышно было только, какъ въ волненіи тяжело и усиленно дышалъ Борисъ.

И снова раздался едва слышный шопотъ Семена Годунова у самаго уха царя:

— Отъ рода Романовыхъ возстати и имать скипетродержецъ Россійскій! — пророчески и зловѣще произнесъ ближній бояринъ, поднимая вверхъ палецъ. И слѣдомъ затѣмъ уже обычнымъ тономъ добавилъ спокойно:

— Вотъ что повѣдалъ мнѣ нѣмчинъ-звѣздочетъ.

□ □ □

Съ поблѣднѣвшимъ лицомъ, съ округлившимися отъ ужаса глазами Борисъ отпрянулъ отъ дяди и впился загорѣвшимся взоромъ въ его лицо.

Тяжелый посохъ съ силой ударилъ объ полъ.

— Московскій царь изъ Романовскаго рода? Что говоришь? Опомнись, бояринъ!—произнесъ онъ дрогнувшимъ голосомъ, продолжая впиваться въ лицо Семена обезумѣвшими глазами.

Ближній бояринъ стойко выдержалъ огонь этихъ глазъ и, не опуская своихъ, отвѣтилъ спокойно:

— Такъ сказалъ звѣздочетъ-нѣмчинъ, государь, а я въ рѣчахъ тѣхъ не воленъ. И другое еще говорилъ онъ мнѣ. Коли велишь, передамъ тебѣ и другія его рѣчи.

— Говори! — тяжело переводя дыханіе, бросилъ Борисъ.

— Молвилъ онъ еще такое слово, государь великій: великую смуту на одной половинѣ своей сулитъ Россійская планида, а на другой...

— Что на другой? Говори же, говори, не томи, бояринъ!

— А на другой, — медленно, съ разстановкой произнесъ, отчеканивая каждое слово, но не повышая голоса, Семенъ Никитичъ, — коли избыть тѣхъ вороговъ, злодѣевъ твоихъ, тебѣ и сыну твоему благовѣрному и всѣмъ потомкамъ твоимъ сулитъ планида свѣтлую и велилѣпную державу.

Наступило молчаніе, во время котораго Борисъ еще острѣе, еще проницательнѣе заглянулъ въ лукавые, маленькіе глазки своего родственника. И неожиданно произнесъ:

— Клянись, бояринъ, что ни слова отъ себя не прибавилъ. Что ничего облыжнаго нѣтъ въ твоихъ рѣчахъ. На животворящемъ крестѣ клянись мнѣ.

И онъ даже привсталъ со своего кресла въ волненіи, блѣдный, съ грозными и полными ужаса глазами.

Семенъ Годуновъ, не медля ни минуты, разстегнулъ воротъ кафтана, взялъ съ груди своей привѣшенный на золотомъ гайтанѣ тѣльникъ, приложилъ крестъ къ губамъ и торжественно произнесъ:

— Клянусь на семъ крестѣ животворящемъ, что ни слова не молвилъ я облыжно и доподлинно передалъ тѣ рѣчи звѣздочета государю моему.

И снова спряталъ тѣльникъ и застегнулъ рубаху и запаны кафтана.

Борисъ, раздавленный и уничтоженный, безмолвно опустился въ кресло.

Ни кровинки не было въ лицѣ царя. И только черные глаза горѣли тѣмъ же жуткимъ пламенемъ, сильнѣе и острѣе прежняго.

— Что дѣлать, Семенушка! Что дѣлать!—въ забывчивости, обезсиленный и несчастный, шепталъ Борисъ.

Тогда „ухо и око государево“ снова склонилось надъ плечомъ царскимъ, и торопливо, шопотомъ, Семенъ Никитичъ излагалъ своему вѣнценосному племяннику тѣ планы, которые назрѣли въ его мысляхъ не вчера и не недавно, а на протяженіи долгихъ мѣсяцевъ усиленныхъ думъ, планы—погубить бояръ Романовыхъ.

Онъ говорилъ. Борисъ слушалъ. Изрѣдка только гримаса отвращенія пробѣгала по губамъ царя, и полныя ужаса слова срывались съ языка:

— Полно, бояринъ! Да можно-ль такъ? Да вѣдь они ближніе мои „думцы“? Вѣдь вельможи первые на Руси?

— И... и... государь великій! Не бойся! А Бѣльскій? А Мстиславскій? Нѣшто не первыми они близъ трона царскаго стояли покойному Грозному царю? Мстиславскій *) по крови ближе чай былъ, нежели Никитичи, а по

*) Мстиславскій приходился родственникомъ Іоанну Грозному.

Мать царя Михаила Ѳеодоровича, Ксенія Ивановна Романова,
съ портрета, находящагося въ Имп. Эрмитажѣ, въ Спб.

Гос. Публичная Библиотека в Ленинграде

твоему приказу куды они дѣвались, тѣ старики? Ты только мнѣ повели, а ужъ я самъ управлюсь съ ними! Такъ оплету, такую завируху заварю, что и оглянуться не успѣешь, какъ твои первые ближніе вельможи послѣдними измѣнниками царскими передъ очами всей Руси предстанутъ. Только попусти, только дозволь!

Шопотъ Семена, его блѣдное лицо, его трепещущія рѣчи тяжелыми цѣпями, грузнымъ камнемъ падали на сердце царя... Онъ задыхался. И гадокъ, и страшенъ казался ему въ эти мгновенья его дядя, собиравшійся такъ легко оклеветать и погубить невинныхъ, порожденіемъ ада чудился онъ ему.

Но тонкая, жалящая какъ змѣя, мысль тутъ же одновременно вползала въ голову царя.

— Полно! Невинные ли? Взглянуть достаточно на Ѳедьку Романова, на его царственную осанку да на великокняжій видъ... Чай не разъ мнилъ себя орломъ на царскомъ престолѣ... Небось!..

И снова словно огненными буквами пронизали страшныя слова мозгъ Бориса:

„Отъ рода Романовыхъ возстати и имать скипетродержецъ Россійскій!“

Дрожь ужаса пронизала все существо царя. Холодный потъ выступилъ у него на лбу.

— А Ѳедя... сынъ! Законный мой царевичъ... пріемникъ! Куды-жъ они его?.. Злодѣи! Изверги! Пусть гибнутъ лучше, нежели Ѳеодора моего лишать престола, дѣтище мое, царскій корень мой!

И, задыхаясь отъ волненія, царь порывисто привсталъ съ мѣста.

— Семенъ Никитичъ! Дядя!—произнесъ онъ чуть слышно, срывающимся шопотомъ,—дѣлай, что знаешь, губи, кого знаешь, лишь бы сохранить державу царевичу Ѳеодору, возлюбленному сыну моему!

VI.

Тихая, ясная весенняя ночь вѣяла надъ Москвою. Молодой мѣсяцъ заливалъ своимъ невѣрнымъ голубоватымъ свѣтомъ всѣ сорокъ-сороковъ московскихъ церквей и соборовъ, и крѣпкія стѣны Кремля, и широкую полосу Москвы-рѣки, казавшейся плавленой серебряною рудою теперь въ фантастическомъ лунномъ сіяніи.

Въ этомъ серебряномъ морѣ особенно рельефно выдѣлялись хоромы съ пристройками богатаго Годуновскаго подворья, выходящаго однимъ угломъ на Троицкую, а другимъ на Никольскую улицу, бывшій дворъ князя Владиміра Андреевича Старицкаго, двоюроднаго брата царя Іоанна Грознаго, казненнаго царемъ.

Здѣсь, въ хоромахъ царя Бориса на его Годуновскомъ подворьѣ близъ Троицкаго монастыря, у церкви Богоявленія, у митрополичьяго двора, хозяйничалъ дядя царскій, Семенъ Никитичъ.

Въ эту тихую лунную весеннюю ночь, казалось, одинъ только онъ не спалъ во всей Москвѣ.

Въ сильномъ волненіи, быстро шагалъ Семенъ Годуновъ по просторной горницѣ своей опочивальни; онъ то

приближался къ окну и дрожащей рукой отбрасывалъ тафтяную занавѣску, то снова принимался ходить изъ угла въ уголъ, поминутно отпивая изъ серебрянаго ковша съ холоднымъ медомъ, стоявшаго на столѣ.

Неожиданно легкій свистъ раздался подъ самымъ окномъ боярской опочивальни.

Семенъ вздрогнулъ всѣмъ тѣломъ.

— Наконецъ-то!—произнесъ онъ чуть слышно и рукавомъ кафтана отеръ потъ, мгновенно выступившій на лицѣ. Быстро своей крадущейся походкой прошелъ онъ въ сѣни мимо крѣпко спавшаго дворецкаго и двухъ челядинцевъ, которые стерегли у порога боярскій покой, и чуть слышно пріотворилъ входную дверь, ведущую на рундукъ (крыльцо). Мѣсяцъ ласковымъ взглядомъ глянулъ ему навстрѣчу.

— Ты, Алексашка?—чуть слышно опросилъ бояринъ, впиваясь глазами въ группу ближнихъ кустовъ, посеребренныхъ тѣмъ же матовымъ сіяніемъ.

— Я, бояринъ! Дозволишь?—отвѣтилъ тихій голосъ изъ кустовъ.

— Входи и ступай за мною!

Мгновенно темная тѣнь выросла передъ Семеномъ Годуновымъ.

Невысокая плечистая фигура человѣка двинулась за хозяиномъ неслышно въ сѣни, мимо сладко похрапывавшихъ холоповъ.

Ни словомъ не обмолвился бояринъ со своимъ спутникомъ, пока не вошелъ въ свою постельную горницу. Здѣсь Семенъ Никитичъ тяжело опустился на лавку, сдѣлавъ знакъ своему гостю приблизиться.

Это былъ человѣкъ лѣтъ сорока, съ черными, исподлобья поглядывающими злыми глазами, съ низкимъ лбомъ, съ широко развитою челюстью.

Одѣтъ онъ былъ въ желтый кафтанъ дворового человѣка, крѣпко опоясанный краснымъ кушакомъ. Шапку

онъ скинулъ съ головы еще до входа въ хоромы; густые, спутанные, чуть сѣдѣющіе уже, черные волосы, взлохмаченные и густые, покрывали почти до бровей и безъ того низкій лобъ, придавая что-то зловѣще-хищное лицу этого человѣка.

— Ну, Бартеньевъ Второй, что скажешь? Все-ль исполнилъ, какъ было указано тебѣ отъ меня?—произнесъ царскій окольничій, впиваясь въ лицо пришедшаго человѣка своими маленькими, но зоркими глазками.

— Какъ приказалъ, все, государь-бояринъ, исполнено по приказу твоему. Вотъ корешки въ мѣшкѣ наговоренные, а вотъ и перстенекъ завѣтный боярина моего Александра Никитича!—и, говоря это, Бартеньевъ Второй вынулъ изъ огромнаго своего кармана небольшой мѣшокъ, а вслѣдъ за нимъ вытянулъ изъ-за пазухи и великолѣпный алмазный перстень съ печатью. Семенъ Годуновъ почти вырвалъ перстень изъ рукъ холопа и жаднымъ взоромъ впился въ печать, вырѣзанную на немъ.

— Молодецъ ты, Алексашка! — забывшись на минуту, почти въ голосъ крикнулъ онъ, разсмотрѣвъ буквы печати, и маленькіе глазки его загорѣлись и заискрились, какъ у змѣи.—То есть такъ угодилъ ты мнѣ перстенькомъ и корешками, что вѣкъ твоей заслуги не забуду! Сказано тебѣ было, что, какъ только бояръ твоихъ подъ розыскъ подведутъ, отъ ихъ живота и имѣнья, коими государь великій за мою вѣрную службу меня пожалуетъ, тебѣ не малую толику удѣлю. А пока што, держи!

И, вытащивъ изъ кармана объемистый кошель съ деньгами, Семенъ Годуновъ бросилъ его Бартеньеву, ловко подхватившему налету щедрую боярскую подачку.

— А только уговоръ помнишь? И клятву то-жъ?— сурово добавилъ бояринъ, подозрительно поглядывая на раболѣпно кланявшагося ему и благодарившаго Бартеньева Второго.—Што-бъ ни одна душа не провѣ-

дала, что ты корешки наговоренные въ мѣшкѣ за боярской печатью Александра Никитича самъ подкинулъ въ подвалъ второго Романова, да перстенечкомъ съ его печатью припечаталъ ихъ. И на розыскахъ и подъ присягой помни, во имя Бога помни, Алексашка, не то погубишь себя и меня!

— Буду помнить, государь-бояринъ, буду помнить! И сказывать всѣмъ стану, что мнѣ, какъ ключарю, казначею боярскому, какъ первому и верхнему надъ всею челядью холопу, завѣдомо извѣстно о томъ, какъ мѣшокъ сей съ корешками наговоренными противу царскаго здравія мой хозяинъ, бояринъ Александръ Никитичъ, отъ вѣщуньи московской привезъ и въ подвалахъ своихъ схоронилъ за своей боярскою печатью. Все, какъ ты приказать изволилъ, государь-бояринъ, все такъ показывать и стану.

— Ну то-то же, смотри! Не оплошай, а тапереча...

Тутъ Семенъ Годуновъ затеплилъ свѣчу отъ спускавшагося надъ столомъ съ потолка паникадила, отломилъ кусокъ воска отъ нея, помялъ въ рукахъ и, разогрѣвъ на свѣчкѣ, приложилъ къ концамъ бечевки, связывавшей отверстіе мѣшка, переданнаго ему Бартеньевымъ. Затѣмъ, взявъ перстень, похищенный Бартеньевымъ у его хозяина, боярина Александра Романова, сдѣлалъ оттиски печати на воскѣ и запечатанный такимъ образомъ мѣшокъ съ корешками вмѣстѣ съ Романовскимъ перстнемъ передалъ Бартеньеву.

— Таперича спѣши... Ночи весеннія коротки, до разсвѣта все уладить надыть! — зашепталъ онъ, весь охваченный волненіемъ,—спѣши къ себѣ домой на подворье Александра Никитича, милъ-дружка нашего. Тамъ спустись въ подвалъ да и кинь туды мѣшокъ съ корешками наговоренными. А перстенекъ на старое мѣсто положь, штобъ, храни Господи, бояринъ, чего добраго, пропажи не хватился до времени. А награжу я тебя по-цар-

ски за это, Алексашка, за то, что бояръ своихъ пособишь мнѣ избыть. Ступай же, ступай скорѣича, да гляди въ оба, не оплошай, смотри, чтобъ не примѣтили ни здѣшніе мои, ни ваши Романовскіе холопы.

— Ладно, не оплошаю, государь-бояринъ... Не примѣтятъ. Будь покоенъ!

И съ низкими подобострастными поклонами Бартеньевъ Второй пятился къ двери, ужомъ проскользнулъ изъ боярской опочивальни и шмыгнулъ изъ сѣней на дворъ.

Слѣдомъ за нимъ прокрался и самъ бояринъ, крѣпкимъ засовомъ задвинулъ онъ двери и вернулся въ опочивальню. Здѣсь онъ однимъ духомъ осушилъ остававшійся на днѣ кувшина медъ и со вздохомъ облегченія опустился на лавку.

— Свершилось! Кончено!—произнесъ онъ замирающимъ шопотомъ, и маленькіе глазки его зловѣще засверкали.—Што-то запоете таперича, какую пѣсенку, бояре Романовы, „славные Никитичи“, когда найдутся корешки завѣтные наговоренные противъ царскаго здравія въ вашихъ романовскихъ подвалахъ? Небось, и печать Романовская, всѣ ее знаютъ, какъ и перстенекъ завѣтный!.. Не отвертѣться таперича... Ни въ жисть.

Онъ съ наслажденіемъ потиралъ похолодѣвшія, потныя отъ волненія руки, и злорадная улыбка, похожая скорѣе на гримасу, нежели на улыбку, развела его губы.

— А жаль,—мысленно добавлялъ бояринъ,—жаль, что не старшаго Никитича, не Ѳедьку окаяннаго, главнаго врага нашего, кичливаго, гордаго, подвести къ отвѣту съ корешками придется, а Александра только... Да что дѣлать станешь! Нѣтъ измѣнниковъ среди холопей Ѳеодоровыхъ... Всѣ до единаго за боярина своего Ѳеодора Никитича помрутъ, никакими посулами ихъ не купишь. А у Александра Никитича нашелся такой холопъ. За

мошну червонцевъ Бартеньевъ Второй господина своего, боярина продалъ. Ахъ, только довелось бы ему до конца довести, только бы корешки завѣтные въ подвалъ занести и бросить, чтобы никто изъ челяди не примѣтилъ, да и перстень боярскій вернуть! А коли одного брата уличатъ въ измѣнѣ, другихъ и подавно легче подъ розыскъ подвести!—съ новымъ приступомъ злобной ненависти произнесъ бояринъ и опять, какъ лютый звѣрь, заметался по горницѣ, строя въ мысляхъ новыя козни и обдумывая подробно все новыя и новыя темныя дѣла.

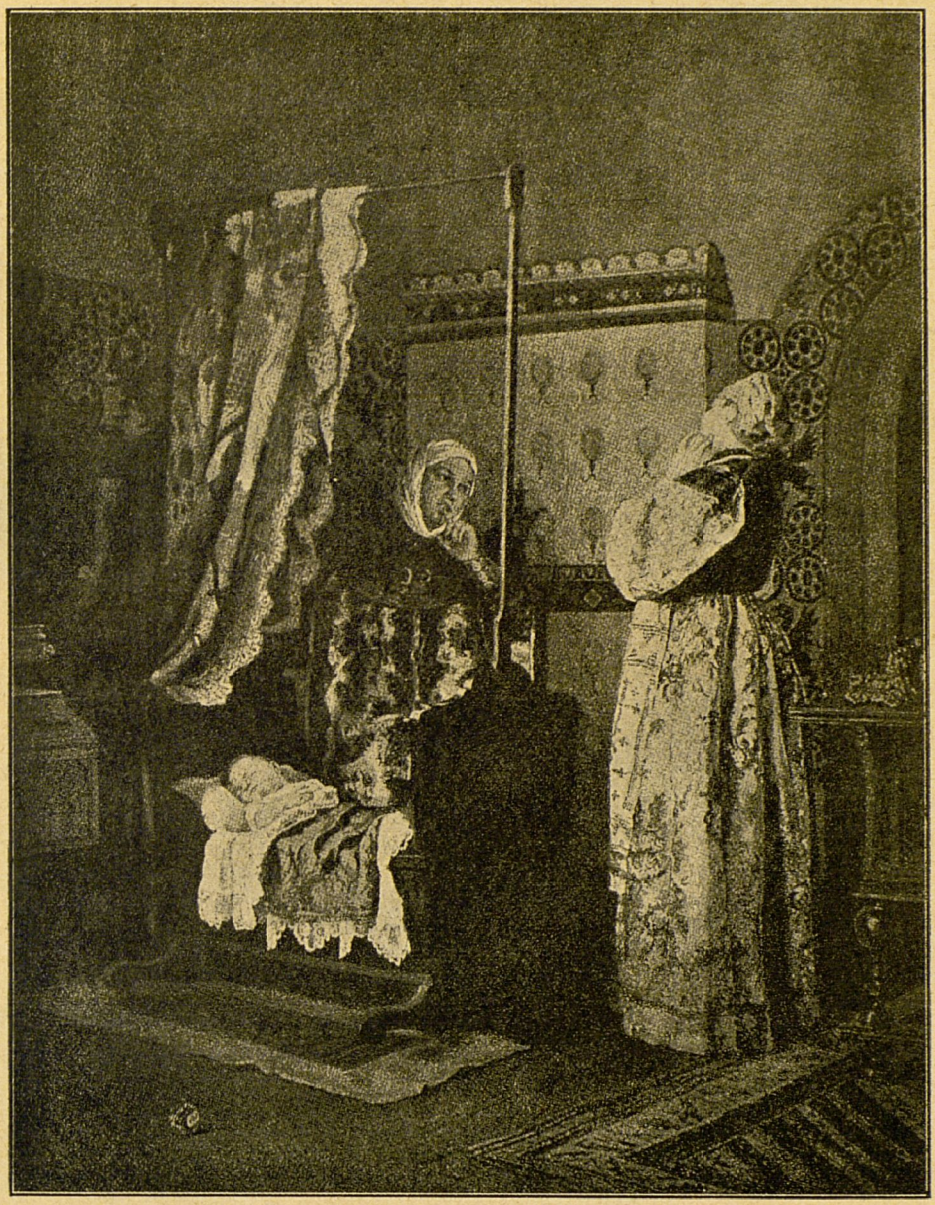
VII.

Майскій день выдался теплый и ясный на славу. Съ самаго ранняго утра бояре Ѳеодоръ и Михаилъ Никитичи съ княземъ Борисомъ Ивановичемъ Черкасскимъ, мужемъ Марѳы Никитичны, да съ братьями князями Иваномъ и Василіемъ Сицкими, во главѣ цѣлой дружины кречетниковъ, конюховъ и стремянныхъ отправились на ловы, пользуясь дивнымъ праздничнымъ днемъ.

На Романовскомъ подворьѣ остались только женщины. Веселая Настя цѣлое утро ластилась къ Ксеніи Ивановнѣ, прося отпустить ее да Таню съ Мишей съ мамушкой и сѣнными дѣвушками въ ближнія рощицы на Москву-рѣку, собирать первые весенніе ландыши.

— Вели, матушка-сестрица, каптану запрячь, да вершниковъ отрядить дворецкому, инъ мы хошь погуляемъ маленечко, хошь духомъ весеннимъ надышимся, хошь попоемъ пѣсни на волѣ. А Таня и Миша, прыгая подлѣ матери, ласкаясь къ ней, лепетали ту же просьбу своими звонкими дѣтскими голосенками.

— Отпусти, мамушка! Глянь-ка, какъ солнышко свѣтитъ да печетъ. Больно жарко у насъ въ садочкѣ, а въ



Колыбель Михаила Θеодоровича Романова.

Картина Н. Степанова.

Гос. Публичная Библиотека в Ленинграде

ощѣ-то надъ рѣкою страсть какъ хорошо! Настя хороводы съ дѣвушками водить станетъ; вѣнки намъ изъ цвѣтиковъ совьютъ... И тебѣ съ бабушкой да тетушкѣ княгинюшкѣ Черкасской привеземъ цвѣточковъ!

Впрочемъ просила изъ дѣтей только одна Таня. Пятилѣтній Миша больше ластился къ матери, зарываясь головенкой въ шелковыя складки ея праздничной тѣлогрѣи, и то и дѣло обнималъ мать своими крошечными ручонками.

Тревожно глянувъ на старую боярыню Шестову, Ксенія Ивановна проговорила, не выпуская изъ объятій своего сынишку.

— Ужъ и не знаю, что дѣлать, матушка, не случилось бы съ дѣтками лиха какого!

— Какому же лиху случиться!—горячо запротестовала Настя, красивое личико которой такъ и искрилось молодымъ веселымъ задоромъ.—Говорю, вели съ нами вершниковъ отрядить, да дворецкому накажи ѣхать. Ей же ей, ничуть не страшно, сестрица!

— Да тебѣ-то что страшнаго, затѣйница!—сурово заворчала на молодую дѣвушку строгая боярыня Шестова, недолюбливавшая молоденькую боярышню,—тебѣ-то какое лихо! Ишь, подъ небеса выросла, а разума не набралась... Все бы тебѣ рѣзвиться да съ дѣтьми прыгать, да бѣгать... Замужъ тебѣ пора. Вонъ Иринья Никитична за Ивана Ивановича Годунова *) какъ вышла, небось словно въ раю живетъ... Надо бы Ѳеодора Никитича упросить, чтобы передъ царемъ за тебя слово замолвилъ, чтобы самъ батюшка-государь тебѣ другого своего родича, али свойственника какого посваталъ. То-то, ладно было-бъ, Настюша, то-то-бъ ладно... Довольно въ дѣвкахъ засидѣлась, семнадцатый годокъ стукнулъ — убрусъ надѣвать пора.

*) Борисъ Годуновъ женилъ одного изъ своихъ племянниковъ на Иринѣ Никитичнѣ Романовой.

— Да что ты, матушка-боярыня... Аль я дома тебѣ надоѣла?—вся вспыхнувъ, какъ маковъ цвѣтъ, закрываясь узорчатымъ рукавомъ своего яркаго лѣтника, прошептала Настя, и крупныя слезы выступили на ея за минуту до этого веселыхъ синихъ глазахъ.

Въ одну минуту маленькій Миша отскочилъ отъ матери и кинулся къ своей молоденькой теткѣ, обхватилъ ручонками ея колѣни, прижался къ нимъ кудрявой головенкой и залепеталъ, глядя на бабку не по-дѣтски серьезными глубокими глазами:

— Не надо, баба, не надо обижать Настю!

— И впрямь, матушка,—вступилась Ксенія Ивановна,— не обижай Настюшу... Она словно солнышко майское у насъ въ терему... Иной разъ пріѣдетъ изъ Царской Думы Ѳеодоръ Никитичъ гораздъ больно хмурый, а прибѣгутъ дѣтки съ Настей, зачнутъ лепетать да смѣяться, да игры при немъ затѣятъ всяческія, глядишь и прояснится нашъ ясный соколъ. По моему глупому разуму хошь бы и вовсе Настюшѣ остаться съ нами, радехонька была бы!

— Богъ съ тобой, сестрица, дѣвка не соленье какое, чтобъ ее въ кадушкѣ беречь!—засмѣялась княгиня Марѳа Черкасская, старшая изъ сестеръ Романовыхъ.—Придетъ ея время, найдется добръ-молодецъ, такъ отдашь поневолѣ. Такъ я вѣрно-ль говорю, Настя?—добавила она.

Но Настя молчала. Лицо ея пылало отъ смущенія. Глаза потупились въ землю.

Зато за нее заговорилъ снова маленькій Миша.

— Не отдамъ тети Насти никому. Моя тетя Настя!— заявилъ онъ съ такимъ рѣшительнымъ видомъ, что всѣ присутствовавшія покатились со смѣха, а боярыня-мать схватила на руки мальчика и покрыла его личико горячими поцѣлуями.

— Желанный мой! Все кажись для тебя сдѣлаю, чего ни попросишь, соколокъ мой ясный!

Вмигъ смущенные глаза Насти засверкали лукавыми

огоньками. Она быстро метнулась къ мальчику, прижала алыя губы къ его румяной щекѣ и зашептала ему что-то на ухо, поблескивая глазами.

И вотъ снова раздался звонкій голосокъ Миши:

— Отпусти насъ въ надрѣчную рощицу нынче, матушка! Настя просить велѣла!

— Ай да Настя! Ишь, какая ловкая! Провела меня, нечего сказать!—добродушно разсмѣялась Ксенія Ивановна.

— Ну, да дѣлать нечего, отъ словъ своихъ не отрекусь. Сказала, что все сдѣлаю, чего ни пожелаетъ Мишенька, такъ тому и быть. Эй, мамушка Кондратьевна, покличь дворецкаго Сергѣича, вели ему каптану снарядить да вершниковъ... Да сюды зови его, хочу сама приказать блюсти боярчатъ настрого,—коротко и энергично отдала приказъ старшей своей челядинкѣ Ксенія Ивановна.

Та бросилась исполнять ея приказаніе. Черезъ минуту на порогѣ горницы появился съ низкими поклонами сѣдой, но еще не старый человѣкъ, худой, подвижной и быстрый какъ юноша, съ честнымъ, открытымъ лицомъ и проницательными глазами, любимый дворецкій Ѳеодора Никитича.

Строго-настрого приказала ему Ксенія Ивановна на прогулкѣ глазъ не спускать съ боярчатъ, разставить стражей, верховыхъ, пока они будутъ играть и рѣзвиться въ рощѣ.

Какъ только отпустили дворецкаго, мамушка съ сѣнными дѣвушками засуетились, снаряжая дѣтей и боярышню къ немалому восторгу послѣднихъ.

□ □ □

Привольно и хорошо ѣхать въ прохладной, обитой лазоревой тафтой каптанѣ, на мягкихъ подушкахъ, настланныхъ поверхъ лавочекъ.

Спущены темныя занавѣски, но бойкіе пальчики Танюши, или красивыя холеныя ручки Насти то и дѣло

отгибаютъ край ихъ, и сквозь слюдовое оконце бойкіе глазенки заглядываютъ на улицу подъ неумолчную воркотню мамушки.

Въ каптанѣ сумрачно и прохладно. Кромѣ Насти, дѣтей и дородной мамушки, тутъ еще четыре сѣнныхъ дѣвушки, и все же хватитъ мѣста хоть еще на десятерыхъ.

По обѣ стороны каптаны и на коняхъ, запряженныхъ цугомъ, скачутъ вершники изъ Романовской челяди. Дворецкій Сергѣичъ примостился на козлахъ, рядомъ съ возницей. Хотя до надрѣчной рощицы рукой подать, да не пѣшкомъ же идти туда дѣтямъ и сестрѣ такихъ именитыхъ бояръ, какъ Романовы!

Вотъ проѣхали улицу, еще крестецъ миновали, чье-то подворье и стали спускаться подъ гору...

Остановилась каптана... Подъ сильной рукой поддалась дверца, и, весело щебеча, выпорхнули наружу сначала бойкая Настя, накрывшись фатою, за нею дѣтки и дѣвушки. Выползла, тяжело отдуваясь, и дородная мамушка, не переставая ворчать.

Дивно хорошо въ надрѣчной рощицѣ... Тамъ между деревьями сверкаетъ голубая полоса Москвы-рѣки... Кругомъ тѣснятся бѣлоствольныя нѣжныя, стройныя какъ дѣвушки, березки. А дальше, за осоками, раскидисто свѣсившимися надъ водою, надъ топкими зелеными озерками-болотцами цѣлый коверъ бѣлыхъ, словно на картинѣ нарисованныхъ, ландышей! Съ веселымъ смѣхомъ бросились къ нимъ дѣти во главѣ съ Настей.

— Цвѣтики, цвѣтики лѣсные!—лепетали они, наперегонки срывая цвѣты.—Такихъ цвѣтиковъ не нарвешь въ саду Романовскаго подворья!

Сѣнныя дѣвушки помогали собирать ландыши и составлять изъ нихъ пышные букеты.

Когда руки всѣхъ были полны бѣлыми пахучими цвѣтами, Таня съ важнымъ видомъ отвела въ сторону

своего маленькаго братишку и оживленно зашептала ему на ухо:

— Давай вѣнокъ Настѣ сплетемъ. Пущай, словно царевна лѣсная, она у насъ станетъ! Пущай покрасуется въ бѣлыхъ цвѣточкахъ!

— Сплетемъ, сплетемъ!—весело кивая своей кудрявой головенкой, залепеталъ Миша, души не чаявшій въ своей молоденькой теткѣ.

Сказано, сдѣлано. Закипѣла работа. Сѣнныя дѣвушки ловко свивали стебли цвѣтовъ, перевивали и связывали ихъ травами.

Вотъ наконецъ готовъ бѣлый прекрасный уборъ накрасивую дѣвичью головку. Словно Божій день, хороша въ немъ Настя!

Какъ увидѣли ее Таня и Миша въ этомъ скромномъ и прелестномъ вѣнкѣ изъ душистыхъ лѣсныхъ весеннихъ цвѣтовъ, такъ и кинулись обнимать тетку и душить ее поцѣлуями.

— Красавица! Лапушка! Голубушка наша!

— Да полно вамъ, озорники, полно!—отмахивалась отъ племянниковъ молодая дѣвушка.

И, выскользнувъ змѣйкой изъ рукъ дѣтей, она кинулась отъ нихъ съ веселымъ смѣхомъ туда, въ самую чащу и глубь рощи. Съ быстротой серны мчалась Настя. Вотъ проворными руками раздвинула кусты, вотъ юркнула за ними... Вотъ метнулась за слѣдующую группу густо разросшихся березъ и... съ легкимъ крикомъ испуга и неожиданности остановилась, какъ вкопанная, посреди чащи.

VIII.

ПРЯМО передъ нею, словно изъ-подъ земли, выросла не высокая, но плечистая фигура мужчины, вѣрнѣе юноши, одѣтаго въ простой кафтанъ, подпоясанный поясомъ, съ котомкой за плечами, съ потертымъ колпакомъ на головѣ, какіе носитъ въ лѣтнюю пору бѣдный народъ въ Москвѣ, и съ сучковатой дубинкой въ рукахъ.

Но подъ этой бѣдной мѣщанской одеждой все же на диво статна была широкоплечая фигура юноши, а изъ-подъ колпака зорко, по-орлиному глядѣли его свѣтлые, живые, проницательные глаза, освѣщая некрасивое, безусое лицо, обрамленное рыжеватыми кудрями, выбивавшимися изъ-подъ шапки. Двѣ крупныя бородавки портили общее впечатлѣніе внѣшности юноши, но все же она была привлекательна тѣмъ особымъ выраженіемъ энергіи, смѣлости и ума, которымъ дышала каждая черточка этого далеко не пригожаго, но удивительнаго и безъ красоты лица.

Первою мыслью Насти, едва пришедшей въ себя отъ неожиданности, было:

— Гдѣ-то видѣла я эти глаза, этигу бы и рыжіе кудри! Гдѣ только? Не вѣдаю! Не упомню!

А онъ уже улыбался, глядя на дѣвушку своими орлиными глазами. И улыбка дѣтски-добродушная и мужественно-смѣлая въ одно и то же время удивительно шла къ его чертамъ, преображая ихъ въ одно мгновеніе, дѣлая ихъ плѣнительными и пріятными.

— Не бойся, красавица!—произнесъ онъ не громко.

И опять невольно подумала Настя, что голосъ этотъ, какъ и лицо, знакомъ ей, и что слышала она его гдѣ-то и не однажды.

— Не бойся, лиха тебѣ не причиню. Я бѣдный странникъ, пробираюсь къ родичамъ погостить, на рубежъ Литовскій.

И снова впился ей въ лицо своими орлиными глазами. Едва оправившись отъ смущенія, стояла она, не двигаясь, подъ этимъ дерзкимъ взглядомъ. Что онъ сказалъ ей неправду, въ этомъ она не сомнѣвалась.

У бѣднаго странника изъ черни московской не могло быть этой осанистой повадки, этихъ смѣло проницательныхъ глазъ, этого орлинаго, пылающаго взора!

— Не станичникъ ли?—вихремъ пронеслось въ головѣ дѣвушки, и она вздрогнула всѣмъ тѣломъ. Но это было мгновенное смятеніе страха. Въ слѣдующую же минуту она оправилась и, спокойно глянувъ въ выразительное лицо незнакомца, проговорила:

— Кто ты, не вѣдаю, не знаю, хошь памятно мнѣ твое лицо... Видѣла гдѣ-то, а гдѣ не упомню. Да все едино это. Коли не лихой ты человѣкъ, ступай своей дорогой... Коли лихо задумалъ какое, бери запястья, ожерелье мое, бери серьги съ подвѣсами, и Господь будетъ тебѣ судьею.

Незнакомецъ выслушалъ дѣвушку, и тонкая улыбка заиграла на его губахъ.

— Полно, боярышня Настасья Никитична,—произнесъ онъ, отвѣчая спокойнымъ взоромъ на изумленный взглядъ Насти, услышавшей свое имя,—не станичникъ и не гра-

битель я... Ни злата, ни камней мнѣ не надо, боярышня. Зачѣмъ мнѣ то, чего у меня въ скорости будетъ много, болѣ, чѣмъ у братьевъ твоихъ, чѣмъ у всѣхъ Годуновцевъ, вмѣстѣ взятыхъ! Не бойся, не ограблю тебя... Другого я у тебя попрошу, боярышня... Задумалъ я одно мудреное дѣло, такое мудреное, что иному такое и во снѣ не приснится. И затѣмъ иду. Пришелъ изъ Москвы нынче, вышелъ засвѣтло, здѣсь хоронился въ рощѣ и тебя первую повстрѣчалъ... Протяни же мнѣ руку на счастье, благослови, боярышня Настасья Никитична. Видишь имя твое и родъ мнѣ твой вѣдомы. Пожелай добраго пути мнѣ да лада... Легче мнѣ будетъ покидать съ такимъ напутствіемъ Москву.

И рыжій незнакомецъ снялъ колпакъ и протянулъ Настѣ свою не большую, но сильную, энергичную руку въ ожиданіи ея отвѣта.

Съ волненіемъ смотрѣла на него дѣвушка.

— Гдѣ я видѣла его? Гдѣ этотъ голосъ слыхала, гдѣ? — назойливо металась въ ея головѣ вспугнутая мысль.

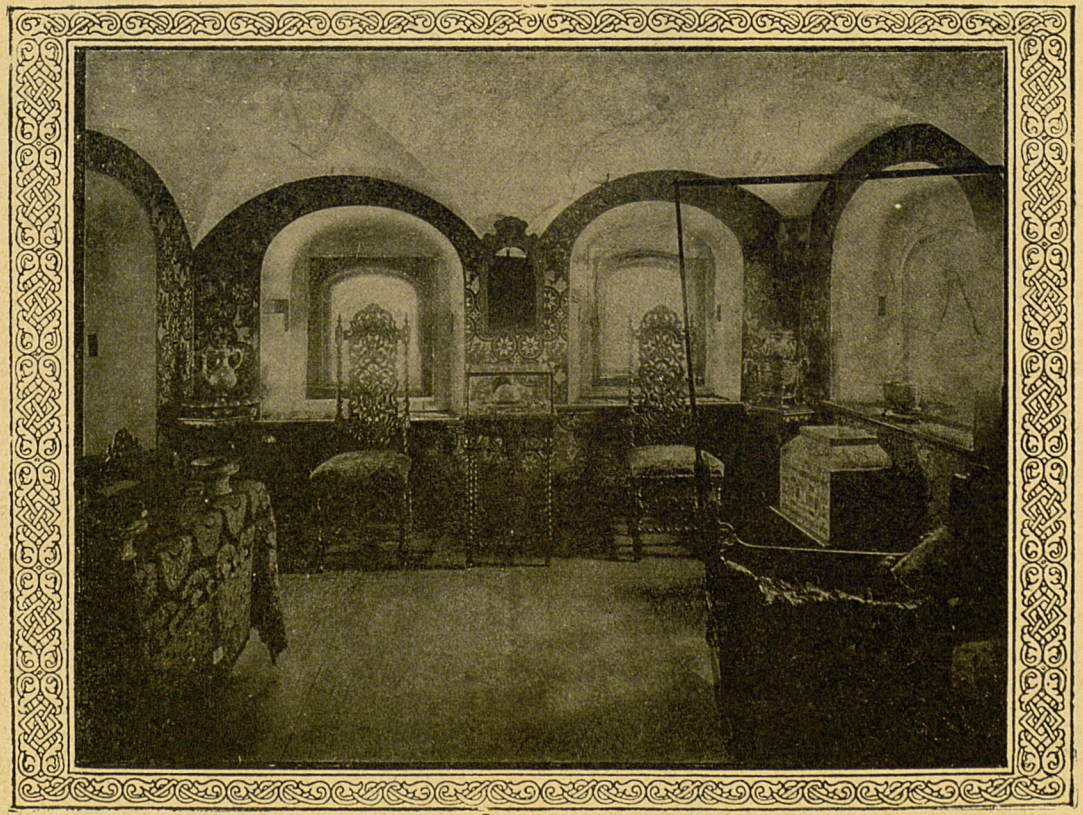
А рыжій незнакомецъ все стоялъ и ждалъ съ протянутой рукой. Было что-то трогательное и открытое въ этой молчаливой просьбѣ. И самое лицо его, такое знакомое Настѣ, располагало въ свою пользу.

— Жду добраго твоего слова, боярышня!—произнесъ онъ настойчивѣе и громче.

Между тѣмъ голоса дѣвушекъ и мамы, и звонкій смѣхъ дѣтей приближались къ чащѣ. Ауканье и клики звучали все громче, все слышнѣй. Надо было торопиться. Настя вскинула глазами на юношу, потупила ихъ снова и произнесла, захлебнувшись отъ волненія:

— Побожись мнѣ, молодецъ, на крестѣ своемъ тѣльномъ поклянись, что не на дурное дѣло просишь напутствія отъ меня.

И поборовъ смущеніе и стыдъ, глянула прямо въ



Дѣтская Михаила Ѳеодоровича Романова.

Гос. Публичная Библиотека в Ленинграде

глаза юношѣ своими свѣтлыми глазами. Тотъ усмѣхнулся и, быстро запустивъ руку за пазуху, вынулъ оттуда тѣльникъ.

Настя невольно вскрикнула и отступила на шагъ. Драгоцѣнный золотой крестъ сверкнулъ передъ ея глазами алмазами, яхонтами и рубинами, дивно загорѣвшимися въ лучахъ солнца.

— Кто ты?—прошептала она, пораженная, хватаясь за стволъ березы.

— Кто бы ни былъ я,—произнесъ юноша торжественно,—цѣлую крестъ тебѣ, боярышня, на томъ, что прошу твоего напутствія на доброе дѣло. Русь Святую хочу я отъ злого корня спасти, матушку Москву родимую и весь ея честной народъ. Такъ дашь на счастье руку, боярышня?

Вдохновенно прозвучали слова юноши въ ушахъ Насти. Плохо поняла дѣвушка, отъ какого корня злого хочетъ этотъ странный, диковинный человѣкъ освободить Русь. Но что-то ясное и правдивое было въ лицѣ этого человѣка, что-то благородное и открытое въ его юношескомъ порывѣ, и не повѣрить ему она не могла. А тутъ еще этотъ ослѣпившій ее своимъ блескомъ драгоцѣнный крестъ, игравшій въ лучахъ солнца всѣми своими алмазами, яхонтами и сапфирами, къ которому прижался губами этотъ необычайный человѣкъ.

И, сама не отдавая себѣ отчета, съ волненіемъ протянула она ему свою бѣленькую нѣжную ручку. Сильные юношескіе пальцы крѣпко сжали ее, и взволнованный молодой голосъ шепнулъ у самаго уха Насти:

— Спасибо, боярышня, что повѣрила, не побрезгала! Авось, твое напутствіе принесетъ счастье... И еще прошу: помолись о царевичѣ Димитріи Углицкомъ! Пожелай здравья и счастья ему! Пожелай скораго ему царства на тронѣ отцовъ и дѣдовъ, а онъ тебя и братьевъ твоихъ и всю родню твою не оставитъ.

Послѣднія слова юноша произнесъ быстро и чуть слышно, скрываясь за зеленою зарослью старыхъ березъ. Но тѣмъ не менѣе ихъ услышала Настя, и яркое воспоминаніе прожгло ея мысли.

Этотъ голосъ! Она его узнала! Онъ тоже говорилъ о царевичѣ Димитріи тамъ, за тыномъ, на дворѣ Чудова монастыря... Тоже поминалъ, какъ и сейчасъ, убитаго царевича, ровно живого, ровно воскресшаго изъ мертвыхъ! Что за диво такое? Что за навожденіе?

— Постой! Погоди!—хотѣла крикнуть Настя, хотѣла позвать, удержать незнакомца, заставить объяснить ей его темныя слова. Но онъ ужъ былъ далеко.

— Постой! Вернись!—крикнула она, напрягая свой и безъ того звонкій голосъ. Но вмѣсто стройной фигуры рыжекудраго юноши предъ ней предстала сгорбленная фигура Сергѣича.

— Кликала, боярышня? Испужалась, небось? Да и какъ не испужаться! Ровно изъ-подъ земли Гришка, подлюга, выросъ. Меня, старика, съ ногъ едва не сшибъ! Такъ и тебя чего добраго испужалъ, непутевой.

— Какой такой Гришка?—проронила изумленная Настя.

— Да Григорій, что у насъ въ дворовыхъ мальчишкахъ ходилъ... Челядинецъ меньшой. Нашъ бояринъ еще Ѳеодоръ Никитичъ, государь-батюшка, его отъ князя Черкасскаго взялъ... Апосля по письменному дѣлу пустили... Грамотей былъ Гришка, и служкой монастырскимъ по грамотейной части его поставили. А таперича Гришка и у владыки въ Чудовомъ монастырѣ не ужился. Убѣгъ что-ли, аль по добру чернецкую рясу скинулъ... Непосѣда онъ, шатунъ! Рыжій такой съ бородавками! Нѣшто не помнишь?

— Помню! Помню, Сергѣичъ!—почти въ голосъ крикнула Настя, осѣненная мгновенной зарницей воспоминанья.

И, дѣйствительно, вспомнила, какъ лѣтъ 6—8 тому назадъ, когда она была еще ребенкомъ, на Романовскомъ подворьѣ служилъ у ея старшаго брата рыжій мальчикъ, дикій, смѣлый и разбиравшій грамоту лучше другого взрослаго человѣка.

И чужой разговоръ, чужая тайна, подслушанная ею за тыномъ, на дворѣ Чудова монастыря, добавила и пояснила это воспоминанье.

— Но откуда же эта удаль, эта смѣлость, эта гордая осанка въ лицѣ простого челядинца? Откуда, наконецъ, у него этотъ богатый тѣльникъ, усыпанный самоцвѣтными камнями? А его рѣчи? А упоминанье о царевичѣ Димитріи? Его странная просьба? Его необычайныя слова?

Настя терялась въ догадкахъ. Тайна сгущалась, плетя свои пестрые узоры надъ головою дѣвушки. И плѣнительна, и жутка была эта тайна.

— Ѳедѣ-брату сказать безпремѣнно все надо! Нынче же надо! Безъ отложки! Какъ вернется съ лововъ, въ тотъ же часъ!—рѣшила дѣвушка и, къ немалому огорченію разохотившихся погулять на волѣ дѣтей и взрослыхъ спутницъ, заторопила всѣхъ ѣхать обратно, на подворье, домой...

IX.

Когда дѣти съ Настей и челядью вернулись на подворье, въ воротахъ Романовскихъ хоромъ ихъ каптана встрѣтилась со щегольскимъ охотничьимъ поѣздомъ Ѳеодора Никитича, его брата Михаила и ихъ друзей.

— Тятя! Тятя!—закричали Таня и Миша, высовываясь изъ окна каптаны и протягивая ручонки отцу.

— Вотъ они гдѣ, гулены!—со смѣхомъ произнесъ Ѳеодоръ Никитичъ, улыбаясь имъ и кивая. Гнѣдой аргамакъ ходуномъ ходилъ подъ осанистымъ щеголеватымъ бояриномъ, отливая въ золотыхъ лучахъ солнца всѣми самоцвѣтными камнями драгоцѣннаго чапрака и уздечекъ. Въ короткомъ терликѣ, въ лихо заломленной набекрень мурмолкѣ, статный и щеголеватый старшій Никитичъ особенно хорошо выглядѣлъ въ это утро. Младшій его братъ, Михайлъ, богатырь и красавецъ по виду, во всемъ напоминалъ старшаго. Остальные охотники, князь Черкасскій и братья Сицкіе, казались простою свитою осанистыхъ бояръ Романовыхъ.

— Тятя! Тятя! Возьми меня на конь съ собою!—запросился Миша, высовывая кудрявую головенку изъ окна каптаны.

— Ишь, ты, какой вершникъ выискался!—засмѣялся Ѳеодоръ Никитичъ, но тѣмъ не менѣе протянулъ руки сыну.

— Ступай, коли охота!

Дворецкій Сергѣичъ со стремительностью юноши распахнулъ дверцу тяжелой громоздкой каптаны. Мамушка подняла на руки Мишу и бережно передала его отцу.

Очутившись на лошади, мальчикъ весь словно преобразился. Глазенки его заблестѣли какъ звѣздочки, пухлый ротикъ раздвинулся въ блаженную улыбку.

— Ай, да, Миша! Чѣмъ не воевода! Даромъ што отъ земли не видать!—расхохотался красавецъ Михаилъ Никитичъ.

— И я хочу на конь! И меня посади, тятя!—возбужденно залепетала Таня, выскакивая изъ возка.

— Ой, окстись, чтой-то ты выдумала, сударка! Стыдъ да соромъ какой!—такъ и закудахтала толстая мамушка, всѣми силами удерживая дѣвочку за рукавъ ея лѣтника.

— Ништо, пусти ее, мамушка!—добродушно улыбнулся бояринъ-отецъ. Потомъ быстро свѣсился съ сѣдла, сильными руками приподнялъ дочку, и черезъ нѣсколько секундъ Таня преважно возсѣдала подлѣ брата на крупѣ отцовскаго коня.

— Ай, да вершники! Ай, да воеводы!—шутилъ дядя Михаилъ.

А вокругъ суетились стремянные, конюшіе и ловчіе, разбирая убитую добычу: весенніе, молодые выводки сѣрыхъ дикихъ лебедей, цаплей и утицъ и прочую раннюю лѣсную дичь.

Клекотали кречеты... Лаяли псы... Звенѣли уздечки охотниковъ... И надо всѣмъ этимъ весеннее радостное солнце праздновало, казалось, свой яркій полдневный пиръ.

Одна Настя, противъ своего обыкновенія, оставалась задумчивой и печальной. Рѣчи рыжаго юноши не выходили изъ ея головы. Тревожно смотрѣли глаза дѣвушки, и обычная ясная улыбка не освѣщала ея лица.

Ѳеодоръ Никитичъ долго и упорно поглядывалъ на сестру, примѣтивъ съ перваго взгляда ея необычайную задумчивость.

— Что не весела, Настасьюшка? Аль тоже на конь, какъ дѣтокъ, и тебя, разумницу, потянуло?—неожиданно произнесъ весельчакъ-богатырь Михаилъ Никитичъ, крѣпко любившій младшую сестренку.

Настя вспыхнула до корней волосъ и потупила свѣтлые глазки.

— Ой, братецъ, что-жъ это ты меня передъ князьями-свойственниками стыдишь!—шепнула она, вся малиновая отъ смущенія.

— А и впрямь, что съ тобою случилось, Настя?—озабоченнымъ тономъ обратился къ ней старшій братъ, съ отеческой нѣжностью глядя на юную сестру.—Повѣдай, дѣвонька, коли што...

— Повѣ...—начала было тихо Настя и осѣклась, примолкла.

Примолкли за нею и всѣ присутствовавшіе. Сразу, словно по волшебству, прервалась суета на Романовскомъ дворѣ. Стремянные, конюшіе, кречетники и сами хозяева съ гостями остановились, какъ вкопанные, обративъ глаза сквозь открытыя ворота на улицу.

По улицѣ скакала съ гиканьемъ и шумомъ буйная ватага вершниковъ. Скакала прямо по направленію къ Романовскому двору. Зоркіе, орлиные глаза Ѳеодора Никитича тотчасъ же отличили отрядъ вооруженныхъ стрѣльцовъ, нѣсколько приставовъ верхами, а во главѣ конныхъ—злѣйшаго врага ихъ, бояръ Романовыхъ, Семена Годунова. Рядомъ съ нимъ ѣхалъ окольничій Михаилъ Глѣбовичъ Салтыковъ, дальній свойственникъ Романовыхъ по роду

Шестовыхъ. При видѣ этого необычайнаго поѣзда мучительная тревога охватила сердце Ѳеодора Никитича и передалась и его брату, и родственникамъ, челяди и всѣмъ присутствовавшимъ.

— Не къ добру это, коли самъ Семенъ Годуновъ къ намъ жалуетъ. Быть лиху! — произнесъ онъ тихо, такъ тихо, что одинъ только младшій братъ Михаилъ Никитичъ могъ разслышать его.

— Настя! — неожиданно и такъ же тихо обратился къ сестрѣ старшій Романовъ,—бери дѣтей, да укрой ихъ куда подальше, чтобъ не слыхали, не видали ничего. Да жену опряди. А мы здѣсь съ бояриномъ Годуновымъ потолкуемъ.

Встревоженная не меньше братьевъ, Настя быстро приняла съ лошади брата сначала Таню, потомъ Мишу и, взявъ дѣтей за руки, стрѣлой помчалась съ ними къ женскому терему Романовскаго подворья.

А конная ватага, между тѣмъ, проскакала улицу, миновала крестецъ и влетѣла на Романовскій дворъ какъ разъ въ то время, когда хозяева и гости входили на высокій рундукъ терема.

— Здравствуй, бояринъ Годуновъ, — произнесъ Ѳеодоръ Никитичъ спокойнымъ и громкимъ голосомъ, съ достоинствомъ кланяясь Семену Никитичу, спѣшившемуся съ коня. — Съ чѣмъ пожаловалъ? Да штой-то больно не смирно будто? И стрѣльцовъ прихватилъ, и приставовъ съ собою? Не гоже какъ будто въ гости на Романовское подворье такъ-то являться!

И чуть замѣтная улыбка скользнула по блѣдному, но спокойному лицу боярина Романова.

Тонкая, торжествующая усмѣшка искривила губы Годунова.

Онъ выпрямился всей своей, обычно сутуловатой, фигурой, горделиво закинулъ голову кверху и, съ плохо скрытымъ бѣшенствомъ, завопилъ на весь дворъ:

— Ой, не кичись больно, бояринъ! Аль мыслишь, что я, вѣрный холопъ и смердъ царскій, по добру въ гости наѣхалъ къ тебѣ, измѣннику государеву?

— Измѣннику?—съ разлившейся внезапно по всему лицу смертельной блѣдностью, задыхаясь отъ неожиданности, произнесъ старшій Романовъ, въ то время какъ младшій, Михаилъ, рванулся впередъ всей своей богатырской фигурой и, сжавъ пудовые кулаки, крикнулъ мощно:

— Какъ смѣешь ты, бояринъ, обижать вѣрныхъ слугъ государевыхъ!

Семенъ Годуновъ попятился невольно при видѣ этой огромной фигуры молодого силача, испуганный его движеніемъ, и густая краска кинулась ему въ лицо. Но онъ съ невѣроятнымъ усиліемъ подавилъ волненіе.

— Потише, господинъ честной, — зашипѣлъ онъ на младшаго „Никитича". — Коли говорю измѣнникъ, стало быть измѣнникъ и впрямь. Всѣ вы государевы измѣнники: и Ѳеодоръ Романовъ, и Александръ, и ты, всѣ братья... И ты, князь Черкасскій, и братья Сицкіе, и Репнины, и Карповы, и Шестовы, — всѣ родичи Романовыхъ, всѣ свойственники ваши... И вотъ вамъ отъ великаго государя и великаго князя всея Руси указъ: немедля васъ всѣхъ, измѣнниковъ государевыхъ, взять за приставы, на сыскъ доставить на томъ, что на его, государево, свѣтлое здравіе умышляли худо. Всѣмъ вѣдомо: у Александра Никитича коренья злые наговоренные въ подвалахъ найдены. Михаилъ Глѣбовичъ Салтыковъ тѣ коренья видѣлъ и патріарху доставилъ. И великому государю то доподлинно вѣдомо, и онъ приказалъ васъ всѣхъ, измѣнниковъ своихъ, судить.

— Ты лжешь, собака!—неожиданно вырвалось изъ груди Ѳеодора Никитича, и онъ съ силой топнулъ ногою.

Теперь на него было страшно смотрѣть. Его глаза метали молніи. Весь блѣдный, какъ смерть, безъ кро-

финки въ лицѣ, онъ задыхался отъ волненія. Его мощная грудь бурно вздымалась подъ щеголеватымъ, нарядным терликомъ.

— Онъ лжетъ, онъ лжетъ!—подхватилъ и младшій Романовъ, а за нимъ и Сицкіе, и Черкасскій.

Снова злорадная усмѣшка исказила губы Годунова.

— Михаилъ Глѣбычъ, прочти указъ великаго государя! Авось, тогда повѣрятъ!—произнесъ онъ съ торжествующимъ видомъ, вынимая изъ-за пазухи небольшой свитокъ и вручая его своему спутнику. Послѣдній выступилъ впередъ, развернулъ свитокъ.

— „Отъ государя и великаго князя всея Великія, Среднія и Малыя Руси...“—началъ, откашлявшись, Салтыковъ громкимъ голосомъ, старательно отчеканивая каждое слово.

И раскаленнымъ плавленнымъ оловомъ падало каждое изъ этихъ словъ въ сердца присутствовавшихъ.

Ужасъ, негодованіе, гнѣвъ по мѣрѣ чтенія указа наводнили души этихъ людей, не чувствовавшихъ никакой вины за собою. Цѣлый свитокъ несуществовавшихъ преступленій развертывался передъ ними.

Безстрастно и холодно звучалъ голосъ Салтыкова, читавшаго о какихъ-то кореньяхъ, объ умыслахъ Романовыхъ извести царя Бориса и прочихъ козняхъ. Давался указъ взять ихъ всѣхъ за приставы, вести на сыскъ, къ допросу, на очную ставку. Упоминалось о цѣпяхъ и тюрьмѣ, о допросѣ съ пристрастіемъ...

Салтыковъ не пропустилъ ни единаго слова изъ всего написаннаго. Когда онъ кончилъ, гробовое молчаніе воцарилось во дворѣ.

Оно длилось безконечно для невинно-оговоренныхъ. Съ блѣдными, взволнованными лицами стояли братья Романовы, Сицкіе, Черкасскій.

Клевета и ложь были слишкомъ сильны, чтобы можно было развѣять ихъ сейчасъ. И Ѳеодоръ Никитичъ понялъ это.

Онъ обвелъ глазами присутствовавшихъ и остановилъ ихъ на Годуновѣ.

— Видитъ Богъ, что все наплели на насъ наши недруги облыжно!—произнесъ онъ твердо съ тою же смертельной блѣдностью въ лицѣ. — Вѣрю великому государю и полагаюсь на его милость. Не обидитъ онъ зря своихъ вѣрныхъ слугъ. Дѣлай, что тебѣ приказано, бояринъ.

— Такъ-то лучше! — проворчалъ тотъ.—Эй вы!—крикнулъ онъ стрѣльцамъ.—Берите ихъ, вяжите измѣнниковъ и ведите на дворъ къ патріарху.

Стража, сошедшая съ коней, бросилась къ боярамъ... Но первый же стрѣлецъ, прикоснувшійся было къ Ѳеодору Никитичу, отлетѣлъ отъ него на нѣсколько шаговъ.

— Назадъ, смердъ! Пока не дознано доподлинно объ измѣнѣ нашей на сыскѣ, не моги касаться насъ... Къ патріарху на сыскъ идемъ мы слугами царскими, а не преступными измѣнниками. Сами пойдемъ. Правы мы, такъ нечего намъ бояться.

И, величавымъ движеніемъ отстранивъ отъ себя обступившую его стражу, онъ первый двинулся по двору, сдѣлавъ знакъ брату и князьямъ Черкасскому и Сицкимъ слѣдовать за собою.

Когда они уже были у воротъ, отчаянный вопль пронесся по всему Романовскому подворью. Отъ рундука женскаго терема бѣжала боярыня Ксенія Ивановна.

Расшитый шелкомъ и камнями убрусъ сдвинулся съ головы на сторону. По смертельно блѣдному лицу бѣжали слезы. Отчаянные вопли вырывались изъ ея груди.

— Изверги, злодѣи! Куда вы? Куда его ведете?—кричала боярыня, задыхаясь отъ слезъ. И она кинулась къ мужу, вся дрожа отъ волненія.

— Успокойся, Аксиньюшка, ступай къ дѣткамъ! Къ патріарху мы идемъ обѣляться передъ великимъ государемъ и владыкой.. Облыжно наговорили на насъ злые люди! Да никто какъ Господь! Вернемся, я чаю, скоро... А

ты дѣтокъ успокой... Настѣ поручи ихъ,—уже шопотомъ добавилъ бояринъ, нѣжно, но настойчиво отстраняя отъ себя рыдавшую жену.

— Не оставлю тебя, не оставлю! — продолжала рыдая Ксенія Ивановна и съ новымъ дикимъ воплемъ упала наземь въ страшномъ припадкѣ. Изъ дома прибѣжали старуха Шестова, княгиня Черкасская, Настя.

Быстрые глаза Ѳеодора Никитича отыскали послѣднюю въ толпѣ отчаянно плакавшей женской челяди, наполнившей своими воплями и стонами весь дворъ.

— Настюшка,—пользуясь общей сумятицей, быстро приблизившись къ сестрѣ, произнесъ Ѳеодоръ Никитичъ,— побереги мнѣ Аксиньюшку... Княгиня Черкасская сама не въ себѣ—боится за мужа. Я тебѣ жену поручаю... Ее и дѣтокъ Мишу и Таню сохрани мнѣ, пока што, Настюшка... Укрой ихъ отъ вороговъ, и Господь тебѣ воздастъ за сиротъ, коли мнѣ домой не суждено вернуться.

— Братецъ!—съ отчаяніемъ и болью вырвалось у молодой дѣвушки.

— Всѣ мы подъ Богомъ ходимъ! Обѣщай, Настя, замѣнить имъ меня, коли што!

Синіе, залитые слезами глаза обратились на брата.

— Обѣщаю, клянусь тебѣ Господомъ Богомъ, отъ всякаго лиха оградить ихъ, Ѳедя! И не оставлять ихъ безъ тебя!—шепнула дѣвушка и, не будучи въ состояніи сдерживаться больше, разрыдалась навзрыдъ.

Обмершую Ксенію Романовну челядь, по приказанію Ѳеодора Никитича, бережно отнесла въ теремъ.

Долго смотрѣлъ имъ вслѣдъ затуманенными глазами бояринъ.

— Пора! Буде прохолаживаться!—грубо окрикнулъ его Семенъ Годуновъ и первый выѣхалъ за ворота, о бокъ съ Михаиломъ Салтыковымъ. А за нимъ, посреди спѣшившихся стрѣльцовъ, двинулись невинно оговоренные бояре.

X.

Въ полутемныхъ и прохладныхъ сѣняхъ патріаршаго двора, помѣщавшагося между св. воротами Троицкаго подворья и Цареборисовскаго двора, на Никольской улицѣ, тѣснилось уже немало народу, когда Семенъ Годуновъ доставилъ сюда взятыхъ за приставы бояръ.

Тихимъ, чуть слышнымъ, гуломъ встрѣтила осужденныхъ эта толпа.

Первые именитые московскіе бояре, вѣрой и правдой служившіе въ продолженіе двухъ царствованій, съ братьями и родственниками уличались въ измѣнѣ!

Было чему удивляться толпѣ—вѣдь это тѣ самые бояре думцы, которые такъ близко стояли къ царскому престолу, которые были любимцами Москвы!

Никто не сомнѣвался, что Ѳеодоръ и Александръ Никитичи и ихъ младшіе братья оклеветаны передъ царемъ ихъ врагами.

Но выражать открыто свое возмущеніе никто не посмѣлъ. Въ то жуткое время люди боялись выражать свое неудовольствіе, даже свои мысли, чтобы самимъ не попасть въ еще худшую бѣду.

И только легкимъ шопотомъ возмущенія встрѣтили они невинно-осужденную группу именитыхъ людей.

Долго ждали Романовы и ихъ спутники въ сѣняхъ патріаршаго дома, пока раскрылись передъ ними двери сосѣдней, носившей названіе передней, кельи или комнаты. Когда они переступили ея порогъ, лучи солнца едва заглядывали сюда, слабо освѣщая мрачную обстановку монастырской горницы.

Посреди нея стоялъ аналой съ Священнымъ Писаніемъ, лежали крестъ и Евангеліе. Обитыя темнымъ сукномъ лавки шли по стѣнамъ. На дубовомъ столѣ, покрытомъ скатертью, лежали вещественныя доказательства боярской измѣны—тотъ злополучный мѣшокъ съ кореньями, который нѣсколько дней тому назадъ за печатью боярина Александра Романова былъ найденъ Михаиломъ Салтыковымъ въ подвалѣ хоромъ Александра Никитича Романова.

Но ни злополучный мѣшокъ, ни торжественная обстановка, ни стѣны кельи, завѣшенныя чуть ли не сплошь иконами, озаренными лампадами, ни кресло самого патріарха, живо напоминавшее о скоромъ появленіи владыки, не обратили на себя вниманія Ѳеодора Никитича и его спутниковъ.

Ихъ поразило совсѣмъ иное явленіе.

Лишь только перешагнули они порогъ патріаршей горницы, изъ угла ея, гремя ручными и ножными кандалами, поднялась высокая фигура.

— Братъ Александръ!—вскрикнули въ одинъ голосъ Ѳеодоръ и Михаилъ Никитичи

Братъ Александръ закованъ въ цѣпяхъ!?

Рыданіе, страшное изступленное мужское рыданіе, каждая слеза котораго камнемъ ложится на сердце плачущаго, было имъ отвѣтомъ.

— Видитъ Богъ... Невинно! Подбросили коренья! Оклеветали облыжно! Погубили вороги!—пронесся по горницѣ отчаянный шопотъ...

За Александромъ поднялись съ лавокъ и остальные „Никитичи“, болѣзненный Иванъ и Василій. Братья обнялись молча, желая этими объятьями придать силу другъ другу...

Пристава молча отвели глаза. Бояре Романовы никому, кромѣ хорошаго, ничего не сдѣлали. Ихъ нельзя было не любить. Теперь постигшее ихъ горе не могло не вызвать сочувствія.

Но вотъ снова распахнулась дверь.

Вошли Семенъ Годуновъ и Салтыковъ, которымъ было поручено слѣдствіе. Вошелъ дьякъ изъ приказа. Чинно ступая, вошли два монастырскіе служки и стали по обѣ стороны внутреннихъ дверей.

И вотъ эта дверь отворилась.

Тяжело опираясь на посохъ, въ маломъ патріаршемъ нарядѣ и въ высокомъ клобукѣ, въ рясѣ вишневаго цвѣта съ нашивками (петлицами) и въ мантіи, поддерживаемый служками подъ руки, вышелъ изъ внутреннихъ покоевъ патріархъ Іовъ, предшествуемый своимъ патріаршимъ бояриномъ. Драгоцѣнный наперсный крестъ сверкалъ у него на груди. Отвѣтивъ величавымъ наклоненіемъ головы на низкіе поклоны присутствовавшихъ и осѣнивъ всѣхъ широкимъ крестомъ, при помощи служекъ опустился онъ въ кресло, передавъ свой посохъ патріаршему боярину. Его маленькіе, но зоркіе глаза обѣжали комнату и остановились на лицѣ Ѳеодора Никитича.

— По указу великаго государя и великаго князя всея Руси, Бориса Ѳеодоровича, — зазвучалъ въ передней кельѣ жидкій и хрипловатый голосъ Іова, — приказано мнѣ, недостойному смерду и служителю Царя Небеснаго, допросить тебя Именемъ Господа Бога Животворящаго, боярин Ѳеодоръ, о причастіи твоемъ къ окаянному дѣлу единоутробнаго брата твоего, польстившагося на...

Загремѣли тяжелыя цѣпи, и возгласъ Александра

Никитича, рванувшагося впередъ, глухо раздался въ комнатѣ:

— Господь Богъ свидѣтель, что не было во мнѣ окаяннаго умысла противо государя моего!

Маленькіе глаза Іова сверкнули.

Онъ потрогалъ сѣдую бороду, тихо покашлялъ и коротко приказалъ дьяку прочесть указъ. И опять братья Романовы услышали тяжкое обвиненіе ихъ въ преступномъ замыслѣ противъ царскаго здоровья, въ ворожбѣ и измѣнѣ. Дьякъ докончилъ чтеніе обвиненія. Начался допросъ. Патріархъ и присутствовавшіе бояре, назначенные для сыска, опрошали обвиняемыхъ: Ѳеодоръ, и Александръ, и младшіе ихъ братья говорили одно и то же:

— Видитъ Богъ, они невинны... Ихъ оговорили облыжно... Никакихъ умысловъ о пагубѣ „государева корня“ они не имѣли... И присягнуть на томъ могутъ хоть сейчасъ.

Тогда, тихо переговоривъ съ окольничьимъ Годуновымъ, Іовъ шепнулъ что-то своему патріаршему боярину.

Тотъ съ низкимъ поклономъ вышелъ изъ комнаты и вернулся тотчасъ обратно. Онъ былъ не одинъ. За нимъ слѣдомъ проскользнула приземистая широкоплечая фигура въ дворовомъ кафтанѣ, съ воровато хитрымъ лицомъ.

— Бартеневъ Второй, повѣдай, что знаешь,—коротко приказалъ патріархъ упавшему ему въ ноги человѣку.

Бартеневъ быстро поднялся съ колѣнъ и, не глядя въ сторону обвиняемыхъ, быстро заговорилъ, нанизывая одинъ за другимъ факты и доносы на бояръ Романовыхъ, какъ это ему указывалъ Семенъ Годуновъ.

Не вѣря ушамъ своимъ, слушали братья. Изъ словъ Бартенева выходило, что бояре Романовы денно и нощно мечтали о томъ, какъ бы извести царя и посадить кого-либо изъ братьевъ на престолъ Московскій. И о томъ будто-бы не разъ говорили въ тайныхъ бесѣдахъ. И коренья доставали отъ знахарей и въ подвалахъ хоронили тѣ коренья...

И долго бы еще лилась неудержимымъ потокомъ рѣчь предателя, если бы молодой богатырь Михаилъ Никитичъ не рванулся впередъ и со сжатыми кулаками не бросился на доносчика.

— Ты лжешь, собака! Романовы никогда не были измѣнниками!

Приземистая фигура Бартенева испуганно шарахнулась за спины бояръ.

Грозно сдвинутыя брови Михаила Никитича, его пылающіе глаза и сжатые пудовые кулаки не предвѣщали ничего хорошаго. Онъ былъ страшенъ.

— Успокойся, господинъ окольничій... Не гоже въ присутствіи его святѣйшества владыки такими буйствами пятнать священныя палаты, — съ едва замѣтной усмѣшечкой произнесъ Семенъ Годуновъ.

Между тѣмъ, скованный цѣпями, Александръ Никитичъ говорилъ Бартеневу:

— Опомнись! Что наплелъ ты на господъ твоихъ? Отвѣтъ передъ Господомъ за то держать будешь!

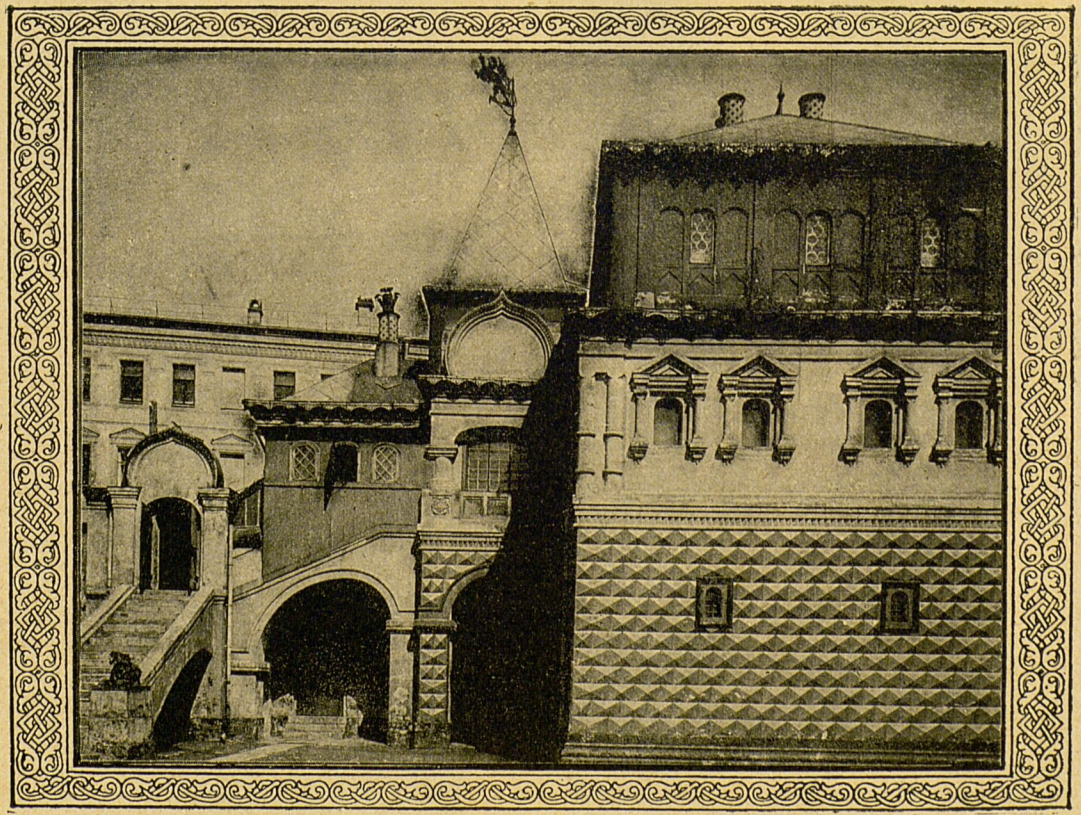
— Не въ чемъ мнѣ отвѣтъ держать, бояринъ!—дерзко отвѣчалъ доносчикъ, пользуясь тѣмъ, что сильныя руки четырехъ дюжихъ стражниковъ держали взбѣшеннаго Михаила Никитича.—И тебѣ про то доподлинно самому извѣстно, я чаю, бояринъ! А что до меня, то я на семъ и крестъ животворящій цѣловать стану. Прикажешь, владыка, присягу принять?—и быстрые воровскіе глаза Бартенева обратились къ патріарху.

Тотъ сдѣлалъ знакъ.

Патріаршій бояринъ подвелъ Романовскаго холопа къ аналою. Еще минута промедленія...

— Бартеневъ!—невольно снова вырвалось изъ устъ Александра Никитича,—не бери грѣха на душу! Вспомни: Господь—свидѣтель!

Быстрые глаза предателя впились на мгновенье въ лицо боярина.



Видъ дома бояръ Романовыхъ въ Москвѣ.

Гос. Публичная Библиотека в Ленинграде

Еще секунда, и страшная ложная клятва кощунственно прозвучала подъ сводами патріаршей комнаты...

Тяжелый вздохъ единовременно вырвался изъ груди пятерыхъ братьевъ...

Гулъ возмущенія пронесся по рядамъ князей Сицкихъ, Черкасскихъ, Шестовыхъ, приведенныхъ сюда вмѣстѣ съ боярами Романовыми на очную ставку.

Холодный потъ выступилъ на лбу старшаго Романова. Онъ вытянулся во весь свой высокій ростъ, выпрямился и, поднявъ руку, произнесъ торжественно:

— Клянусь и я! За себя, за братьевъ, за родичей своихъ клянусь! И Имя Господа Бога Живого привожу въ свидѣтели. Облыжно оклеветали насъ злые вороги! Вѣрными слугами всю жизнь были мы царямъ Московскимъ! И на томъ за всѣхъ насъ приму присягу и крестъ поцѣлую святой!

И онъ въ свою очередь шагнулъ къ аналою. Но быстрая тѣнь въ ту же минуту встала между нимъ и священными реликвіями. Окольничій Годуновъ движеніемъ руки остановилъ старшаго Никитича.

— Бояринъ Романовъ!—произнесъ онъ своимъ слащаво-приторнымъ голосомъ, — дать присягу всегда успѣешь. Нѣтъ у меня сейчасъ государева на то указа... А указано мнѣ тебя съ братьями и родичами раздѣлить и отвести, куда слѣдуетъ... Не погнѣвись на томъ, бояринъ, не по своему указу творю сіе, но по великому слову государеву.

Гордо блеснули глаза Ѳеодора Никитича въ отвѣтъ на слова Семена Годунова. Ни одинъ мускулъ не дрогнулъ на его величаво-красивомъ лицѣ.

Онъ обвелъ глазами братьевъ. Тѣ стояли, понурившись.

Они поняли этотъ новый указъ. По навѣту враговъ и ложной присягѣ подлаго, подкупленнаго, очевидно,

кѣмъ-то челядинца, ихъ обрекали тюрьмѣ, позорнымъ дознаніямъ, можетъ быть, пыткѣ...

Но ни испуга, ни малодушія не проявили какъ старшій, такъ и младшіе братья.

Только Ѳеодоръ Никитичъ глянулъ уничтожающимъ взглядомъ въ лицо Семену Годунову, потомъ перевелъ глаза на предателя Бартенева.

— Не боишься суда Господня, смердъ невѣрный!—произнесъ онъ значительно, — такъ будь же проклятъ за лживый доносъ! А ты, бояринъ Годуновъ, веди насъ, куда приказано. Прости, Владыко!—добавилъ онъ съ полнымъ достоинства поклономъ, отданнымъ патріарху.

И величаво, не дожидаясь приближенія стражи, первый вышелъ въ сѣни. За нимъ, гремя цѣпями, двинулся второй братъ. Порывистый и горячій Михаилъ Никитичъ и Василій съ Иваномъ пошли за ними. Стражѣ и боярамъ оставалось только поспѣшить вслѣдъ.

XI.

НЕДѢЛИ не прошло со дня разразившагося надъ всѣмъ Романовскимъ родомъ несчастія, а ни самаго подворья, ни обитателей его нельзя было узнать.

Словно ангелъ разрушенія повѣялъ черными крыльями надъ еще недавно цвѣтущимъ уголкомъ Москвы, надъ „земнымъ раемъ“, какимъ представлялись москвичамъ хоромы Романовскаго подворья. Все стихло, опустошилось въ этомъ раю. Все затаилось какимъ-то тяжелымъ ожиданіемъ.

Съ тѣхъ поръ, какъ взяли „за приставы“ бояръ Романовыхъ и всѣхъ родственниковъ ихъ, въ обширныхъ хоромахъ близъ Чудова монастыря люди жили, точно къ смерти приговоренные.

Ужасъ и смятеніе царили и въ женскомъ теремѣ.

Старая боярыня Марья Шестова, мать Ксеніи Ивановны, лежала, сраженная отъ испуга недугомъ. Молодая боярыня бродила, какъ тѣнь, по обширнымъ горницамъ, чуть живая отъ страха и волненія за участь любимаго мужа. Княгиня Марѳа Никитична Черкасская день и ночь томилась по своемъ князѣ. Обѣ женщины, тѣсно соеди-

ненныя разразившимся надъ ними несчастіемъ, то и дѣло проливали горькія слезы.

Вѣрные челядинцы всякими правдами и неправдами узнавали о своихъ государяхъ-боярахъ, томившихся въ тюрьмѣ.

Надъ тѣми шло усиленное и быстрое слѣдствіе. Шли допросы съ пристрастіемъ. Старшихъ братьевъ, если вѣрить ходившимъ по Москвѣ жуткимъ слухамъ, приводили къ пыткѣ.

Это усиленно скрывала вѣрная челядь отъ убитыхъ и безъ того горемъ боярынь.

А между тѣмъ ряды этой челяди постепенно рѣдѣли. Не проходило дня, чтобы не присылалась стража за тѣмъ или другимъ Романовскимъ холопомъ; несчастныхъ уводили въ застѣнки, и подъ ударами батоговъ допрашивали ихъ о несуществовавшихъ винахъ ихъ господъ.

Враги Романовыхъ не теряли надежды заставить вѣрныхъ слугъ подъ невыносимой пыткой оклеветать бояръ, но никто изъ нихъ не послѣдовалъ примѣру Бартенева Второго. Среди нестерпимыхъ побоевъ въ застѣнкахъ челядинцы Романовскіе восхваляли вѣрность и преданность царю своихъ бояръ. Израненные, избитые, возвращались они на подворье. Вмѣсто нихъ уводились другіе. Не щадились старики, женщины и подростки.

Стоны и слезы доходили до женскаго терема и сливались со слезами боярынь. Тамъ было еще горше и тяжелѣе.

Миша и Таня разрывали сердце матери разспросами, гдѣ ихъ „любимый тятя“, гдѣ дяди Михайла и Александръ, почему не видать дядей князя Черкасскаго, Ивана да Василья Никитичей?

Женщины, какъ могли, отвлекали вниманіе дѣтей отъ постигшаго ихъ несчастія.

— Въ дальній походъ услали вашего батю, на вое-

водство,—изощрялась въ выдумкахъ Настя, стаявшая и исхудавшая до неузнаваемости за эти нѣсколько дней.— И дяди поѣхали съ нимъ-же... Только къ матушкѣ не приставайте. Итакъ ей тошнехонько въ разлукѣ съ тятей, да и бабушка Марья недужна, такъ ужъ помалкивайте, пока што.

Это „пока што“ звучало зловѣще.

Свѣтлые глазки Насти быстро прятались за рѣсницами, какъ-бы опасаясь показать дѣтямъ выступившія на нихъ слезы.

При одной мысли объ этомъ „пока што“ сердце дѣвушки падало и замирало. Она боялась помыслить о томъ, что ожидало ея любимыхъ братьевъ. И вотъ это „пока што“ свершилось...

Наканунѣ чудеснаго майскаго утра изъ застѣнка вернулся Сергѣичъ, вѣрный дворецкій Романовской семьи.

Какъ и чѣмъ мучили старика, объ этомъ молчали его посинѣвшія, какъ у мертвеца, губы, не поворачивался произнести языкъ. Но по блѣдному лицу, по ввалившимся глазамъ, по кровавымъ рубцамъ, бороздившимъ все тѣло, по изодраннымъ клочьямъ одежды видно было, что несчастный старикъ пережилъ мучительное истязаніе отъ рукъ палачей.

Онъ появился, какъ тѣнь, передъ Настей въ ту минуту, когда она, уложивъ дѣтей при помощи мамушки, какимъ-то чудомъ уцѣлѣвшей отъ пытки, вышла изъ терема на крыльцо подышать весеннимъ воздухомъ.

Настя невольно вскрикнула, увидѣвъ вѣрнаго слугу въ такомъ истерзанномъ видѣ.

— Боярышня... это я... вѣрный Сергѣичъ... Не пужайся во имя Бога,—едва нашелъ въ себѣ силы произнести старикъ. — Спѣшу тебя увѣдомить... Завтра здѣсь охальникъ Семенъ Годуновъ, слыхалъ я, снова... Боярыню Аксинью Ивановну брать съ матерью за при-

ставы пріѣдетъ... Нынче услыхалъ я это отъ стражей ненарокомъ. Такъ хоша бы дѣтокъ, ангеловъ невинныхъ, спасти, Мишеньку нашего, касатика ненагляднаго, да боярышню Татьяну Ѳеодоровну!

Настя тихо ахнула и схватилась за перила крыльца.

— Владычица Небесная! Ее-то, ее за что же? Ну, братьевъ оклеветали, оговорили злодѣи... Но вѣдь ее-то, безпомощную, за что? Ксюшу-то... Что она могла, какое зло причинить, — зашептала помертвѣвшими губами дѣвушка и зарыдала, закрывъ лицо руками.

Сергѣичъ молча ронялъ скупыя старческія слезы. Онъ далъ выплакаться дѣвушкѣ. Потомъ тихо коснулся ея плеча.

— Боярышня-касаточка, послушай меня, глупаго. Пойди ты немедля, опреди боярынь... Пущай надумаютъ, гдѣ-бы намъ дѣтокъ схоронить... Неужто и имъ, пташкамъ небеснымъ, гибнуть!..

Слезы мгновенно высохли на глазахъ Насти.

— Завтра, говоришь, придутъ за ними?

— Навосходѣ, какъ слыхать, говорили...

— О, Господи!—прошептала Настя и, схватившись за голову, метнулась въ сѣни. Но на порогѣ остановилась и, помедливъ, вернулась къ старику.

— А наши? А Ѳедя што? Михайлушка? Братецъ Алексаша? Да Ваня съ Васей? Слыхалъ о нихъ? Ради Господа, скажи безъ утайки, Сергѣичъ!

Глаза старика потупились въ землю. Рѣзкая морщина прорѣзала лобъ, морщина нестерпимаго душевнаго страданія и муки.

— Боярышня, не спрашивай! Сама, чаю, вѣдаешь, въ тюрьмѣ не сладко!

— Въ кандалахъ они! Какъ тати какіе! Вѣрно?— полнымъ ужаса шопотомъ допытывалась Настя.

— Сама, чаю, знаешь!

— А може!.. може... ихъ... и... и пытали, Сергѣичъ?—

перехваченнымъ отъ волненія голосомъ прошептала Настя.

— О, Господи!—могло только вырваться изъ груди вѣрнаго холопа.

— Пытали!—стономъ повторила Настя и пошатнулась, готовая потерять сознаніе. — Пытали его... дорогого брата Ѳедю! Этого умницу, красавца писанаго, воплощенную доброту, гордость Москвы и всей Руси православной! О!

Но это было минутное малодушіе, овладѣвшее душою дѣвушки. Крѣпкимъ усиліемъ воли она принудила себя подавить отчаяніе.

— Коли не спасти Ѳеди и прочихъ братьевъ, дѣтей уберегу... На томъ ихъ отцу и клятву давала!—мысленно рѣшила Настя и прошла къ невѣсткѣ.

□ □ □

— Аксиньюшка!—робко позвала братнину жену Настя, появляясь на порогѣ горницы.

Ксенія Ивановна Романова, сидѣвшая у постели больной матери въ „смирномъ“ лѣтникѣ темно-гранатоваго цвѣта и въ такомъ же домашнемъ убрусѣ безъ единаго признака драгоцѣнныхъ украшеній, съ печальнымъ, убитымъ и осунувшимся лицомъ, тревожно взглянула на появившуюся золовку.

— Что еще случилось, Настя? Ужъ говори разомъ, не томи!—вырвалось трепетнымъ голосомъ изъ ея груди.

Дѣвушка отвѣтила несчастной боярынѣ такимъ же печальнымъ взглядомъ. И приблизившись къ ней, шопотомъ, чтобы не разбудить только что забывшейся сномъ больной Шестовой, повѣдала ей все, что слышала отъ Сергѣича.

Каково же было удивленіе Насти, когда вмѣсто того, чтобы увидѣть испугъ и тревогу невѣстки, она замѣтила счастливое выраженіе, впервые озарившее черты Ксеніи Ивановны за эти тяжелые дни.

— Слава Богу!—произнесла боярыня Романова,—кончились наши муки... Коли возьмутъ и меня подъ стражу, съ Ѳедей увижусь, успокою его, страстотерпца нашего... А тамъ хоть и на пытку, и на плаху, лишь бы вмѣстѣ съ нимъ.

— Что говоришь, Аксиньюшка, а дѣтки? А Миша съ Таней, нешто ихъ не жалко? — произнесла въ волненіи боярышня.

— Послушай, Настя,—новымъ чудно-спокойнымъ голосомъ начала боярыня Ксенія,—всю ночь не спала я нынче. Подъ утро забылась только... И диковинный сонъ мнѣ приснился, дѣвушка... Видѣла я Ѳедю заточеннаго, скованнаго въ тяжелыя оковы. Стоялъ онъ печальный и руки ко мнѣ протягивалъ. А я будто съ тобой и съ дѣтьми передъ дверью его темницы. И говоритъ мнѣ супругъ мой богоданный. — „Не кручинься, Аксиньюшка, чему быть, того не миновать. За дѣтокъ нашихъ не болѣй: Настя ихъ сбережетъ, а ежели намъ съ тобой на роду написано муку принять лютую, такъ вмѣстяхъ ее примемъ“. Тутъ подошелъ нѣкто свѣтлый и велелѣпный къ боярину и накрылъ его черной хламидой... А Ѳедя меня за руку удержалъ, и кусокъ той хламиды и на мои упалъ плечи... Какъ разъ дѣтки закричали, Миша да Таня:—„Матушка! Тятя! Куды вы отъ насъ?“ Я и проснулась. Вѣщій то былъ сонъ, Настюшка... Судьбу онъ нашу указываетъ. А нешто противу Господней воли пойдешь? Жизнью я бы за дѣтокъ своихъ заплатила, лишь бы имъ хорошо все да ладно выпало отъ судьбы. Да коли Господь испытаніе посылаетъ, нешто противу Него можно идти?.. Мишу съ Таней тебѣ передаю да княгинѣ Маринѣ Черкасской. Блюдите ихъ, родныя мои, пуще глазу своего... И Господь вамъ воздастъ за сиротъ.

Ксенія Ивановна упала въ ноги золовкѣ и обняла ея колѣни съ тихимъ, сдержаннымъ рыданіемъ.

Смущенная Настя подняла боярыню. Обнявъ ее сво-

ими тонкими руками, она зашептала чуть слышно, едва удерживаясь отъ слезъ:

— Будь покойна, голубушка-сестрица. Какъ брату Ѳедѣ, такъ и тебѣ Богомъ клянусь всячески блюсти и хранить племянниковъ... Нынче же, какъ Сергѣичъ сказалъ, такъ и сдѣлаю. Уведу дѣтокъ хошь къ княгинѣ Марѳѣ на подворье и тамъ схороню отъ злыхъ людей... А когда поутихнетъ все на Москвѣ, переправимся въ ваши вотчины Костромскія, въ Домнино, што-ли, и тамъ тебя да Ѳедю съ братьями ждать будемъ, какъ выпустятъ изъ тюрьмы.

Голосъ Насти крѣпъ съ каждой минутой. Дѣвушка сама, казалось, вѣрила въ то, что говорила. И эта увѣренность передавалась и ея изнемогшей въ горѣ невѣсткѣ.

— Спасибо, Настюша! Богъ тебя не оставитъ за это! Вели дѣтокъ будить, одѣнь ихъ, да идите съ Господомъ на подворье Черкасскихъ... Тамъ тайниковъ не мало, найдешь, гдѣ дѣтокъ до поры до времени схоронить, — рвущимся отъ волненія голосомъ прошептала несчастная боярыня. И съ этими словами прошла къ дѣтямъ.

Тяжелыя минуты потянулись вслѣдъ за этимъ. Испуганные разстроеннымъ видомъ матери и тетки, разбуженные въ эту позднюю пору, Миша и Таня долго не могли понять, чего отъ нихъ требовали взрослые.

И когда ихъ, трепетныхъ и взволнованныхъ, мамушка подвела къ матери подъ благословенье, а Ксенія Ивановна, вынувъ изъ божницы икону, осѣнила кудрявыя головенки своихъ любимцевъ, оба не выдержали и разрыдались.

— Матушка! Матушка! Куда насъ уводятъ? Съ тобою хотимъ остаться, матушка! Гдѣ тятя? Куды ты отсылаешь насъ?—лепетала восьмилѣтняя Таня, въ то время какъ Миша молча поглядывалъ на всѣхъ своими большими, кроткими глазенками и только нѣжно и тѣсно прижимался къ матери.

Мамушка Кондратьевна, рыдая навзрыдъ, бросилась къ своему питомцу.

— Касатикъ мой, желаненькій! На кого ты меня покидаешь? Да какъ мнѣ, горемычной, безъ тебя-то жизнь мою дожить, скоротать!..

— Молчи, молчи, мамушка. Не рви ты сердце боярыни,—зашептала ей Настя;—не видишь развѣ, и безъ тебя ей тошно!

Ксенія Ивановна въ послѣдній разъ обняла дѣтей.

— Идите съ Богомъ! И да будетъ Господь вамъ покровомъ и защитой!

Еще одно послѣднее объятіе, еще поцѣлуй, и Настя почти вырвала изъ рукъ матери плакавшихъ дѣтей и бросилась съ ними изъ терема.

Ночь весенняя коротка въ маѣ; надо было успѣть проскользнуть, пользуясь сумракомъ.

На дворѣ у крыльца ждалъ ихъ вѣрный Сергѣичъ.

Закутанные въ простое темное платье, безъ обычныхъ своихъ нарядныхъ кафтанчиковъ, Таня и Миша, въ сгустившемся ночномъ сумракѣ, мало отличались своимъ видомъ отъ дѣтей средняго слоя населенія тогдашней Москвы. Ихъ нѣжныя бѣлыя личики Настя заботливо прикрыла платками, нахлобучивъ дѣтямъ шапки по самыя брови.

Сергѣичъ взялъ за руку Мишу, Настя—Таню. Длинной, тѣнистой тропинкой прошли они садъ подворья, проскользнули потайной калиткой на дворъ Чудова монастыря.

Высокій чернецъ-воротникъ, заранѣе оповѣщенный Сергѣичемъ, пропустилъ ихъ монастырской лазейкой, и они вышли на крестецъ.

Держась тѣни строеній, молча шли они быстрымъ шагомъ, не останавливаясь, не оглядываясь назадъ.

А за ними также быстро и безшумно, пользуясь сумракомъ, скользила на нѣкоторомъ разстояніи приземистая,

Ксенія Ивановна въ послѣдній разъ обняла дѣтей.

Гос. Публичная Библиотека в Ленинграде

широкоплечая фигура закутаннаго въ темный кафтанъ человѣка.

И вотъ, когда Настя съ Сергѣичемъ и дѣтьми миновали послѣдній крестецъ и проскользнули въ ворота подворья князей Черкасскихъ, незнакомецъ въ темномъ кафтанѣ тихо свистнулъ, подражая свисту перепела.

Еще болѣе тихій свистъ отвѣчалъ ему изъ-за угла ближайшаго строенія, и вторая темная фигура четко вырисовалась на сѣромъ фонѣ весенней ночи.

— Звалъ, Лександра Матвѣичъ?—произнесъ вопросительно хриплый голосъ.

— Вотъ что, парень... Выслѣдилъ я по приказу боярина Семена Никитича Годунова, куды улетѣли пичужки, да караулить то ихъ мнѣ недосугъ. На зорѣ синицу ловить-добывать станемъ. Такъ ты замѣсто меня пичужекъ блюди. Денно и нощно слѣди за ними и чуть што къ боярину Годунову вали. Онъ службы твоей не забудетъ. Только выпустить ихъ не моги... Бѣда, коли упустишь. Слыхалъ?

— Слыхалъ, Лександра Матвѣичъ, не сумлѣвайся. А что до службы, такъ тобой и безъ того много довольны.

— То-то, доволенъ! Мнѣ одному не управиться, я, чай, дѣловъ-то дѣловъ что понавалило, парень! Небось, и самъ-то бояринъ Годуновъ упарился ровно въ мойнѣ (банѣ), а не то што мы съ тобой, смерды его.

И человѣкъ, сказавшій это, хрипло, но сдержанно засмѣялся. Потомъ кивнулъ своему собесѣднику головою и вышелъ изъ своей засады.

Свѣтлая ночь глянула ему въ очи, освѣтила его лицо. Это былъ Бартеневъ Второй, предатель Романовской семьи.

□ □ □

Въ то же время въ женскомъ теремѣ своего разореннаго подворья, распластавшись на полу передъ божницей, молилась боярыня Ксенія Ивановна.

— Господь Великій и Милосердный,—шептала она съ

закаменѣвшимъ отъ отчаянія лицомъ.—Тебѣ все вѣдомо, все доступно... Вели мучить, пытать меня, грѣшную рабу свою... Но пощади ихъ, малыхъ, невинныхъ... Спаси, сбереги дѣтокъ моихъ, Мишеньку, Танюшу... Царица Небесная, Владычица, къ тебѣ прибѣгаю! Накрой ихъ Покровомъ Пречистымъ своимъ! Дай имъ покой, дай счастья. Владычица огради ихъ во Имя Пречистаго Сына Твоего отъ всякихъ невзгодъ и напастей!

Слезы выступили на глазахъ боярыни и покатились по ея блѣдному измученному лицу.

И вотъ, тяжелыя, душу разрывающія рыданія огласили обширныя горницы Романовскаго подворья... Рыданія перешли въ вопль... Вопль въ стоны...

Когда испуганная дворня сбѣжалась, привлеченная нечеловѣческими воплями, боярыня лежала въ глубокомъ обморокѣ.

XII.

ПОЛНАЯ тревожныхъ и мучительныхъ ожиданій, потекла жизнь Насти и дѣтей въ хоромахъ ихъ сестры и старшей тетки княгини Черкасской. Сергѣичъ, едва оправившись отъ перенесенной пытки, дѣятельно собиралъ по Москвѣ свѣдѣнія о своихъ боярахъ, узнавалъ слухи и вѣсти и приносилъ ихъ на Черкасское подворье. Нерадостны были эти вѣсти...

Съ ужасомъ узнали княгиня Марѳа и Настя, что забрали боярыню Ксенію и ея престарѣлую больную мать Марью Шестову и заточили ихъ въ тюрьму. Настя кинулась было къ сестрѣ Иринѣ, бывшей замужемъ за царскимъ племянникомъ, Иваномъ Годуновымъ, прося защиты у царя черезъ мужа, но слабая, робкая Ирина только руками замахала на нее.

— Да что ты, сестрица, да нешто можно? Да нешто государь послушаетъ?.. Да еще, чего добраго, мужа моего подъ сыскъ подведешь! Погоди малость, судъ рѣшитъ! Коли невинны наши...

— Судъ рѣшитъ! Коли невинны! Да нешто ты не вѣдаешь, что невинны они?—ломая руки, рыдала Настя.

Ирина рыдала и отчаивалась не меньше ея. И сестры,

вдоволь наплакавшись, разставались, разбитыя, истерзанныя, раздавленныя горемъ.

И вотъ не прошло и нѣсколькихъ недѣль со дня несчастія, какъ Сергѣичъ, вернувшись поздно ночью откуда-то, таинственно вызвалъ Настю въ сѣни.

По убитому виду, по блѣдному лицу старика, Настя поняла сразу, что случилось нѣчто непоправимое, жуткое и большое. Схватившись за шибко бившееся сердце, дѣвушка вперила въ лицо старика испуганные глаза.

— Ну?—могла только выговорить она, трепеща всѣмъ тѣломъ.

— Судили ихъ, бояръ нашихъ, судили!—стономъ вырвалось изъ груди Сергѣича.

— Братьевъ? На смерть осудили?—беззвучно прошептали помертвѣвшія губы дѣвушки.

— Господь милостивъ, боярышня ... Не на смерть, а въ ссылку вороги, злодѣи ненавистные, ссылаютъ, но ссылаютъ немедля, и съ дѣтками, и съ супругами проститься не даютъ... Василья и Ивана Никитичей на Пелымъ усылаютъ, Михайлу Никитича въ Нарымскіе лѣса, въ глушь тайги сибирской непроходимую, князя Бориса Черкасскаго на Бѣлоозеро... Князя Сицкаго въ Астрахань.

— А Ѳедю? Ѳедю, брата любимаго? Ѳедю куды упрячутъ злодѣи?—срывалось трепетными звуками съ устъ Насти.

Старикъ замолчалъ. Скорбное, мучительное выраженіе исказило его осунувшееся лицо. Молча потупилъ онъ глаза въ землю.

— Нѣтъ боярина Ѳеодора Никитича на свѣтѣ болѣ!—прошепталъ онъ скорбно.

— Умеръ?—дрожащимъ шопотомъ вырвалось у Насти, и она схватилась за голову, готовая лишиться чувствъ.

— Живъ, боярышня, но не живъ для міра... Постригли силкомъ боярина моего, Ѳеодора Никитича... Нѣтъ его болѣ. Бояринъ Ѳеодоръ Никитичъ теперь чернецъ, инокъ Фи-

ларетъ. И ссылаютъ его далече, въ Антоніево-Сійскую обитель.

— Пытали! Постригли! Ссылаютъ! И кого же!? Ѳедю родного! Ѳедю, брата любимаго!—рвались стоны съ побѣлѣвшихъ, какъ мѣлъ, губъ Насти.—А Аксиньюшку? Боярыню твою? Ужели и ее не пощадили злодѣи? — едва нашла въ себѣ силы выговорить Настя.

— И боярыни нѣтъ болѣ, Аксиньи Ивановны, старица Марѳа она нынѣ... И ее подъ рясой чернички, за Онежье, на погостъ Толвуйскій ссылаютъ и Сицкую княгиню, Евфимью Никитичну, твою сестрицу, въ Сумскій острогъ, постриженную въ чернички, а старую боярыню Шестову въ Никольскій дѣвичій монастырь... Никому нѣтъ пощады... Никого не пощадили злодѣи...

И Сергѣичъ поникъ сѣдѣющей головою.

Настя тяжело дышала, прислонившись къ стѣнѣ. Известковая блѣдность покрывала ея черты.

Горе, какъ вѣтеръ былинку, согнуло сразу эту молодую цвѣтущую дѣвушку. Отчаяніе наполнило все ея существо. И вдругъ внезапная мысль пронизала ея сознаніе.

— А дѣтки? Сергѣичъ? Невинныя дѣтки? Что съ ними будетъ?—хватая за руку вѣрнаго слугу, произнесла чуть живая отъ страха дѣвушка.

— Ищутъ, кажись, и ихъ, боярышня, да сыскать не могутъ... Укрыть ихъ до поры до времени надо... У меня въ Москвѣ пріятель есть. Къ нему отведемъ поутру дѣтокъ... Княгиня Черкасская, Марѳа Никитична, недолго на свободѣ пробудетъ. Слыхалъ я, что ее съ княземъ ея на Бѣлоозеро ушлютъ то-жъ... Такъ здѣся не слѣдъ имъ оставаться и тебѣ, боярышня... Поутру со мной пойдешь... На Москвѣ-рѣкѣ есть слободка. Тамъ мой кумъ-пріятель мельничаетъ. Туда васъ и проведу...

— Спасибо, Сергѣичъ... Тамъ и пробудемъ, а какъ поутихнетъ, въ Костромскія вотчины Романовскія дѣтокъ

перевеземъ украдкой, — со вспыхнувшей было снова надеждой произнесла Настя. Но не суждено было расцвѣсти и этой послѣдней надеждѣ въ душѣ дѣвушки.

— Нѣтъ у бояръ Романовыхъ ни вотчинъ, ни подворья даже, — съ тяжелымъ вздохомъ произнесъ старикъ.— Все имѣнье бояръ, всѣ люди, всѣ помѣстья, вся казна отписаны на царя Бориса!—докончилъ Сергѣичъ съ безъисходнымъ вздохомъ, всколыхнувшимъ его старческую грудь.

— А! — могла только простонать Настя. — Дѣтей не только отца и матери лишили, но и крова, и имущества О, да будьте же вы прокляты, злодѣи! Будьте прокляты!— съ неожиданной силой выкрикнула дѣвушка, и обычно кроткіе глаза ея засверкали злымъ огнемъ.

Едва удерживая вопль отчаянія, прошла она къ княгинѣ Маріѣ. Сестры обнялись и смѣшали свои слезы, рыдая въ объятіяхъ другъ друга.

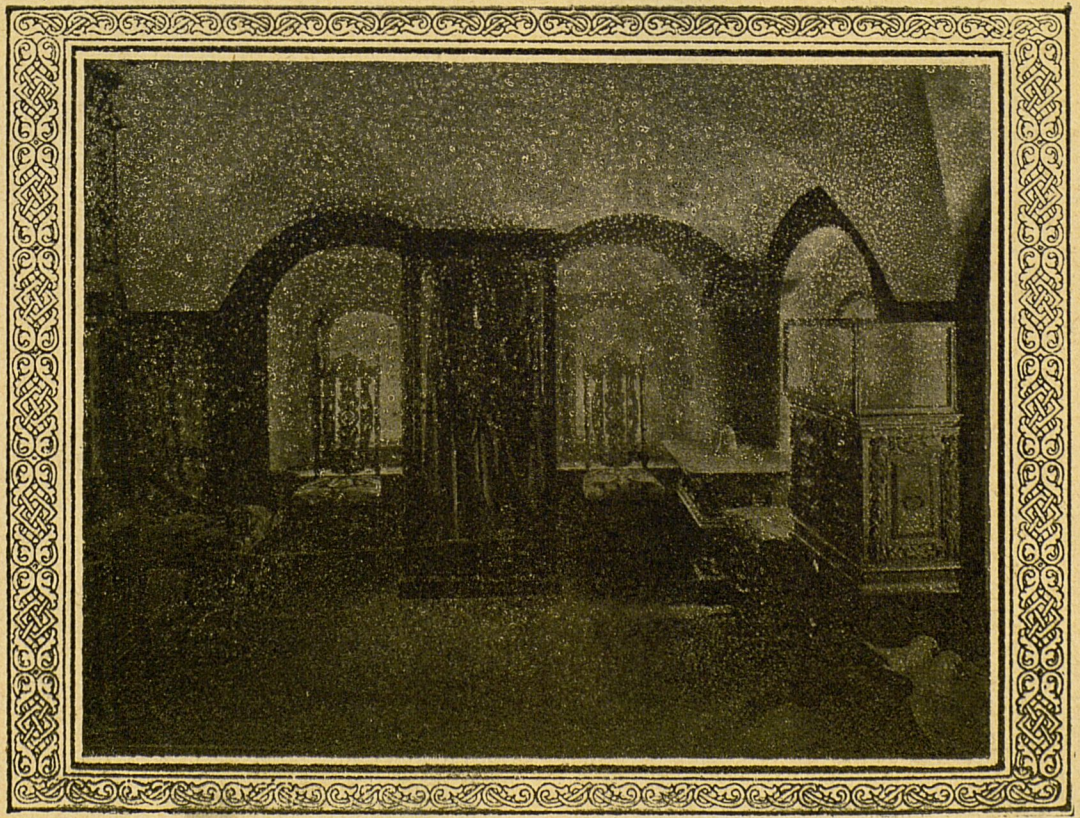
Потомъ Настя проскользнула неслышно въ постельную горницу, гдѣ спали дѣти.

Танюша и Миша разметались во снѣ. Ихъ губки улыбались. Имъ снились, должно быть, сладкіе сны... Настя присѣла около широкой постели княгини, отданной дѣтямъ, и долго съ тоскою смотрѣла на нихъ.

Вскорѣ, однако, усталость и пережитыя тяжелыя впечатлѣнія сдѣлали свое дѣло. Сама не замѣчая какъ, дѣвушка забылась. Безсознательное состояніе овладѣло ею. Это былъ тяжелый сонъ, исполненный страшныхъ, темныхъ образовъ и видѣній.

Какіе-то стоны... Какіе-то крики и вопли поминутно слышались ей... То плакала Ксенія Романова... То стоналъ любимый братъ Ѳеодоръ, постригаемый насильно... Или то дѣти, бѣдныя, маленькія осиротѣвшія дѣти, звали своихъ родителей?.. Настя не отдавала себѣ отчета сейчасъ.

Вдругъ огромная черная птица влетѣла въ горницу и, затрепетавъ крыльями, коснулась Настина плеча. Дѣ-



Комната въ домѣ бояръ Романовыхъ.

Гос. Публичная библиотека им. Ленинград

вушка вскрикнула и открыла глаза, испуганная своимъ же крикомъ. Открыла глаза и замерла отъ неожиданности. Вся горница была полна людьми...

Какіе-то незнакомые стражники держали княгиню Марѳу Никитичну, которая рвалась къ ней, Настѣ. Двое стрѣльцовъ уносили куда-то рыдавшихъ отчаянно дѣтей.

А передъ самой Настей, какъ изъ-подъ земли, выросла хорошо знакомая и ненавистная ей фигура боярина Семена Годунова.

Внѣ себя вскочила съ мѣста боярышня и бросилась впередъ.

— Дѣтей отдайте! Злодѣи! Изверги! Куда вы ихъ! Оставьте! Не трогайте! Невинныхъ дѣтей оставьте!—изступленно закричала она, бросаясь вслѣдъ стрѣльцамъ.

Съ ехидной и злобной улыбочкой Семенъ Годуновъ преградилъ ей дорогу.

— Потише, боярышня! Не кричи! Не ровно надорвешь голосокъ свой сладкій! Племянникамъ твоимъ съ сестрою худа не будетъ... Не бойсь! Чѣмъ вопить-то безъ толку, пособи обрядить дѣтокъ повольготнѣй, да княгиню Марѳу обряди... Потому отъ Великаго Государя указъ вышелъ: немедля што бы князя Бориса Черкасскаго съ княгинею, да тебя съ племянниками на Бѣлоозеро, въ дальнее Мурьинское селеніе за приставами послать... Сей же часъ, слыхала? И немедля нимало! Сей же часъ!

Какъ вкопанная остановилась Настя. Широко расширенными глазами смотрѣла она въ лицо злѣйшаго врага своей семьи. Словно столбнякъ напалъ на молодую дѣвушку.

И вдругъ она поняла...

Поняла внезапно, что планъ ея съ Сергѣичемъ спасти дѣтей рухнулъ сразу, что все пропало.

Дѣтей сошлютъ въ далекій край, къ студеному Бѣлоозеру, гдѣ они и не вынесутъ, можетъ статься, тоски по родителямъ, суровой погоды и заточенія.

Отчаяніе охватило душу дѣвушки.

Но это была лишь минутная слабость.

Внезапной зарницей вспыхнула новая мысль въ головѣ Насти.

— И у Бѣлоозера живутъ же люди! Може, среди нихъ убережетъ дѣтей она, Настя, ненаглядныхъ племяшей своихъ. Убережетъ и укроетъ отъ всякаго лиха. Не даромъ, не зряшную клятву, ненарушимую, дала она на томъ несчастному брату и его женѣ.

И, горѣвшіе отчаяніемъ за мигъ до этой минуты, глаза дѣвушки вспыхнули вдругъ огнемъ энергіи, несокрушимой воли.

Горделивымъ взоромъ обвела она присутствовавшихъ и, презрительно глянувъ въ лицо Семена Годунова, произнесла уже спокойнымъ, безтрепетнымъ голосомъ:

— Вели выпустить твоимъ людямъ мою сестру, боярынъ... Да дѣтей сюда принести... Коли обрядиться намъ въ дальнюю дорогу всѣмъ надо, нечего время попусту терять. Вели всѣмъ выйти... А мы съ сестрою и дѣтьми, какъ будемъ готовы, скажемъ.

И властнымъ движеніемъ руки она указала присутствовавшимъ на дверь.

И, только когда послѣдній стрѣлецъ изъ стражи, приведенной Годуновымъ, вышелъ изъ горницы слѣдомъ за бояриномъ, Настя молча протянула руки княгинѣ Маѳѣ. Та бросилась къ ней, и безъ словъ сестры замерли въ нѣмомъ отчаяніи въ объятіяхъ другъ у друга.

Когда же Таня и Миша съ залитыми слезами личиками вбѣжали въ горницу, на лицахъ обѣихъ сестеръ уже играло подобіе улыбокъ, и онѣ нашли силы успокоить и утѣшить дѣтей.

Потомъ энергично и быстро стали готовиться въ дальнюю дорогу.

КОНЕЦЪ I-ой ЧАСТИ.

ЧАСТЬ II

Въ опалѣ

I.

ГЛУХО шумитъ и волнуется по-осеннему большое многоводное и бурливое Бѣлоозеро. Рѣзкій, холодный осенній вѣтеръ, то и дѣло, набѣгаетъ съ сѣвера и тревожитъ, и шумитъ, и треплетъ буйными порывами и безъ того нетихую, неспокойную гладь.

Густой черный боръ, наполовину хвойный, наполовину лиственный, непроходимый и жуткій, протянулся по всему побережью озера. Деревья да вода, водная ширь, да столѣтнія, высоко уходящія вершины—только и видно въ этомъ пасмурномъ, дикомъ краю. Гдѣ какъ будто рѣже срослись темныя чащи, гдѣ образуется небольшая выбоинка-полянка въ лѣсной чащѣ, прилегающей къ водѣ у самаго берега студено-буйнаго озера, прилегла бѣдная, маленькая деревенька въ нѣсколько рыбачьихъ избъ.

Это Мурьинскій погостъ, отдѣленный дремучими лѣсами отъ всякаго жилья человѣческаго.

Въ одной изъ избъ погоста, недалеко отъ церкви, засвѣтился ранній огонекъ. Еще только сентябрь, а уже темно

по-осеннему. Пятый часъ на исходѣ, а длинныя темныя сумерки уже плотнымъ кольцомъ обхватили и Бѣлоозеро, и погостъ, и окружающія ихъ чащи. Впрочемъ, тамъ, въ этихъ чащахъ, всегда царитъ непробудная ночь. Оттуда долетаетъ вой волковъ порою. Въ зимнія жуткія, непроглядныя ночи они подходятъ къ самому погосту, сверкая огнями голодныхъ и хищныхъ глазъ.

Этотъ вой часто слышится ночью, тревожа немногихъ жителей Мурьинской деревеньки, бѣдныхъ рыбаковъ.

Ихъ избушки разбросаны по берегу и стоятъ въ сторонѣ отъ большой, но неказистой избы, освѣщенной сейчасъ огнемъ лучины.

Свѣтъ ея скудно озаряетъ темную закоптѣлую внутренность избы. Голыя лавки и столъ, накрытый убогой скатертью, иконы въ переднемъ углу, за ситцевой занавѣской кровать. Къ чистой половинѣ примыкаетъ черная изба съ печкой, еще болѣе убогая и закоптѣлая, нежели переднее помѣщеніе.

Холодный вѣтеръ врывается въ сѣни сквозь плохо прилаженную дверь и заставляетъ присутствующихъ, то и дѣло, съеживаться и вздрагивать отъ холода. Этихъ присутствующихъ здѣсь пятеро человѣкъ, взрослыхъ съ дѣтьми.

Опальный князь Борисъ Черкасскій сидитъ, погрузившись въ печальную думу, въ переднемъ углу избы. Онъ сильно посѣдѣлъ и измѣнился послѣ Романовскаго переворота. Какъ ближайшій свойственникъ „Никитичей“, женатый на ихъ сестрѣ, онъ пострадалъ не меньше самихъ Романовыхъ. Слѣды пытки навсегда сохранились на его тѣлѣ подъ поношеннымъ кафтаномъ, такъ мало похожимъ на дорогое боярское платье, которое онъ носилъ у себя въ Москвѣ. Его жена Марѳа Никитична хлопочетъ объ ужинѣ вмѣстѣ съ Настей.

Незатѣйливый это ужинъ!

Кое-какая мелкая рыбешка, да черный хлѣбъ съ

квасомъ — вотъ и все, что выпадаетъ на долю опальной семьи.

Миша и Таня, сосланные на берега Бѣлоозера, въ этотъ пасмурный и нелюдимый край, вмѣстѣ съ дядей Борисомъ да двумя тетками, скорѣе взрослыхъ свыклись со своей ужасной неволей. Если бы не тоска по родителямъ, съ которыми имъ даже не дали проститься и о судьбѣ которыхъ они ничего не знали, да не лишенія, жизнь опальныхъ боярчатъ протекала бы довольно сносно. Здѣсь, пользуясь своимъ положеніемъ дѣтей, они имѣли относительную свободу, бѣгая съ утра до сумерекъ по берегу озера, дѣлая суденышки изъ лучины и пуская ихъ на бечевкѣ въ озеро, или собирая разноцвѣтные камешки на берегу, или же ловя съ рыбацкими ребятишками рыбу. А собираніе еловыхъ и сосновыхъ шишекъ въ лѣсу, а ловля бѣлокъ—это ли не было развлеченіемъ для маленькихъ, смутно сознающихъ постигшую ихъ бѣду дѣтей!

Но грусть взрослыхъ, задумчивость, тоска и печаль дяди Бориса, тетки Марѳы Никитичны и ихъ ненаглядной Настюши невольно передавались и дѣтямъ. И какъ-то особенно сильно имъ взгрустнулось нынче.

Въ іюлѣ, въ самый разгаръ лѣта, прислали ихъ сюда московскіе пристава и помѣстили въ этой избѣ. Поблизости помѣстился ихъ досмотрщикъ—приставъ „Змѣй Горынычъ“, какъ его называетъ Настя, и слѣдитъ за каждымъ шагомъ не только взрослыхъ, но и дѣтей. И всячески урѣзываетъ ихъ въ ѣдѣ и одеждѣ.

Осенній вѣтеръ воетъ совсѣмъ по-зимнему съ гиканьемъ и присвистомъ. Въ избѣ холодно, несмотря на топку. Что-то будетъ зимой, когда хватятъ настоящіе крутые морозы!?

Князь Борисъ весь вздрогнулъ отъ этой мысли и поднялъ голову, на которой за послѣдніе мѣсяцы испытаній густо засеребрилась сѣдина.

Тяжелый вздохъ вырвался изъ его груди.

Марѳа Никитична, чуткимъ ухомъ любящей жены, услышала этотъ вздохъ, подошла къ мужу и, любовно положивъ ему руку на плечо, тихо проронила:

— Никто какъ Богъ! Онъ Долготерпѣливъ и Милостивъ, Борисушка! И, чуетъ сердце мое, вызволитъ насъ изъ бѣды.

— Не себя жалко... Къ нимъ жалость беретъ, Марѳуша, — отвѣтилъ князь, украдкой указывая на дѣтей, о чемъ-то оживленно шептавшихся въ уголку избы, въ ожиданіи ужина.

— Настю жаль... Молода она еще... Не такой доли она достойна... Первая почитай среди красавицъ московскихъ...

— Тише! Идетъ она...

Дѣйствительно, съ дымящейся миской рыбьей похлебки, изъ другой половины избы вошла Настя.

Несмотря на простой, бѣдный нарядъ, на исхудалое личико и тронутые ранней печалью глаза, опальная боярышня была хороша попрежнему. Печаль и забота о дорогихъ близкихъ, сквозившія въ каждой черточкѣ этого пригожаго дѣвичьяго лица, придавали ему еще большую осмысленность и одухотворенность. И сейчасъ глаза ея съ мягкимъ выраженіемъ какой-то материнской ласковости обѣжали лица присутствовавшихъ и остановились на дѣтяхъ.

Мгновенье, и отчаянная грусть засвѣтилась въ глубинѣ этихъ мягкихъ дѣвичьихъ глазъ.

— Дѣтушки бѣдныя, сиротинушки безъ отца и матери, при живыхъ родителяхъ сиротки! — промелькнула печальная мысль въ головѣ дѣвушки, но она тотчасъ же поборола себя, принудила улыбнуться и весело проговорила, ставя миску на столъ:

— Ну, вотъ и варево... Не обезсудьте стряпуху. Сготовила, какъ сумѣла... Кушайте во здравіе... Танюша, Мишута, пожалуйте поскорѣе! Ужъ такая ушица, что сама въ ротъ влетитъ,—и, улыбаясь повидимому весело и

беззаботно, она рѣзала хлѣбъ и раскладывала его кусками на столѣ.

Марѳа Никитична ласково и любовно взглянула на сестру.

— Солнышко ты наше красное! Ужъ и не знаю, что было бы съ нами, кабы не ты! Ахъ, Настя, Настя! Одна ты подбодрить да печаль разсѣять и тоску прогнать умѣешь! Не оставитъ тебя за это Господь!

— Полно, полно, сестрица! Какое тамъ! Всюду Богъ, гдѣ люди... Ишь, какое, подумаешь, солнышко выискалось! Уху похлебаемъ лучше, да и завалимся пораньше спать. Инъ, день-то и покороче станетъ... А на утро я удосужусь, къ Михалихѣ, рыбачихѣ сбѣгаю, она мнѣ холста посулила Мишенькѣ на рубаху дать, да Танечкѣ на лѣтникъ отрѣзать.

Марѳа Никитична тяжело вздохнула.

Простая рыбачиха давала имъ то, въ чемъ отказывалъ приставъ. Дѣти обносились, имъ нечего было одѣть. Все имущество Романовыхъ отписали на царя. Привезли ихъ сюда въ томъ, въ чемъ они были. Мало того— въ самомъ необходимомъ урѣзывали ихъ; молока и яицъ не давали дѣтямъ. Ужасная опала сказывалась во всемъ.

Марѳа Никитична тяжело задумалась. Ея мужъ понялъ настроеніе супруги и сталъ еще печальнѣе.

Нехотя, съ мрачнымъ гнетомъ въ душѣ, принялись они за ужинъ, приготовленный ловкими руками той-же Насти. Болтали одни только дѣти, да ихъ молоденькая тетка.

— Завтра по утру, какъ вернусь отъ Михалихи, въ лѣсъ пойдемъ за грибами!—посулила тихонько обоимъ племянникамъ Настя.

— А волки?—не то испуганно, не то радостно проронила Таня.

— Да нешто они сунутся! Я рогатину возьму!—рѣшительно заявилъ Миша, и глазенки его блеснули.

— Ахъ, ты, вояка-воинъ!—вырвалось со смѣхомъ у Насти, и она, вскочивъ съ лавки, кинулась цѣловать и обнимать племянника.

Княгиня Марѳа вся помертвѣла, услышавъ этотъ безпечный смѣхъ, раздавшійся колокольчикомъ по всему погосту.

— Нишкни! Нишкни! Не приведи Господь, услышитъ приставъ, въ Москву донесетъ! — зашептала она, испуганно маша рукой сестрѣ,—отпишетъ еще, что опальнымъ Мурьинскимъ дюже весело, коли смѣются... И еще, чего добраго, пуще урѣжетъ насъ во всемъ. Слышь, никакъ идетъ ужъ сюда кто-то. Должно, господинъ приставъ „Змѣй Горынычъ" жалуетъ къ намъ,—съ горькой усмѣшкой докончила княгиня.

— Борисушка,—обратилась она къ мужу,—выдь къ нему, желанный... Пущай сюды не входитъ... Видѣть его не могу!

Князь, нахмуренный и суровый, поднялся съ лавки и вышелъ въ сѣни.

Женщины и дѣти притихли, ожидая его возвращенія. Нечего и говорить, что имъ было не до ѣды. Привезшій ихъ въ эту глушь приставъ жилъ бокъ-о-бокъ съ ними, и не было часа, чтобы онъ не заглядывалъ въ ихъ избу. Своими хищными, ищущими взорами онъ добавлялъ тоску и гнетъ несчастной опальной семьи, а его рѣзкія слова и властныя рѣчи приводили не разъ опальныхъ въ справедливое негодованіе. Приставъ слѣдилъ не только за каждымъ шагомъ, но и за каждымъ отвѣтнымъ словомъ заключенныхъ и аккуратно отписывалъ обо всемъ въ Москву.

Понятно, съ какимъ чувствомъ относились къ нему Мурьинскіе узники!

И сейчасъ, забывъ объ ѣдѣ, Марѳа Никитична съ Настей чутко прислушивались къ тяжелымъ шагамъ, раздававшимся въ сѣняхъ.

Но вотъ распахнулась дверь... На лицахъ при-

сутствовавшихъ отразилось самое искреннее изумленіе: вмѣсто предполагаемаго пристава, ихъ мучителя, слѣдомъ за княземъ Борисомъ вошелъ высокій, сѣдой, сгорбленный старикъ, съ дорожной котомкой за плечами, съ посохомъ въ рукѣ. Огромная сѣдая борода начиналась чуть ли не отъ самыхъ глазъ на его лицѣ, скрывая черты его лица и придавая ему видъ совсѣмъ дряхлаго старца. Рваная шапчонка была тѣсно надвинута на глаза.

Старикъ вошелъ въ избу и истово перекрестился, глядя въ передній уголъ.

Потомъ отдалъ поклонъ всѣмъ присутствовавшимъ.

Тѣ отвѣтили ему, не переставая удивляться.

Вдругъ невѣдомый пришелецъ выпрямилъ спину, быстрой походкой кинулся обратно въ сѣни, тяжелымъ засовомъ задвинулъ входную дверь, также стремительно вернулся въ переднюю избу, приблизился къ сидѣвшимъ за столомъ хозяевамъ... Еще одно быстрое движеніе, и бѣлая длинная борода сократилась наполовину, лицо приняло другой, болѣе молодой видъ...

— Сергѣичъ!—невольно вырвалось изъ устъ присутствовавшихъ.

Миша и Таня стремительно вскочили со своихъ мѣстъ и бросились къ старику.

— Сергѣичъ! Ты ли это?—въ одинъ голосъ прошептали князь, княгиня и Настя.

— Я, батюшка-князь, я, государыня-боярыня съ боярышней и боярчата мои милые, цвѣтики мои!—пролепеталъ старый дворецкій, опускаясь на колѣни передъ опальными и земно кланяясь имъ.—Приплелся-таки изъ далекой Москвы васъ провѣдать... Сюды къ вамъ, подъ видомъ странника, пробрался... Мочи нѣтъ, сердце заговорило, узнать про житье-бытье сердешныхъ дѣтокъ да боярышни ласковой... И о томъ повѣдать государямъ моимъ Филарету Никитичу, иноку моему, да боярынѣ-инокинѣ Марѳѣ Ивановнѣ.

— Какъ?! Такъ, стало быть, вѣдомо тебѣ, гдѣ Ѳедя и Аксюша? Куда заточили ихъ злодѣи?—несдержанно вырвалось изъ груди Насти, забывшей даже въ эту минуту о присутствіи дѣтей.

— Говори, старина, гдѣ наши?—взволнованнымъ голосомъ произнесъ князь Борисъ.

Сергѣичъ поднялся на ноги и, устремивъ глаза на образъ, произнесъ со слезами:

— Слава Тѣ, Господу Богу нашему, провѣдали мы, Романовскіе вѣрные своимъ государямъ-боярамъ холопы, куда замчали нашихъ господъ. Бояринъ Филаретъ Никитичъ постриженъ далече отселѣ, въ Антоніево-Сійской обители томится, боярыня въ Заонежскихъ лѣсахъ на Толвуѣ... А до другихъ братьевъ и не добраться даже, еще далѣ они... Къ господамъ моимъ я, вѣрный смердъ ихъ, зарокъ далъ доплестись, отъ дѣтокъ и сестрицъ имъ снести вѣсточку. Чай, замучились, не вѣдая о Мишенькѣ и Танюшѣ, боярчатахъ своихъ... Давненько я такъ-то изъ Москвы вышелъ... Всѣмъ холопамъ Романовскимъ вѣдомо, куды и зачѣмъ я пошелъ. Да кабы не я, старикъ, такъ другіе бы то же сдѣлали... Всѣ ангеловъ нашихъ, бояръ, помнятъ и животъ свой готовы за нихъ положить. И не я одинъ, другіе то же рѣшили. Какъ вернусь я на Москву, они пойдутъ сюды на Бѣлоозеро, отселя на Толвуй, съ Толвуя въ Антоніево-Сійскъ... Вѣсточки носить отъ дѣтокъ къ отцу и матери, отъ жены къ мужу, отъ сестрицъ къ брату станутъ... Потому, покуда жили мы у бояръ нашихъ въ теплѣ и холѣ, какъ у Христа за пазухой, въ раю, всѣ намъ завидовали на житьѣ-бытьѣ, а таперича, какъ грянула гроза надъ государями нашими, таперича настало время и намъ, холопамъ, добромъ да услугой за старое добро хозяевамъ, отцамъ роднымъ нашимъ, отплатить.

Голосъ Сергѣича задрожалъ и пресѣкся... Изъ глазъ старика брызнули слезы.

Князь Борисъ, взволнованный и потрясенный, поднялся со скамьи, на которой сидѣлъ въ тяжеломъ оцѣпенѣніи во время всей рѣчи Сергѣича, подошелъ къ старику и горячо обнялъ его.

— Спасибо, спасибо тебѣ, старина, — произнесъ онъ взволнованно.—Не за себя, за дѣтокъ благодарю, за жену мою бѣдную... Господь тебѣ и другимъ челядинцамъ, слугамъ вѣрнымъ, воздастъ сторицею за все... А мнѣ нечѣмъ тебя наградить. Самъ видишь, послѣдняго нищаго на Москвѣ мы сейчасъ бѣднѣе.

И онъ, махнувъ рукой, поспѣшно вышелъ въ сѣни, чтобы не показать своего малодушія женѣ, Настѣ и дѣтямъ.

А Миша и Таня тѣмъ временемъ усадили Сергѣича на лавку, несмотря на всѣ его возраженія, заставили его чуть не силой отвѣдать ихъ болѣе чѣмъ скромный ужинъ, разспрашивая объ отцѣ и матери, давали порученія, что надо отъ нихъ передать родителямъ.

Настя съ княгинею, въ свою очередь, узнавали, что сталось съ ихъ московскими имѣніями и ихъ людьми, съ подворьями и дальними вотчинами.

Старикъ говорилъ безъ утайки, все, что зналъ.

Разорены имѣнія, отписаны въ казну. Вотчины тоже, а прежніе Романовскіе холопы бродятъ нищею братіею по Москвѣ безъ дѣла, безъ хлѣба, потому какъ указомъ отъ царя Бориса велѣно ихъ ни къ кому на службу не брать.

— Господь Милосердный! Да за что же? За что?—ломая руки, не выдержавъ, прошептала княгиня Марѳа и тихо заплакала, прижимая къ себѣ дѣтей.

Но предаваться печали не было времени. Вошелъ князь Борисъ съ тревогой въ лицѣ и произнесъ шопотомъ:

— Приставъ дознался, кажись, что у насъ странникъ прохожій. Сюды жалуетъ. Надѣвай свою бороду, Сергѣичъ... Ничего не подѣлаешь, узники мы...

Когда приставъ вошелъ, въ углу подъ образами сидѣлъ Божій старичокъ, согнувшійся въ три погибели, и повѣствовалъ о дальнихъ Соловкахъ, куда будто-бы лежалъ его путь.

Приставъ подозрительно оглядѣлъ присутствовавшихъ и, потоптавшись на мѣстѣ, скрылся.

Съ его уходомъ долго еще не ложились опальные въ своей неуютной избѣ.

Затушили лучину, чтобы не привлекать вниманія стражника, и впотьмахъ долго бесѣдовали съ вѣрнымъ слугою, навѣстившимъ ихъ въ этой глуши.

Таня и Миша крѣпко спали, растянувшись на лавкѣ, а князь съ женою и Настей все еще совѣщались съ Сергѣичемъ о томъ, какъ ему поскорѣе дойти до Заонежскихъ лѣсовъ къ бывшей боярынѣ Ксеніи Ивановнѣ, нынѣшней инокинѣ Маѳѣ, а оттуда къ заточенному иноку Филарету въ Антоніево-Сійскую обитель.

II.

Суровая зима, выдавшаяся въ 1602 году, казалась еще суровѣе и жестче въ далекихъ Заонежскихъ лѣсахъ холоднаго, негостепріимнаго Толвуйскаго края. Но тамъ, гдѣ, окруженная непроходимою чащею лѣсовъ, кишащихъ дикимъ пушнымъ звѣремъ, раскинулась лѣсная деревенька за озеромъ Онежскимъ, въ нынѣшнемъ Петрозаводскомъ уѣздѣ, тамъ тише и спокойнѣе кажется зимняя студеная непогода, тамъ, удерживаемая крѣпкой стѣной великановъ-деревьевъ, рѣже прорывается въ селеніе Толвуйскаго погоста злая, крикливая старуха-мятель,-тамъ не такъ жестоки буйные вѣтры, пѣнящіе подъ осень студеный просторъ Онежскаго озера...

Чудесно, естественной стражей, окружаютъ Толвуй Заонежскіе лѣса. Привольно живется среди нихъ жителямъ Толвуя. Онежское озеро изобилуетъ рыбой, лѣса пушнымъ звѣремъ. Бѣдствовать среди этого земного обилія и при желаніи трудно.

И на характерѣ жителей Толвуя отразилась эта благодать.

Они гостепріимны, радушны и добры.

Они готовы всѣхъ принять и обласкать.

Въ ихъ крѣпко сколоченныхъ избахъ тепло и уютно... И не только о себѣ позаботились они.

На самомъ краю селенія, въ небольшой избушкѣ, находящейся подлѣ домика священника Ермолая Герасимова, живетъ знатная опальная боярыня, постриженная еще въ Москвѣ въ инокини волею царя Бориса.

И самъ священникъ, отецъ Ермолай, и семья его, и все небольшое населеніе Толвуя всячески заботятся и пекутся объ ихъ подневольной гостьѣ.

Если не въ мѣру суровъ и взыскателенъ Мурьинскій приставъ, приставленный къ ея дѣтямъ на Бѣлоозерѣ, къ золовкамъ и свояку, то стражникъ инокини Марѳы отличается своимъ безразличнымъ отношеніемъ къ судьбѣ узницы... Если онъ и заглядываетъ къ ней съ дозоромъ, то только по долгу службы. Зато и не препятствуетъ отцу Ермолаю со всей его паствой заботиться о знатной узницѣ, судьба которой невольно возбуждаетъ къ себѣ всеобщія участіе и жалость.

Самое узницу рѣдко кто видитъ на погостѣ.

Изрѣдка только за невысокимъ тыномъ на небольшомъ дворикѣ таинственной избушки мелькнетъ темная фигура въ платкѣ, или блѣдное лицо съ рѣзко очерченными черными бровями. Или же къ маленькому слюдовому оконцу тѣсно приникнетъ то же блѣдное печальное лицо. Зато у узницы все есть въ ея скромномъ жилищѣ. И священникъ, отецъ Ермолай, и поселенцы доставляютъ ей сюда и рыбу, и яйца, и хлѣбъ.

Всѣ сердца невольно привлекаетъ къ себѣ эта, невинно пострадавшая, затворница своей печальной участью, своей горькой судьбою, хотя рѣдко съ кѣмъ вымолвитъ слово инокиня Марѳа.

Сурово ея строгое лицо, суровы огненныя очи.

Наклоненіемъ головы только благодаритъ она за приношенія поселенцевъ. И молчитъ. Всегда молчитъ, за-

мкнутая, гордая и далекая въ своемъ безмѣрномъ горѣ. И только мечется-ходитъ по избушкѣ въ непогоду, а въ ведро по крошечному дворику, съ печальными мыслями и тоскою по дѣтямъ, по мужу, такъ безжалостно отнятымъ у нея...

Мечется, тоскуетъ молча. Ни съ кѣмъ не дѣлится горемъ ея гордая, одинокая душа...

□ □ □

Послѣ пасмурной, вьюжной и студеной ночи на Онежскомъ озерѣ въ заповѣдныхъ непроходимыхъ лѣсахъ проглянулъ морозный январскій денечекъ.

Пользуясь его короткимъ свѣтомъ, старица Марѳа, еще недавно именитая боярыня Ксенія Ивановна, вышла на дворикъ.

Зелено-бѣлой сказочной красотой, весь запушенный снѣгомъ, глянулъ на нее непроходимый хвойный лѣсъ...

Стоя на высокомъ крыльцѣ, черезъ верхъ частокола Марѳа увидѣла убѣгающія вдаль тропинки, безконечную чащу великановъ-деревьевъ, стерегущихъ какъ-будто отъ всего прочаго міра это далекое и маленькое селеніе. Тамъ дальше закованное толстыми льдами спитъ Онежское озеро. Не видно его за непроходимою чащею. Но чуется и здѣсь его ледяное, студеное дыханіе.

Старица Марѳа тяжело вздохнула... Одна и та же вѣчная теперь мысль прожгла ея душу. Кто знаетъ— можетъ быть, ея мужъ и дѣти глядятъ точно также на зеленую чащу лѣса и чуютъ студеное дыханіе озера... Можетъ, и ближе они къ ней, нежели она думаетъ. А можетъ, и нѣтъ ихъ на свѣтѣ болѣ!

Мутится разумъ отъ этой мысли, и дрожь охватываетъ тѣло.

Но слезъ, спасительныхъ слезъ нѣтъ въ ея глазахъ.

Если бы могла она избыть хоть часть тоски и горя слезами!

Нѣтъ... Огнемъ неугасимой муки горятъ ея очи, сжимаются грозно брови... А уста шепчутъ:

— Мишенька! Таня! Супругъ мой желанный! Ѳедя-мученикъ, дѣтки! Гдѣ вы? Увижу-ль васъ когда-нибудь хоть разокъ единый?

Затуманенные горемъ глаза невольно обращаются въ даль.

Что это?! Темная, одинокая фигура маячитъ по лѣсной тропинкѣ, то появляясь, то исчезая за группой деревьевъ.

Вотъ ближе, ближе подходитъ къ селенію одинокая фигура. Можно уже различить сѣдую бороду, дорожную котомку и сгорбленную старческую фигуру.

Незнакомецъ поднимаетъ руку, дѣлаетъ какіе-то знаки посохомъ. Сердце старицы замираетъ...

Быстро вспоминаетъ Марѳа, что въ ближайшей избѣ послѣ сытнаго полдника отдыхаетъ въ этотъ часъ приставъ, что поселяне ушли на ловлю за пушнымъ звѣремъ всѣмъ погостомъ, что ежели отецъ Ермолай и увидитъ что-либо, то покроетъ ее передъ ея стражникомъ... что въ одномъ мѣстѣ плохо прилажено бревно изгороди, образуя щель,—все это смутно припоминается ей. Мысли путаются, разбѣгаются и сходятся снова... Быстро отвѣчаетъ Марѳа невѣдомому страннику движеніемъ руки и съ замирающимъ сердцемъ слѣдитъ за его приближеніемъ...

Вотъ онъ вышелъ изъ чащи, обогнулъ селенье, вотъ онъ близко, близко отъ ея избы... Вотъ старческое покашливаніе говоритъ о его присутствіи за изгородью двора.

— Матушка государыня-боярыня Ксенія Ивановна, признаешь ли?

Марѳа вперяетъ глаза... Напрягаетъ слухъ... Изможденное усталое лицо незнакомца глядитъ на нее сквозь отверстіе изгороди... Но голосъ знакомый, и взглядъ тоже...

— Сергѣичъ!—срывается у нея радостнымъ шопотомъ,—ты ли это, Сергѣичъ?

— Я, матушка, государыня-боярыня, я самолично поклонъ тебѣ принесъ отъ дѣтокъ твоихъ... Отъ Танюши съ Мишенькой. Всѣ, слава Тѣ, Христосъ, по-живу и поздорову!

— О!—стонъ радости и необъятнаго душевнаго волненія поднимаетъ грудь Марѳы.

Ноги подкашиваются. Туманъ плыветъ въ головѣ. Она хватается руками за бревна изгороди, чтобы не упасть.

— Живы! Здоровы! Дѣтки! Дѣтки мои! Слава Тебѣ, Господь Милосердный, и Тебѣ, Владычица Царица Небесная!

Радость живительна... Радость окрыляетъ... Находитъ быстрое успокоеніе душа Марѳы, и, быстро прильнувъ къ забору, передаетъ она старому вѣрному дворецкому все, что сказать, что отнести отъ нея дѣтямъ, мужу.

Сергѣичъ клятвой великой поклялся, что доберется до монастыря, гдѣ находится Филаретъ, дойдетъ до заточеннаго инока.

Зимнія сумерки падаютъ, сгущаются незамѣтно. Пора уходить Сергѣичу. Сейчасъ къ ночи вернется изъ лѣса народъ.

Быстро срываетъ Марѳа гайтанъ съ тѣльникомъ съ шеи, трепещущими руками разрываетъ его на двѣ части; на одномъ обрывкѣ гайтана остается крестъ, на другомъ ладонка съ мощами и кипарисовая иконка малая.

— Вотъ, Сергѣичъ... Ладонку и иконку отнеси дѣткамъ, ежели Господь приведетъ дойти до нихъ, а тѣльникъ супругу моему, иноку Филарету, коли Богъ поможетъ, передай,—протягивая реликвіи вѣрному слугѣ, проронила она.

— И скажи имъ, что денно и нощно тоскую по нимъ, родимымъ...—добавляетъ она, впервые со дня заточенья роняя слезы...

□ □ □

Въ то же самое время на глухомъ и пустынномъ островѣ, образованномъ рѣкой Сіей и озерами, въ скромной, пустынной, темной кельѣ Антоніевой обители, низко склонившись надъ столомъ, сидѣлъ высокій, величавый инокъ, прислушиваясь къ стонамъ кружившей вокругъ обители зимней вьюги.

Никто бы не узналъ въ этомъ преждевременно осунувшемся посѣдѣвшемъ старцѣ недавняго щеголеватаго, моложаваго красавца, старшаго Никитича. Горе, печаль, незаслуженная обида—все это, вмѣстѣ взятое, провело глубокія борозды по его лицу. Засеребрилась отросшая борода, ввалились, глубже ушли въ орбиты соколиныя очи...

Съ утра до ночи просиживаетъ такъ Филаретъ Никитичъ, прислушиваясь къ вою вѣтра и свисту мятелицы... Холодно и неуютно въ его пустынной, глухой тюрьмѣ-кельѣ. Нѣтъ никуда выхода отсюда, только въ церковь, гдѣ стоитъ онъ на клиросѣ часы обѣдни, всенощныя и заутрени, отдѣленный отъ братіи Антоніево-Сійской обители...

Отойдетъ церковная служба и снова въ келью-тюрьму прослѣдуетъ старецъ. И безконечно тянутся дни и безсонныя ночи... Невѣдѣніе томитъ и жметъ наболѣвшую душу...

Иногда отчаяніе и горе темною мутью затопляютъ сердце... Вскакиваетъ съ мѣста старецъ, и высокая фигура его мечется по крошечной кельѣ... Потомъ бросается къ божницѣ и молится до разсвѣта, всю долгую ночь...

Но лишь только заслышатся его шаги, измѣряющіе келью, къ дверямъ узника приникаетъ жаднымъ ухомъ приставъ Богданъ Воейковъ и напряженно слушаетъ стоны и возгласы, рвущіеся изъ груди Филарета.

И чаще всего отчаянный шопотъ инока доносится до ушей его стража:

— Милыя мои дѣтки, маленькія, бѣдныя остались!

Кому ихъ кормить и поить? А жена моя бѣдная, жива-ль? Гдѣ-то она? Чаю, туда ее замчали, что и слухъ не зайдетъ! Мнѣ-то ужъ что надобно?.. То мнѣ и лихо, что жена и дѣти... Какъ вспомнишь ихъ, такъ словно кто рогатиной въ сердце ударитъ...

И глухимъ воплемъ отчаянія заканчиваются эти рѣчи боярина-инока, обездоленнаго судьбой.

Наслушавшись ихъ, приставъ Воейковъ шлетъ донесенія царю Борису въ Москву и ждетъ новыхъ указовъ на долю узника.

Тамъ въ Москвѣ, между тѣмъ, событія мчатся съ потрясающей быстротой.

Послѣ знойнаго, горячаго лѣта 1601 года, какого еще не помнили московскіе люди на своемъ вѣку, начались сильные недороды. Зной высушилъ нивы, не уродился хлѣбъ, и жуткій гость пошелъ навѣщать русскіе города, села и деревни. Страшный гость—голодъ—постучался и проникъ за самыя стѣны Москвы. Блѣдные, изможденные, исхудалые люди тѣнями бродили повсюду, тщетно ожидая откуда-нибудь помощи. Но проходили дни за днями, проходили мѣсяцы — и положеніе оставалось все одно и то же.

Вопли и жалобы проникли и въ царскіе терема.

Царь Борисъ приказалъ для всей Руси Великой раздавать ежедневно въ Москвѣ деньги голодающимъ. Быстрѣе молніи разнеслась объ этомъ крылатая вѣсть по всему государству. И со всей земли русской хлынулъ въ столицу голодный народъ.

Москва наполнилась голодными. Хлѣба и денегъ не хватало для раздачи. Люди умирали на улицахъ отъ голода, истощенія. Повальныя болѣзни свирѣпствовали въ Москвѣ. Люди гибли безъ числа и счета.

А суровая зима сулила уже и новый неурожай.

— Кара Божія!—шептали тишкомъ и „на верху“ и въ народѣ.

— Кара Божія!—волновалась чернь.

Борисъ лучше другихъ чувствовалъ это.

Народныя бѣдствія переплелись у него съ семейнымъ горемъ. Умеръ датскій королевичъ Яганъ, женихъ дочери, царевны Ксеніи. А для чадолюбиваго царя это было большимъ ударомъ. И впереди ждалъ его еще новый, вдесятеро горшій ударъ, вдесятеро сильнѣйшій: за предѣлами Руси, на Литовскомъ рубежѣ, внезапно вспыхнуло и загорѣлось странное и дикое событіе: воскресъ изъ мертвыхъ царевичъ Дмитрій Углицкій...

Воскресъ или, вѣрнѣе, не умиралъ онъ вовсе. Въ Угличѣ, оказалось, былъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ зарѣзанъ поповскій сынъ вмѣсто маленькаго Дмитрія. Царевича же укрыли отъ убійцъ добрые люди. И теперь, выросшій, возмужавшій, онъ, очутившись въ Литвѣ и заручившись сочувствіемъ польской знати, грознымъ призракомъ грядущаго несчастья являлся царю Борису.

Смутно доходили до высотъ Московскаго Кремля темные слухи изъ Литвы о дерзкомъ юношѣ, назвавшемся царевичемъ Дмитріемъ, спасеннымъ чудомъ. И слухи эти тревожили царя Бориса, лишали его спокойствія, страшили безмѣрно. Кто бы ни былъ тотъ юноша, настоящій ли царевичъ или наглый, предпріимчивый самозванецъ,—онъ былъ одинаково жутокъ для Годунова. Горести народныя, голодъ, моръ, постоянныя расправы на сыскахъ съ лучшими людьми, любимцами народными, какими являлись Романовы, Репнины, Черкасскіе,—все это говорило не въ пользу царя Бориса и угнетало, и волновало его народъ.

— Кара Божія!—неслось гулкимъ прибоемъ по Руси, и этотъ слухъ - прибой разбивался какъ разъ у самаго подножія Кремля Московскаго.

Чтобы хоть сколько-нибудь примирить народъ съ собою, Борисъ богатыми милостями и льготами ста-

рался загладить этотъ неудачный періодъ своего царствованія. И въ то же время новое рѣшеніе о бо́льшей еще милости, въ виду надвигавшагося изъ Литвы бѣдствія, назрѣвало въ его душѣ.

III.

Цѣлый годъ проползъ тягучею, безконечною чредою томительныхъ дней для Мурьинскихъ опальныхъ.

Стоялъ ясный, погожій денекъ короткой сѣверной осени. Рѣдкое въ этомъ пасмурномъ краю солнышко выглянуло нынче какъ-то особенно радостно и весело.

— Вставайте, подымайтесь, лежебоки, — будила рано поутру проснувшаяся Настя своихъ маленькихъ племянниковъ.—Радость вамъ несу! Небось, какъ услышите, сердешки запрыгаютъ, заликуютъ.

Таня и Миша, заспанные и удивленные веселымъ настроеніемъ ихъ молоденькой тетки, вскочили съ лавки и уставились на нее вытаращенными глазенками. Таня, очень выросшая за этотъ годъ, вопросительно и серьезно глянула въ лицо Насти.

— Какая тамъ радость! Чего ужъ! Дядѣ Борису неможется, тетка Марѳуша съ ногъ сбилась,—тономъ взрослой произнесла со вздохомъ дѣвочка, машинально перебирая свою русую косичку.

— Анъ, глянь-ка, смѣется Настюша!—весело проговорилъ Миша.—Знать, и впрямь радость буде.

И каріе глазенки мальчика заблестѣли, загорѣлись огонькомъ оживленія.

— Ай да, Мишенька, люблю за догадку,—разсмѣялась Настя и шутя взъерошила кудрявую головенку мальчика.— Инъ, правду говоритъ ваша Настя, дѣтки. Нынче нашъ Змѣй Горынычъ, приставъ, въ Бѣлоозерскую обитель уплылъ. Мурьинскіе сказывали. Стало быть, мы одни, безъ присмотра, въ лѣсъ за грибами махнемъ... Цѣлое лукошко насбираемъ, дядѣ недужному съ теткою... похлебку сготовимъ знатную, только чуръ не уставать, да отъ Насти не убѣгать далече... А то не возьму!—и, строго грозя пальцемъ, она сдѣлала суровое лицо.

Но это суровое лицо не подѣйствовало на дѣтей нимало. Съ веселымъ визгомъ бросились они на шею молоденькой теткѣ.

— Въ лѣсъ за грибами! Въ лѣсъ за грибами веди насъ, Настюшка!—лепетали они звонкими голосами.

— И то, уведи ихъ нонче погулять на волѣ, Настюша. Князю Борису дюже неможется, всю головушку съ безсонья разломило. Авось, покуда погуляете, ему и полегчаетъ въ тиши-то,—вставила свое слово княгиня Марѳа.

Но Настѣ совѣтовать было нечего. Быстро одѣла она обоихъ дѣтей въ ихъ убогія старенькія одежды, ничуть не отличающіяся по виду отъ одежды крестьянскихъ ребятъ, взяла лукошко, сама повязалась платкомъ, какъ Мурьинская рыбачка, и въ своей ветхой, во многихъ мѣстахъ заплатанной тѣлогрѣйкѣ направилась изъ дома, захвативъ дѣтей.

— Къ полднику не ждите! Не помремъ съ голоду, три краюхи съ собой взяла! — весело крикнула она съ крылечка старшей сестрѣ.

Княгиня Марѳа Никитична долго еще стояла у порога, глядя вслѣдъ удалявшейся Настѣ и дѣтямъ.

— Пускай порадуются хошь сегодня, погуляютъ на

волѣ, пока приставъ, злодѣй нашъ, въ отлучкѣ. Пускай безъ дозора пробудутъ хошь единый денекъ! Не легко имъ, бѣднягамъ, живется!—и, смахнувъ предательски набѣжавшую слезинку, она поспѣшила назадъ въ избу къ больному, осунувшемуся и глухо кашлявшему князю Борису.

Дѣти и Настя, весело напѣвая какую-то пѣсенку, входили въ лѣсъ. Все складывалось такъ ладно сегодня: и приставъ въ отлучкѣ, и солнышко свѣтитъ, словно лѣтомъ, и грибовъ послѣ намеднишнихъ дождей должно подняться видимо-невидимо. Зоркіе глазенки Миши прежде всѣхъ примѣтили головку боровика.

— Грибъ нашелъ! Настюша, Танюшка, глядите! Я нашелъ, я нашелъ!—весело крикнулъ Миша, бросившись къ алѣвшему среди опавшихъ осеннихъ листьевъ грибу.

— Анъ, и я вижу, и я!—и Таня кинулась опрометью въ другую сторону.

— Дѣтки! Дѣтки! Далече не забѣгайте только... Да почаще аукайтесь... Не приведи Господь, заблудитесь еще!—наказывала имъ строго-настрого Настя.

Сама она опустилась на пень срубленнаго дерева и глубоко задумалась. Теперь все радостное оживленіе сразу покинуло дѣвушку. Сейчасъ, когда никто не видѣлъ ея, когда она находилась наединѣ съ природой, Настя могла быть такой, какой дѣлала ее горькая судьба, сейчасъ вся веселость дѣвушки, такъ ободрявшая всегда бѣдныхъ опальныхъ, исчезла мгновенно.

— Братецъ Ѳедя! Братецъ Ѳедя любимый! Миша, Вася, Алексаша и Ванюшка! Родимые! Бѣдные!—зашептала она, сжимая на груди руки и помутившимися отъ горя глазами глядя вдаль.

Отъ навѣдавшагося къ нимъ во второй разъ, передъ Ильинымъ днемъ, Сергѣича узнали Мурьинскіе заключенные печальныя вѣсти. Узнали, что недолго томился въ Нарымскомъ краю закованный по рукамъ и ногамъ въ пудовые кандалы младшій Никитичъ, Михаилъ,

спрятанный въ глухомъ лѣсу, въ землянкѣ безъ дверей и оконъ. Приставъ Тушинъ, примчавшій его въ Нарымскіе лѣса, съ помощниками, соскучившись сторожить узника, рѣшилъ заморить его голодной смертью. А на Москву отписалъ царю Борису, что Михаилъ Никитичъ своею волей преставился.

Уморили и второго брата—Александра—въ Усолахъ, когда онъ хотѣлъ перебраться оттуда за рубежъ. Подлые раболѣпные слуги, желая подслужиться къ царю, задушили Александра, боясь его вторичнаго побѣга.

Ѳеодоръ Никитичъ томился въ Сійскѣ.

Разбитый параличомъ, Иванъ дышалъ на ладанъ. Василій Никитичъ тоже доживалъ свои дни.

Тяжело было на душѣ у Насти... Образы братьевъ-мучениковъ вставали передъ ея духовнымъ взоромъ... А тутъ еще печальная судьба дѣтокъ, оставленныхъ на ея рукахъ...—болѣющій своякъ, таявшій съ каждымъ днемъ, и всегда грустная, угнетенная сестра Марѳуша.

Она такъ погрузилась въ свои горькія думы, что не замѣтила, какъ Миша и Таня приблизились къ ней и, теребя ее за рукава тѣлогрѣи, оживленно и испуганно сообщали ей что-то.

— Ѣдутъ! Сюды ѣдутъ! Слыхать конскій бѣгъ! И ровно скрипъ каптаны!—наперегонку сообщали ей запыхавшіяся дѣти.

— Кто ѣдетъ? Кто ѣдетъ?—такъ и всколыхнулась Настя. И вскочивъ съ пня, обхватила руками обоихъ дѣтей и прижала ихъ къ себѣ, заранѣе готовая защищать ихъ отъ всякой напасти. Всколыхнулось сердце дѣвушки... Что добраго могли ожидать бѣдные изгнанники отъ своей суровой судьбы? Напрягая слухъ и зрѣніе, Настя впилась взоромъ по тому направленію, гдѣ шла узкая, кочковая лѣсная дорога.

Не ошиблись дѣти. Не обманулъ ихъ слухъ. Лошадиныя подковы все звончѣе и яснѣе ударяли о лѣсныя

кочки, и тяжелый грохотъ каптаны, казалось, заполнялъ весь лѣсъ.

Вотъ послышались ржаніе и пофыркиваніе измученныхъ коней... Вотъ выглянула сквозь пожелтѣвшую зелень лиственницъ и зеленыя иглы хвои лошадиная голова... За ней другая... И съ громкимъ скрипомъ и уханьемъ вылѣзла изъ чащи тяжелая громадная каптана. Два вершника сидѣли на коняхъ, запряженныхъ цугомъ. Рядомъ съ возницею помѣщался вооруженный стрѣлецъ. Въ окнѣ каптаны мелькнули два лица: одно старое, другое молодое.

Настя увидѣла сѣдую бороду незнакомаго боярина, а рядомъ съ нимъ—щеголеватый кафтанъ и надвинутую на лобъ мурмолку, а подъ ней зоркія молодыя очи, свѣжее красивое лицо и кудрявые темные волосы.

Старый путникъ случайно глянулъ въ окно каптаны, замѣтилъ дѣвушку и дѣтей, велѣлъ остановиться и подозвалъ ихъ къ дверцѣ возка.

Смущенно приблизилась къ нимъ Настя.

— Не вѣдаешь ли, красавица, какъ ближе пробраться къ Мурьинскому погосту?—спросилъ сѣдой важный боринъ, выглядывая изъ оконца.

Миша и Таня, прижавшись другъ къ другу, во всѣ глаза смотрѣли на Богъ вѣсть откуда взявшихся знатныхъ путниковъ. Здѣсь, въ этой глуши, они въ продолженіе цѣлаго года не встрѣчали никого, кромѣ скупщиковъ рыбы да дичи, изрѣдка наѣзжавшихъ въ этотъ пустынный край.

Настя, смущенная не меньше дѣтей, принудила себя отвѣтить.

— За тѣмъ вотъ поворотомъ упретесь въ поселокъ... А вамъ кого надо тамъ?

Старикъ важно глянулъ на дѣвушку и не отвѣтилъ ни слова.

Но молодой спутникъ, пристально взглянувъ въ вспых-

нувшее отъ ожиданія дѣвичье прекрасное личико, поторопился отвѣтить:

— Къ опальному князю Черкасскому мы съ указомъ отъ Великаго Государя.

— Съ указомъ отъ Великаго Государя!—эхомъ откликнулась дѣвушка и, какъ подстрѣленная птица, опустилась на пень.

Въ окнѣ мелькнуло еще разъ молодое встревоженное лицо... Черные глаза участливо скользнули по помертвѣвшему личику... Но старшій спутникъ далъ знакъ, и каптана тронулась съ мѣста.

Полуживая отъ волненія, Настя снова обняла и тѣсно прижала къ себѣ обоихъ дѣтей.

Государевъ указъ! Указъ жестокаго Бориса! Какую гибель сулилъ онъ имъ всѣмъ снова теперь?

□ □ □

Но недолго оставалась въ смятеніи Настя.

— Танюша, Михаилушка!—быстро заговорила она,—слыхали? Съ новымъ указомъ къ намъ бояре пожаловали!

— Чай не маленькіе, поняли, что говорилъ сейчасъ невѣдомый человѣкъ.

Таня и Миша молча смотрѣли въ лицо тетки. Сердечки ихъ бились. Забыты были и лѣсныя радости, и грибная потѣха, и веселая прогулка въ лѣсу.

— Домой! Домой скорѣе, Настя!—смущенно лепетали они.

— Домой, понятно!—вскакивая съ мѣста, произнесла Настя. И глаза ея недобро сверкнули.—Надо-жъ довѣдаться о новыхъ милостяхъ Бориса-царя,—прибавила она съ горечью.

И они всѣ трое пустились въ путь.

Когда дѣвушка съ дѣтьми появилась въ опальной избушкѣ, странное зрѣлище представилось ихъ глазамъ.

Князь Борисъ, чуть державшійся на ногахъ, находился

посреди избы, съ просвѣтленнымъ до неузнаваемости лицомъ, исхудалымъ, болѣзненнымъ, но счастливымъ, держась за край стола трясущеюся рукой.

Княгиня Марѳа Никитична лежала распростертая, рыдающая передъ божницей.

Старый сѣдой боярин съ государевымъ указомъ стоялъ въ высокой боярской шапкѣ, въ дорожномъ охабнѣ тутъ же, а его молодой спутникъ въ кафтанѣ царскаго стольника нѣсколько поодаль отъ него.

Едва только появились дѣти и Настя на порогѣ избы, какъ княгиня, сердцемъ почуявшая ихъ близость, вскочила на ноги съ быстротою дѣвочки и кинулась къ нимъ.

— Настюша! Танюшка! Дѣтки милыя! Богу молитесь! Его благодарите! Миновала насъ чаша страданій нашихъ... Сохранилъ Господь... Великій Государь облегчилъ нашу участь... Вотчину нашу родовую Костромскую вернулъ, село Клоны родимые... Туды насъ пересылаютъ всѣхъ... Тамъ отнынѣ и жить будемъ... Черезъ день, другой туды съ бояриномъ да съ господиномъ стольникомъ выѣзжать велѣно... О Господи, Царица Небесная! Отмолила, вымолила Тебя!

И снова княгиня Марѳа распростерлась передъ иконою, рыдая навзрыдъ отъ счастья.

Князь Борисъ и Настя сдержанно переглянулись между собой.

„Великій Государь облегчилъ участь! Прислалъ милость! Это имъ-то, невиннымъ, облегчилъ! Безъ вины виноватыхъ помиловалъ!“ — Мелькнула одновременно одна и та же мысль и въ юной головкѣ Насти, и въ умудренной житейскимъ опытомъ сѣдѣющей головѣ князя. И горькая усмѣшка тронула ихъ губы.

Настя опустила глаза, чтобы никто не увидѣлъ крупныхъ слезинокъ, навернувшихся на нихъ.

Тишина воцарилась въ горницѣ. И среди этой ти-

шины звонкимъ колокольчикомъ прозвучалъ дѣтскій трепетный голосокъ.

— А матушка съ батюшкой? Они поѣдутъ ли? Безъ нихъ нешто можно?

Всѣ присутствовавшіе невольно оглянулись на шестилѣтняго кудряваго мальчика, изъ груди котораго вырвались эти слова.

Каріе глазенки Миши смотрѣли, пытливо и зорко оглядывая старшихъ. И вся душа нѣжнаго, чуткаго мальчика, похожая на рѣдкій душистый цвѣтокъ, переселилась, казалось, въ эти каріе глазки. Но никто не могъ ничего отвѣтить. Никто ничего не зналъ. И русая кудрявая головка склонилась на плечо младшей тетки, и нѣжный голосъ зашепталъ Настѣ на ушко:

— Безъ матушки никуда не хочу... Инъ, говорилъ Сергѣичъ, что на Заонежьѣ матушка! Неужто-жъ тамъ ей оставаться, когда насъ домой, въ наши вотчины, примчатъ?.. Не поѣду я никуда безъ матушки,—еще разъ рѣшительно заявилъ мальчикъ.

Казалось, судьба подслушала горячее желаніе любящаго дѣтскаго сердечка. Радость никогда, какъ и горе не приходитъ одна: за первой слѣдуетъ неотступно вторая и наоборотъ.

И теперь новая радость заглянула въ избушку опальныхъ.

Долго въ этотъ вечеръ не ложились они. Старый бояринъ-посолъ съ молодымъ стольникомъ давно ушли ужинать и ночевать въ домъ Мурьинскаго священника, а тѣсная маленькая семья все еще не могла разойтись по своимъ угламъ, не въ силахъ будучи успокоиться послѣ полученной новой и важной вѣсти. Дѣти давно спали, а князь съ княгиней и Настей все еще тихо совѣщались по поводу предстоявшаго имъ новаго житья-бытья.

□ □ □

Крѣпко уснулъ въ эту ночь маленькій Миша... Сладкія грезы снились ему...

Снова чудилось мальчику, будто находится онъ въ далекихъ Клонахъ, куда не разъ возили дѣтей изъ вотчины ближайшаго уѣзда, родового Домнина, лежащаго на Шачѣ-рѣкѣ. Чудится ему, какъ ходитъ съ сестрою молиться въ глухомъ лѣсномъ монастырѣ святого преподобнаго Тихона, находившемся въ 45 верстахъ отъ Клоновскаго селенія, дальней Романовской вотчины. И во снѣ, какъ наяву, предстали сейчасъ предъ мальчикомъ далекіе лѣсистые тихіе Клоны, небольшое село Суздальскаго уѣзда (нынѣшняго Юрьевскаго). Вотъ и хоромы Романовскія... Изба просторная, къ ней еще пристройка. А тамъ прудокъ заглохшій, съ дикими утками, по осени; а за подворьемъ лѣсъ, густой, тѣнистый, таинственный. Среди него дорога прямая къ обители. Съ другой стороны усадьбы—садъ, похожій на рощу, такъ онъ густъ и тѣнистъ. Вотъ и тропочка завѣтная, на ней дерновая лавка. Здѣсь пасѣка была раньше, и старый пасѣчникъ Демьянъ Мишеньку съ матерью да Танюшей частенько свѣжимъ медкомъ лакомилъ... А сейчасъ кто сидитъ на лавочкѣ? Кто дожидается Мишу, кто его рукой приманиваетъ?.. Узналъ онъ, довѣдался сразу... Заликовало дѣтское сердечко во снѣ! Это—матушка!

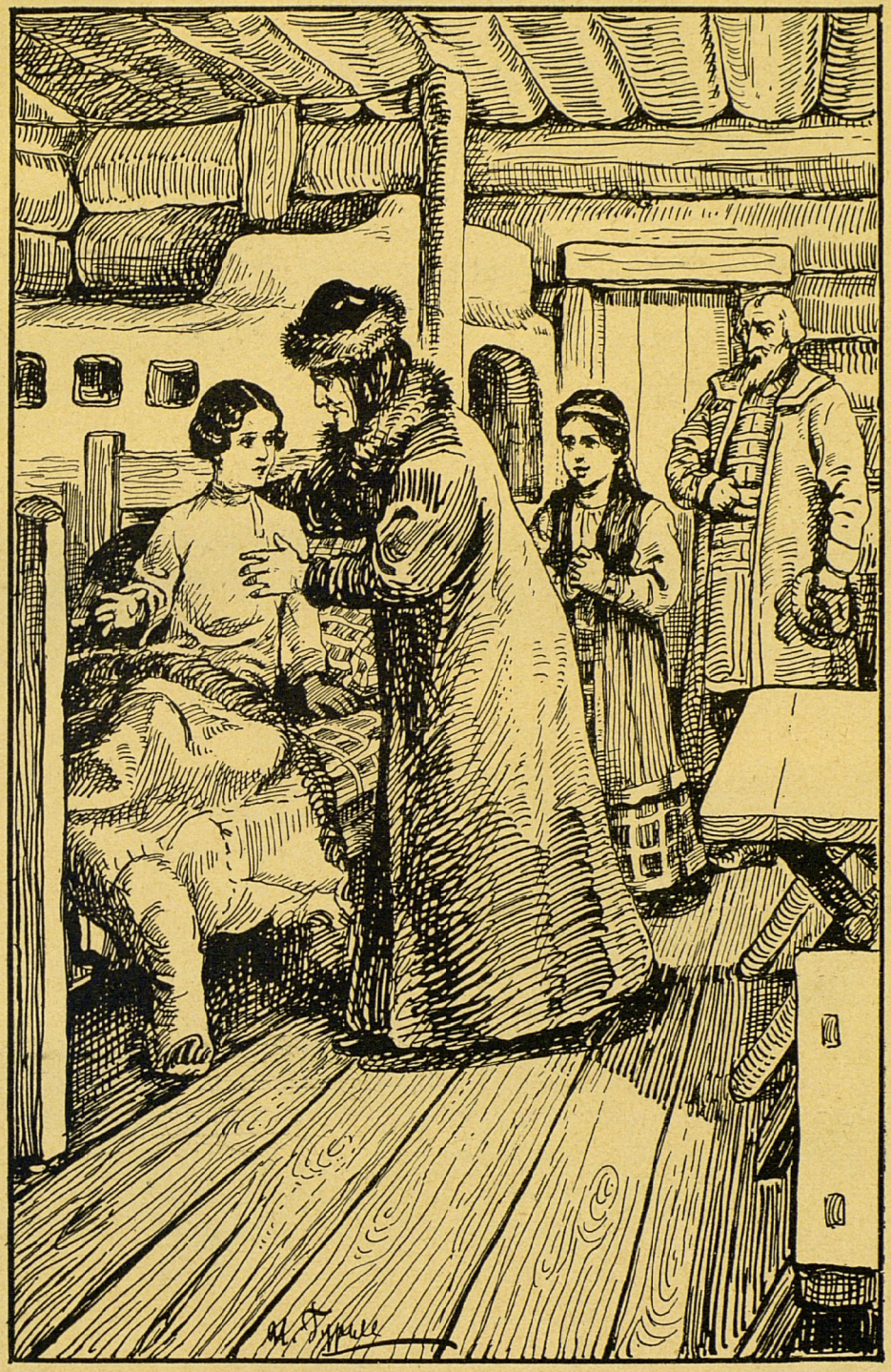
— Бѣгу, родимая, бѣгу!

Раскрываетъ ручонки Миша, запрокидываетъ головку и бросается во снѣ въ объятія матери...

Тѣсно обхватываютъ его отвѣтныя объятія, нѣжно прижимаютъ къ груди... Горячіе поцѣлуи милаго соннаго видѣнія безсчетно сыплются на голову, щечки, глазки и губки ребенка.

Горячи и нѣжны эти объятія. Крѣпки и сладки материнскіе поцѣлуи.

Просыпается, весь охваченный радостнымъ чувствомъ, Миша и боится открыть глаза: боится, что исчезнетъ



— Мишенька, голубчикъ ты мой...

Гос.
Публичная
Библиотека
в
Ленинграде

милое видѣніе, не будетъ матушки подлѣ въявь, какъ во снѣ, родной, любимой...

Вдругъ голосъ тетки Марѳы достигаетъ его ушей... За нимъ счастливый смѣхъ Насти и радостный крикъ Тани...

Недоумѣвая, открываетъ Миша сонные глазенки, все еще не переставая чувствовать себя въ чьихъ-то объятіяхъ.

Что это? Явь ли? Сонная ли греза?

Нѣжныя, милыя руки обвиваютъ его... Онъ лежитъ въ родимыхъ объятіяхъ... Надъ нимъ низко и любовно склоняется родимое, незабвенное лицо... А любящіе беззавѣтно глаза глядятъ не наглядятся на него въ промежуткѣ долгихъ и частыхъ поцѣлуевъ...

— Мишенька! Голубчикъ ты мой сизый! Любименькій мой!—слышится у его уха трепетный шопотъ.

— Матушка! — радостнымъ крикомъ вырывается у мальчика, и онъ повисаетъ на шеѣ инокини Марѳы, такъ неожиданно появившейся предъ нимъ...

Она это, она! Не обманетъ сыновнее сердце. Хоть исхудала, хоть измѣнилась за годъ заточенія и постарѣла до неузнаваемости боярыня, хоть и переродилъ ее этотъ смиренный иноческій нарядъ, но узнаетъ ее Миша, узнаетъ больше сердцемъ, чѣмъ глазами, это желанное, родное, изнуренное лицо, эти печальные, съ любовью глядящіе на него глаза, эти нѣжныя и сильныя объятія.

— Матушка! Матушка!—лепечетъ мальчикъ, задыхаясь отъ счастья.

Рано поутру приплыла она изъ Бѣлоозерской обители въ Мурьинскій погостъ. Изъ далекаго Толвуя доставили ее туда нѣсколько дней назадъ приставъ съ помощникомъ по указу царя Бориса. А Мурьинскій приставъ наканунѣ поплылъ за нею въ стругѣ къ обители.

Тяжелое одиночное заточеніе старицы кончалось съ этого дня. Ей указано было поселиться съ дѣтьми,

золовками и своякомъ въ Клонахъ. Ей послѣ долгаго, одиночнаго заключенія разрѣшено было снова соединиться съ родною семьею.

Для дальняго переѣзда въ Костромскую вотчину всей семьею и доставили сюда на Мурьинскій погостъ пристава осчастливленную старицу Марѳу.

Сонъ маленькаго Миши сбылся наяву.

IV.

ОТЪѢЗДЪ изъ Мурьина былъ назначенъ черезъ недѣлю. Тѣмъ временемъ чинили дорожную каптану, доставившую сюда больше года тому назадъ князя Черкасскаго съ семьею. Путь предстоялъ долгій и нелегкій. Ранніе осенніе заморозки портили дорогу. А тутъ еще недужный князь Борисъ совсѣмъ свалился съ ногъ и быстро таялъ съ каждымъ часомъ. Не прошло и нѣсколькихъ дней со дня пріѣзда старицы, какъ своякъ ея отдалъ Богу душу. Раздавленная, смятая отчаяніемъ княгиня Марѳа Черкасская не осушала слезъ. Князь былъ добрый, хорошій человѣкъ, и весь Мурьинскій погостъ съ искреннею печалью оплакивалъ умершаго. Его похоронили возлѣ церкви и стали спѣшно собираться въ дорогу. Старый бояринъ-посолъ, присланный изъ Москвы, особенно поторапливалъ женщинъ. „До Покрова на мѣстѣ быть надо. Такъ отъ царя указано!“— сурово настаивалъ онъ.

Молодой спутникъ его за это короткое время тѣсно сблизился съ опальной семьей, дѣятельно помогалъ хоронить князя Бориса, собираться въ дальній путь женщи-

намъ и дѣтямъ. Помогалъ онъ и красавицѣ Настѣ нянчиться съ ея маленькими племянниками.

Здѣсь, вдали отъ Москвы, молодой дѣвушкѣ не приходилось вести жизнь московскихъ боярышень-затворницъ, скрывавшихся отъ людей. И дружба ея съ молодымъ княземъ Кофыревымъ-Ростовскимъ крѣпла съ каждымъ днемъ, съ каждымъ часомъ.

Взявъ дѣтей, они уходили въ лѣсъ и на озеро, въ то время какъ двѣ боярыни, двѣ Маѳы, одна опальная княгиня, другая постриженная инокиня, обѣ потерявшія такъ или иначе мужей, вели нескончаемыя, печальныя бесѣды.

Молодой князь Никита Ивановичъ любовно слѣдилъ за дѣтьми. Особенно полюбился ему Миша. У князя въ Москвѣ былъ младшій братъ, тоже Михаилъ, ходившій въ стольникахъ при царѣ, — юноша лѣтъ шестнадцати. И часто-часто разсказывалъ Настѣ и дѣтямъ молодой князь объ этомъ юношѣ, своемъ братишкѣ, въ которомъ самъ онъ не чаялъ души.

Еще чаще ходили всѣ вмѣстѣ на могилу князя Бориса. Горячо и пламенно молилась тамъ Настя. Забывъ весь міръ, упавъ на могильный холмикъ, просила она усопшаго родственника вымолить у Престола Всевышняго счастливую долю ея ненаглядным Танѣ и Мишѣ. Хороша была и трогательна въ такія минуты Настя между двухъ притихшихъ подлѣ нея ребятокъ-племянниковъ. Вся одухотворенная молитвою, она не замѣчала, не видѣла пары молодыхъ глазъ, впивавшихся въ нее съ неподдѣльнымъ восторгомъ. А черные глаза князя Никиты, не отрываясь, любовались въ такія минуты этой самоотверженной и прекрасной дѣвушкой.

Наконецъ, насталъ день отъѣзда.

Послѣ напутственнаго молебна, подъ горячія пожеланія всего Мурьинскаго погоста, двѣ тяжелыя громыхающія каптаны выкатились изъ селенія. Въ передней

сидѣли московскіе послы, въ задней — двѣ боярыни, Настя и дѣти.

Густыми темными Мурьинскими лѣсами шелъ ихъ путь на Кострому. Останавливались для отдыха лошадей и для ночевокъ. И всякій разъ на остановкахъ появлялось у окна каптаны молодое, ласковое лицо князя Никиты. Онъ протягивалъ руки, высаживалъ дѣтей изъ каптаны и возился съ ними, пока отпрягали и кормили лошадей.

И Настя не могла не чувствовать отвѣтной ласки и благодарности къ юношѣ за его участіе къ ея любимцамъ.

Чѣмъ ближе подходилъ конецъ ихъ пути, тѣмъ тѣснѣе росла и крѣпла эта дружба.

А темные лѣса между тѣмъ рѣдѣли. Рѣже попадались хвойныя деревья, чаще—лиственница. Бѣлые стволы березокъ южнѣе замѣнялись тополями и липами, опушенными бѣлымъ инеемъ.

Еще проползла и канула въ вѣчность новая недѣля.

Выѣхали на берегъ Волги, тронутой первымъ тонкимъ сальцемъ — ледкомъ. Свернули въ сторону отъ ея берега и опять погрузились въ густые на этотъ разъ Костромскіе лѣса.

Въ 45 верстахъ отъ Клонъ остановились послѣднимъ приваломъ среди дремучаго лѣса у воротъ бѣдной, маленькой Тихоно-Луховской обители.

Засуетилась малочисленная братія убогаго лѣсного монастыря, высыпала навстрѣчу именитымъ опальнымъ.

Узнали иноки съ игумномъ прежнихъ жертвенниковъ-благодѣтелей, кинулись къ опальной боярынѣ и къ ея дѣтямъ.

А вечеромъ на всенощной съ особеннымъ стараніемъ выводилъ хоръ клирошанъ священныя стихиры и пѣснопѣнія, давая торжественное настроеніе горячо молящейся опальной семьѣ.

Съ печалью и невыразимымъ сочувствіемъ смотрѣла на эту семью вся обительская братія, сливая свои молитвы съ молитвами опальныхъ бояръ...

□ □ □

Такъ вотъ они Клоны!

Чудесно пріютилось среди Суздальскихъ лѣсовъ глухое, мало обитаемое мѣстечко. Небольшое село раскинулось на опушкѣ лѣса, обведенное кольцомъ непроходимыхъ чащей. За селомъ—рѣчонка съ мельницей, а подаль—дворъ съ избушкою и крошечной второй пристройкою для службъ. Высокій частоколъ поднимается наравнѣ съ крышей. У воротъ ждутъ двое людей. Ждутъ прибытія хозяевъ.

Къ сумеркамъ только показываются изъ лѣса двѣ дорожныя боярскія каптаны.

Высокій старикъ поднимается съ заваленки и, приставивъ руку къ глазамъ, по привычкѣ скорѣе, нежели отъ солнца, потому что октябрьское солнце давно нынче перестало свѣтить и ушло на покой, пристальными и зоркими глазами всматривается вдаль.

— Никакъ ѣдутъ, Сергѣичъ, наши-то... Говорю, ѣдутъ!—сорвалось у него, и, скинувъ шапку, онъ стремительно бросился впередъ, съ несвойственной его почтенному возрасту быстротою.

— И то, наши! Слава Тѣ, Господи! Привезли нашихъ бояръ! Стой, стой, Иванушка, и я за тобою!—отозвался счастливымъ голосомъ его собесѣдникъ, весь исполненный несказанной радости.

И оба старика быстро, какъ юноши, живо зашагали навстрѣчу каптанамъ.

— Боярыня-матушка, государыня Марѳа Ивановна! Слава Тѣ, Господи! Дождалися!.. Княгинюшка-боярыня! Боярышня Настасья Никитична, боярчата мои ласковые!—плача и смѣясь, лепеталъ Сергѣичъ, бросаясь въ ноги пріѣхавшимъ хозяевамъ.

— Какъ ты здѣсь очутился, старина! А мы и не чаяли кого изъ своихъ встрѣтить!—радостно лепетали дѣти, бросаясь въ объятія любимаго дворецкаго.

— Отъ самого Ивана Михайловича Годунова, царева кравчаго, супруга нашей боярыни Ирины Никитичны, дознался о пріѣздѣ вашемъ сюды, о смягченіи участи вамъ, ангеламъ невиннымъ... И поспѣшилъ, да по дорогѣ въ сосѣдній уѣздъ, въ Домнино село заглянулъ, кума свово Ивана Сусанина, домнинскаго старосту твоихъ, государыня-боярыня Марѳа Ивановна, вотчинъ упредилъ... Просилъ меня старикъ съ вами, хозяевами своими, привести повидаться... Вотъ и приплелся сюды со мною, челомъ тебѣ съ дѣтками да сестрицами ударить, курями да яичками, да творожкомъ деревенскимъ... Всѣ запасы въ хоромахъ остались. Просимъ милости отдохнуть съ дорожки далекой,—тараторилъ Сергѣичъ въ то время, какъ другой старикъ, величавой и открытой наружности, съ честными, необычайно добрыми глазами, низко кланялся, стоя безъ шапки передъ опальной семьей.

Марѳа Ивановна съ перваго же взгляда узнала своего прежняго слугу, домнинскаго старосту Ивана, по прозвищу Сусанина. Онъ не разъ наѣзжалъ въ Москву на Романовское подворье съ оброкомъ для своихъ бояръ, и всѣ Романовы отличали и ласкали этого преданнаго имъ, вѣрнаго слугу.

Теперь, когда село Домнино съ окрестными деревнями и поселками, доходившими числомъ до пятидесяти въ Шачебольскомъ стану на Шачѣ рѣкѣ, были отписаны на царя Бориса, и такимъ образомъ старый Сусанинъ не являлся уже Романовскимъ слугою, все же его преданность и вѣрность прежнимъ господамъ горячо отозвались на опальной семьѣ.

Растроганная этимъ проявленіемъ преданности, Марѳа Ивановна со слезами благодарила старика, а дѣти повисли у него на шеѣ.

— Спасибо тебѣ, Иванушка, вѣкъ не забуду ласки твоей! — прошептала боярыня-старица и, смахнувъ слезу, первая вошла въ свои скромныя, почти бѣдныя Клоновскія хоромы, такъ мало похожія на прежнія жилища бояръ Романовыхъ на Москвѣ и въ Домнинской вотчинѣ, гдѣ они иной разъ проводили лѣтнее время.

Но дѣтямъ и Настѣ послѣ годового Мурьинскаго заточенія показался земнымъ раемъ этотъ уголокъ.

Кругомъ шумѣли не чужіе, а родные лѣса... Родное, свое село, раскинулось по косогору... Свои крестьяне съ хлѣбомъ и солью тѣснились сейчасъ у крыльца, узнавъ о возвращеніи бояръ.

И невольно охватывала радость бѣдныхъ ссыльныхъ, что они, какъ-ни-какъ, а дома. Танѣ и Мишѣ особенно уютной и желанной показалась скромная изба, гдѣ, благодаря заботамъ Сергѣича и Сусанина, все блестѣло и сверкало чистотою, теплились лампады въ углу, чистые полавочники покрывали лавки, узорчатая камчатная скатерть лежала на столѣ, на которомъ красовался обильный ужинъ—приношеніе Сусанина и другихъ крестьянъ.

Теперь новая надежда закралась въ сердце ребятишекъ, при видѣ всѣхъ этихъ превратностей судьбы.

— Отпустили матушку, можетъ статься, вернутъ и тятю!—нѣсколько разъ высказывали свои надежды другъ другу дѣти.—Настюшка, а Настюшка, можетъ ли статься это?—обращались они то и дѣло къ молоденькой теткѣ, съ которой привыкли совѣтоваться и совѣщаться во всемъ.

Но та только печально покачивала головкой. Что она могла имъ отвѣтить? Чѣмъ могла обнадежить этихъ бѣдныхъ полусиротокъ при живомъ отцѣ-заточникѣ?

□ □ □

— Прости, боярышня! Назавтра мой бояринъ отъѣздъ въ Москву назначилъ... Не поминай лихомъ, Настасья Никитична, — говорилъ трепетнымъ голосомъ молодой

князь Кофыревъ-Ростовскій черезъ нѣсколько дней по пріѣздѣ въ Клоновскую усадьбу.

Въ тепломъ охабнѣ, найденномъ въ кладовыхъ Клоновской избушки вмѣстѣ съ прочими вещами изъ остатковъ Романовскаго имущества, уцѣлѣвшаго здѣсь случайно, въ отороченной мѣхомъ теплой шапкѣ, Настя, пользуясь короткими осенними сумерками, вышла погулять за ворота съ дѣтьми.

Вѣрный Сергѣичъ плелся за ними въ нѣкоторомъ отдаленьи, не выпуская изъ виду своихъ юныхъ господъ.

Князь Никита, встрѣтивъ у околицы Настю съ племянниками, остановился перемолвиться съ ними словомъ.

— Назавтра уѣзжаемъ отселѣ! Прости, боярышня!— съ невыразимой грустью повторилъ еще разъ молодой стольникъ.

„Назавтра уѣзжаемъ!“

Эти слова, какъ громомъ, сразили Настю.

Она такъ привыкла за послѣднее время къ присутствію молодого человѣка, такъ привязалась къ нему, что мысль потерять его, такого добраго ко всей ея семьѣ и заботливаго, показалась ей дикой и невѣроятной.

Потупивъ глаза въ землю, стояла она передъ юношей, крѣпко ухвативъ за руки Таню и Мишу, словно ища въ нихъ силы и опоры.

А дѣти, сами встревоженныя предстоящей разлукой съ княземъ, къ которому привязались не меньше тетки, готовы были расплакаться при этомъ извѣстіи.

Съ захолонувшимъ сердцемъ стоялъ князь Никита, вглядываясь въ милое, потускнѣвшее лицо дѣвушки, полюбившейся ему въ первую же минуту ихъ встрѣчи тамъ за околицей далекаго Мурьинскаго селенія.

— Ужли и ей меня жалко? Ужли и она?...—въ смятеніи пробуждалась въ его душѣ радостная и сладкая догадка.

Вѣроятно, его волненіе передалось и Настѣ. Она взглянула на князя, потомъ быстро перевела глаза на дѣтей.

— Танюша, Мишенька, бѣгите къ Сергѣичу скорѣе, скажите ему, чтобы съ вами погулялъ, а мнѣ съ княземъ Никитой двумя словами перемолвиться надоть,— смущенно обратилась она къ племянникамъ.

Тѣ послушно повернули назадъ и кинулись вперегонки навстрѣчу бывшему дворецкому, теперь исполнявшему при нихъ обязанности дядьки.

Князь Никита и Настя остались одни.

Съ минуту дѣвушка молчала, захваченная волненіемъ.

Наконецъ, съ трудомъ заговорила, словно выдавливая изъ себя слова.

— Спасибо тебѣ, княже, за твою ласку къ дѣткамъ, да заботы о насъ, злосчастныхъ узникахъ. Кабы зналъ братъ Ѳедя, инокъ Филаретъ нынѣ, обо всемъ, что мы отъ тебя добраго видѣли, денно и нощно Бога бы молилъ за тебя... А мнѣ отплатить тебѣ нечѣмъ... Моя грѣшная молитва врядъ ли до Господа дойдетъ,—и съ этими словами Настя снова потупила въ землю глаза, наполнившіеся слезами.

Князь Никита вздрогнулъ.

— Господь съ тобою, Настасья Никитична, ты ли не праведница, коли дѣтокъ чужихъ подъ крылышко къ себѣ, ровно родная мать, приняла! Тебя-ль не возлюбилъ Господь, боярышня!

— Господь всѣхъ людей, всѣ творенья свои жалуетъ,—отвѣтила Настя,—а вотъ люди!.. Пошто они невинныхъ мучаютъ и томятъ?.. Братьевъ моихъ, сестеръ, племянниковъ и меня, ни въ чемъ неповинную, какъ и за что они нашу жизнь загубили?

Голосъ дѣвушки, произнося это, затрепеталъ и осѣкся. Слезы наполнили ея глаза.

Безконечнымъ порывомъ жалости охвачено было сердце князя Кофырева-Ростовскаго.

Онъ шагнулъ къ Настѣ, взялъ ее за руку...

— Настасья Никитична, голубушка... золотая... желанная... да нешто не видишь ты?.. Не чуешь развѣ, что голову за тебя сложить я хочу?.. Слово одно вымолви, всѣхъ злодѣевъ твоихъ, всѣхъ вороговъ семьи твоей уничтожить готовъ... На плаху за тебя пойду, какъ на пиръ званый... Настасья Никитична, добрая, ласковая... голубка сизокрылая, лапушка, неужто оттолкнешь меня?.. Неужто прочь прогонишь? Аль побрезгуешь, боярышня, родъ свой именитый старинный Романовскій на нашъ княжій Кофыро-Ростовскій промѣнять? Аль не любъ я тебѣ, чтобы замужъ за меня пойти, въ окруту?

Струйками лѣсного ручья, сладкими райскими пѣснями, нѣжнымъ дыханьемъ майскаго вѣтерка, вливались въ душу взволнованной Насти пламенныя рѣчи юноши. А въ ея сердцѣ зарождалось могучее чувство къ нему, къ этому прекрасному, благородному Никитѣ Ивановичу, который, не боясь царскаго гнѣва, не страшась ничего, смѣло предлагалъ себя въ мужья ей—опальной, ссыльной, разоренной боярышнѣ.

Такъ вотъ она какова любовь!—запѣло, ликуя, въ душѣ дѣвушки,—никакія преграды ей не страшны. На плаху, на самую гибель безъ оглядки онъ пойдетъ для нея!..

Радостная, просвѣтлѣвшая, подняла она на собесѣдника ласковыя очи и обдала его взоромъ, полнымъ отвѣтной любви.

А онъ уже снова говорилъ ей, трепещущей рукой сжимая ея руку.

— Какъ увидалъ тебя въ Мурьинскомъ лѣсу, испуганную, трепетную, въ крестьянской сѣрой одежѣ, такъ ты мое сердце и полонила сразу, такъ и рѣшила мою судьбу... Ахъ, Настасья Никитична, самъ вижу, нѣтъ безъ тебя

для меня доли... Не томи, желанная, родимая! Выходи за меня! Завтра же и веселье *) справимъ, до поста Рождественскаго на Москвѣ будемъ... А сейчасъ къ боярынѣ-инокинѣ веди меня. Гдѣ ужъ тутъ свахъ засылать, хороводиться... Повѣнчаемся въ обители Тихонской, и умчу тебя, голубку мою, въ Москву!

— Что? Что такое говоришь ты, княже?—спросила ошеломленная этими словами Настя.

Она словно отъ сна проснулась въ эту минуту... Провела рукой по лицу... Нѣсколько мгновеній она молча глядѣла въ землю... Затѣмъ, поблѣднѣвъ, заговорила прерывисто:

— Господь съ тобой! Господь съ тобой, князь Никита! Неладное ты затѣялъ о веселье и радости говорить, когда томятся въ заточеньи и умираютъ мои братья, а жена да дѣти Филарета мнѣ поручены, у меня на рукахъ... Не хочу лгать тебѣ, княже, полюбила и я тебя, за дѣтокъ сиротъ полюбила, за все, что ты сдѣлалъ для нихъ, за несчастную старицу-инокиню, ихъ мать, за все добро, за всю ласку твою... Но не видѣть тебѣ пока меня за собою... Нѣтъ, нѣтъ!.. Не буду я женой тебѣ до тѣхъ поръ, покуда не повернется судьба ссыльныхъ заточниковъ, покуда не получатъ дѣтки отца, покуда лучшія времена не наступятъ для Романовской семьи... Нѣтъ, нѣтъ!.. Не оставлю я ихъ, не стану искать счастья, пока они страдаютъ... Совѣсть меня заживо сгложетъ, княже, ежели покину я ради своей доли бѣдныхъ дѣтокъ да мученицъ-сестеръ...

Сказала, махнула рукой и пошла-было отъ взволнованнаго князя по направленію приближавшихся къ нимъ Сергѣича и дѣтей. И вдругъ, не выдержавъ, обернулась снова. Полнымъ любви и участія взоромъ окинула князя и прошептала чуть слышно:

---

*) Свадьба.

— А ты, ежели, сильна любовь твоя, княже, годы ждать меня станешь... И вѣрить будешь, что думаетъ о тебѣ и дни и ночи Настя и ждетъ лучшихъ деньковъ. И Господа Бога за тебя молитъ она и никогда, никогда не забудетъ тебя.

И улыбнувшись ему сквозь слезы невыразимо-кроткой, полной любви улыбкой, поспѣшила она навстрѣчу своимъ.

V.

Между тѣмъ съ невѣроятной быстротою чередовались событія на Руси.

Послѣ изнурительной жары лѣта 1601 года, породившихъ недороды, голодъ и моръ въ землѣ Московской, внезапно хлынули проливные дожди, погубившіе новые всходы. Три года длился ужасающій голодъ, сопровождавшійся повальнымъ моромъ, и никакія ухищренія царя Бориса не могли спасти уже отъ несчастья народъ.

А далекій, невѣдомый „царевичъ“ совершалъ въ это время медленно, но вѣрно на Литвѣ свое дерзкое и опасное дѣло. Богатые польскіе магнаты, во главѣ съ Константиномъ Вишневецкимъ, братомъ Адама Вишневецкаго, у котораго состоялъ на службѣ среди мелкой шляхты молодой проходимецъ, называвшій себя Димитріемъ, признали его. За ними призналъ и Юрій Мнишекъ, сандомірскій воевода, и значительная часть польской знати.

Въ роскошномъ замкѣ пана воеводы Мнишка давались теперь пиры въ честь Самозванца. Пиры смѣнялись охотами, охоты—балами. Сверкалъ милліардами огней нарядный Самборъ. Съ утра до ночи и съ ночи до утра

гремѣла музыка и били литавры, и очаровательныя паненки, во главѣ съ хозяйскою дочерью, Мариною Мнишекъ—солнцемъ Самбора, выступали въ плавномъ полонезѣ, или мчались въ лихой мазуркѣ, или въ огневомъ краковякѣ съ молодыми рыцарями Польши и Литвы. Бряцали шпоры, непринужденно лилась живая, польская рѣчь. Веселье било ключомъ. Но ни умопомрачительные наряды, ни сверкающіе драгоцѣнными каменьями уборы, ни роскошь польскихъ пировъ, ничто не могло сравниться съ тѣмъ ореоломъ намѣчавшейся въ недалекомъ будущемъ славы, которая ждала называвшагося царевичемъ Димитріемъ, и въ которую твердо вѣрили всѣ сторонники его. Счастливая звѣзда юноши всходила и загоралась ярко. Теперь уже вся Польша признала его. Магнаты и іезуиты обѣщали ему свою помощь. Цѣною принятаго въ тайнѣ католицизма (существуютъ толки, что Лжедимитрій перешелъ тайкомъ въ католичество) и обѣщаніемъ не препятствовать распространенію католической вѣры въ Московской землѣ, онъ пріобрѣтаетъ не меньше друзей въ средѣ іезуитовъ, нежели въ аристократической Польшѣ среди магнатовъ. Сандомірскій воевода сулитъ ему свою помощь и руку дочери-красавицы Марины, когда онъ воцарится на Московскомъ престолѣ.

Самъ король Сигизмундъ вызываетъ его въ Краковъ и тайно обѣщаетъ поддержку, назначивъ содержаніе новому царевичу русскому въ размѣрѣ 40 тысячъ злотыхъ. Сигизмунду выгодно посадить на престолъ Московскій своего приверженца, который будетъ охранять интересы Польши и Литвы. Въ Самборѣ набирается войско для Самозванца, навербовывается до 1600 человѣкъ изъ мелкой шляхты и разнаго сброда, жаднаго до наживы. Теперь уже не веселая бальная музыка, не веселье ключомъ бьетъ въ Самборѣ—здѣсь гремятъ сабли, слышно бряцанье оружіемъ и громъ боевыхъ трубъ... Отсюда собранный отрядъ выступаетъ къ рубежу... Здѣсь къ нему присоединяются московскіе

бѣглецы, донскіе казаки, украинцы. Отсюда въ возахъ съ хлѣбомъ пересылаются грамоты въ Москву съ извѣщеніемъ о томъ, что настоящій, прирожденный, царевичъ Димитрій идетъ добывать прародительскій престолъ, безжалостно отнятый у него Борисомъ.

Поздно осенью Самозванецъ, перейдя Днѣпръ, вступаетъ въ русскіе предѣлы. Отсюда скачетъ гонецъ въ Москву съ письмомъ къ царю Борису. Лжедимитрій убѣждаетъ въ немъ Годунова оставить добровольно престолъ, сулитъ ему прощеніе, помилованіе. И тутъ же даетъ обѣщаніе „пожаловать его своимъ великимъ царскимъ жалованіемъ“ въ видѣ имѣнія, вотчинъ. Городъ Моравскъ первый сдается Лжедимитрію безъ боя. Здѣсь его признаютъ за истиннаго царевича, сына Грознаго царя. За Моравскомъ—Путивль, Рыльскъ, Черниговъ. Вся Сѣверская земля склоняется къ ногамъ Самозванца. И только Новгородъ-Сѣверскій, гдѣ былъ тогда воеводою Петръ Ѳеодоровичъ Басмановъ, отчаянно защищается, сохраняя вѣрность Годунову.

Въ то время какъ бьется съ осадою этого города Лжедимитрій, радостныя вѣсти изъ другихъ мѣстъ приходятъ къ нему сюда: Курскъ, Кромы, Бѣлгородъ сдаются ему безъ капли пролитой крови и шлютъ къ нему своихъ служилыхъ людей...

Теперь войско дерзкаго предпринимателя растетъ съ каждымъ часомъ. А изъ Москвы къ осажденному Новгороду-Сѣверскому спѣшитъ на подмогу новая рать. Старикъ Мстиславскій, испытанный въ бою воевода, ведетъ ее на помощь Басманову. Загорается бой. Несмотря на то, что отрядъ московскій во много разъ превосходитъ своимъ числомъ Лжедимитріевы войска, Самозванецъ побѣждаетъ. Мстиславскій раненъ. Изъ Москвы спѣшитъ Шуйскій со свѣжими дружинами на подмогу къ царскому войску. А тутъ еще часть скопищъ Лжедимитрія оставляетъ своего вождя. Самозванецъ запирается въ Путивлѣ. Къ

нему стекаются сюда четыре тысячи казаковъ... И снова крѣпнетъ въ своей силѣ дерзкій, отчаянно-смѣлый проходимецъ. Въ царскомъ войскѣ замѣчается колебаніе, шаткость. Счастье новаго царевича туманитъ всѣмъ глаза. Его львиная храбрость очаровываетъ, а постоянныя обѣщанія мирнаго, свѣтлаго и добраго царствованія, какъ нельзя болѣе, приходятся по сердцу простому народу, уставшему отъ сыска и наказаній подозрительнаго Бориса. Народъ добровольно спѣшитъ навстрѣчу новому властителю. Открываются ворота городовъ, и, какъ спасителя Руси, встрѣчаютъ предпріимчиваго юношу обрадованные жители.

А въ Москвѣ въ это время стоитъ зловѣщая тишина, жуткое затишье передъ грозою... Царь Борисъ запирается съ гадателями и волхвами, посылая сына Ѳеодора раздавать милостыню по тюрьмамъ и церквамъ и засѣдать въ думѣ. Съ колокольни недавно выстроеннаго по приказу Бориса храма Ивана Великаго несется то и дѣло протяжный звонъ... Это сзываютъ народъ молиться. Служатъ молебны одинъ за другимъ, безконечные, послѣ каждой незначительной побѣды, чтобы поднять вѣру народа въ счастье царя Бориса. Басманова, побѣдившаго подъ Новгородъ-Сѣверскимъ, Борисъ принимаетъ и осыпаетъ щедрыми милостями, ласкаетъ, какъ сына. Молодой еще годами, воевода въ его пріѣздъ на Москву названъ въ бояре. Онъ—ближній человѣкъ царя. Ему обѣщаны въ награду за новыя побѣды рука царевны Ксеніи и Казань, Астрахань и Сибирь въ приданое за нею. Народная смута тѣмъ не менѣе растетъ и растетъ, несмотря на то, что князья Голицынъ и Василій Шуйскій съ Лобнаго мѣста уговариваютъ народъ не вѣрить слухамъ о Самозванцѣ, называя его бѣглымъ разстригою монахомъ. Патріархъ Іовъ предаетъ его анаѳемѣ. Гремятъ проклятія въ соборахъ Гришкѣ Отрепьеву, бывшему чернецу Чудовской обители, который будто-бы выдаетъ себя за Димитрія. Но московскіе люди не вѣрятъ тому, что смѣлый витязь, передъ которымъ склонилась уже вся Сѣверская земля, и

бѣглый чернецъ одно и то же лицо. Народъ ждетъ „своего царевича“, успѣвшаго обѣщаніями и посулами очаровать и плѣнить его. Народъ вѣритъ, что, лишь только этотъ смѣлый плѣнительный вождь-царевичъ появится на Москвѣ, минутъ и канутъ въ вѣчность всѣ несчастья, тѣсно связанныя съ царствованіемъ Бориса. И ждетъ онъ дня этого, какъ свѣтлаго праздника.

13 апрѣля 1605 года внезапно умеръ Борисъ, передавъ престолъ своему юному сыну Ѳеодору. Вслѣдъ за тѣмъ снова былъ посланъ противъ Лжедимитрія Басмановъ въ Сѣверскую землю. Но тутъ-то случилось неожиданное событіе: войска, во главѣ съ самимъ вождемъ ихъ, Петромъ Ѳеодоровичемъ Басмановымъ, предались Самозванцу.

Отличенный царемъ, Басмановъ словно прозрѣлъ сразу. Шаткое положеніе нелюбимыхъ народомъ Годуновыхъ, съ одной стороны, и признаніе въ лицѣ Самозванца недюжинной и крупной личности, съ другой, измѣнили весь строй мыслей недавняго сторонника Борисова и его семьи. Молодой воевода рѣшилъ дѣло въ пользу Лжедимитрія и отдалъ ему во власть Московскія дружины. Участь Москвы и ея юнаго царя такимъ образомъ была рѣшена: все войско провозгласило Димитрія царемъ.

Въ Москву отправили пословъ, дворянъ Пушкина и Плещеева, съ этой вѣстью. Опять зазвонили колокола, и на Красной площади, съ Лобнаго мѣста, послы прочли грамоту Димитрія къ народу. Въ этой грамотѣ говорилось о тѣхъ мытарствахъ, которымъ Димитрія подвергъ искавшій смерти его, истиннаго царевича, Борисъ, о чудесномъ спасеніи его, Димитрія, и о законномъ правѣ его искать-добывать прародительскій престолъ.

Въ отвѣтъ на прочтенную грамоту, толпы народа огласили Красную площадь заздравными криками въ честь будущаго государя. Князь Шуйскій, по требованію толпы,

поклялся всенародно на томъ, отъ чего отрекся лишь нѣсколько дней тому назадъ, съ того же Лобнаго мѣста: теперь онъ утверждалъ, что царевичъ Димитрій живъ, а въ Угличѣ былъ зарѣзанъ сынъ поповскій. И далъ на томъ крестное цѣлованіе.

Тогда толпы народа хлынули во дворецъ съ громкими возгласами: „Буде живъ, царь Димитрій! Да здравствуетъ прирожденный, законный царь! Долой Годуновыхъ, его гонителей!“

Царь Ѳеодоръ рѣшилъ спастись въ Грановитой палатѣ на тронѣ Московскихъ царей. Его мать и сестра были тутъ же. Смутная надежда не покидала еще ихъ. Здѣсь, на тронѣ, въ царскомъ облаченіи, юный царь считалъ себя въ безопасности среди волнъ народной смуты и мятежа. Но... смута и мятежъ уже захлестнули народное сознаніе. Ѳеодора свели съ трона, схватили его мать и сестру и, выведя на дворъ, вывезли на простой водовозной телѣгѣ на подворье прежняго ихъ дома, осыпая насмѣшками. Тамъ, изъ угожденія новому царю, помня указъ Димитрія,—задушили юнаго царя и его мать, а царевну Ксенію насильно постригли въ монахини. Патріархъ Іовъ, какъ ярый сторонникъ Годуновыхъ, былъ лишенъ сана и заточенъ въ дальнюю Старицкую обитель.

Съ этого дня началось тріумфальное шествіе къ Москвѣ новаго царя. Къ нему отправились выборные бояре изъ лучшихъ родовъ съ раскаяніемъ въ ихъ службѣ царю Борису и, съ просьбою о помилованіи. Во главѣ предавшагося ему войска, Димитрій тронулся къ Орлу, къ Тулѣ. На пути являлись къ нему выборные отъ всей земли Рязанской.

А 20-го іюня, дивнымъ свѣтлымъ праздничнымъ утромъ, новый царь торжественно вступалъ въ Москву.

Звонили колокола всѣхъ сорока-сороковъ Московскихъ. Сіяло радостное солнце... Сверкала алебардами польская конница въ блестящихъ латахъ.

Трубачи и литаврщики предшествовали поѣзду. Ряды стрѣльцовъ яркими праздничными кафтанами пестрили картину. Раззолоченныя царскія кареты, запряженныя цугомъ, по шести лошадей каждая, и бояре, и дѣти дворянскія въ роскошныхъ кафтанахъ сливались въ одно яркое пятно цвѣтной парчи, бархата, золота и драгоцѣнныхъ камней. За служилыми людьми несли иконы, хоругви, кресты, шло духовенство въ свѣтлыхъ ризахъ. А за ними ѣхалъ новый царь, на бѣломъ конѣ, отвѣчавшій радостными слезами на крики народа:

— Здравъ буде, наше красное солнышко! Живи многи лѣта, прирожденный государь Московскій!

Слезы не высыхали на глазахъ Димитрія... И весь народъ плакалъ вмѣстѣ съ молодымъ царемъ.

У Успенскаго и Архангельскаго соборовъ новый царь спѣшился, вошелъ въ храмы. Передъ гробницей Іоанна Васильевича Грознаго онъ преклонилъ колѣни и, рыдая, просилъ у покойнаго царя благословенія на царство, еще болѣе умиляя этимъ Московскія толпы.

А нѣсколькими днями позже, изъ Москвы, по приказанію Димитрія, уже мчался гонецъ Михаилъ Скопинъ-Шуйскій къ бывшей царицѣ Маріи Нагой, заточенной въ дальнюю обитель, съ привѣтомъ къ ней отъ ея чудомъ спасеннаго сына и съ наказами пожаловать на житье въ Москву.

VI.

Снова послѣ пяти долгихъ лѣтъ ожило, проснулось Романовское подворье. Суета, уборка, чистка палатъ и теремовъ закипѣли здѣсь. Отобранное четыре года тому назадъ въ имущество царя Бориса и теперь возвращенное прежнимъ владѣльцамъ молодымъ царемъ Димитріемъ, снова ожило это богатое старое гнѣздо.

Прежніе челядинцы Романовыхъ, остававшіеся безъ крова и хлѣба, питаясь людскимъ подаяніемъ, заслыша о милостяхъ новаго царя къ ихъ опальнымъ господамъ, со всѣхъ сторонъ, изо всѣхъ уголковъ Москвы стали возвращаться на старое любимое пепелище. Но не всѣ могли вернуться: многихъ уже не было въ живыхъ, многіе не вынесли своего жалкаго существованія и исчезли съ лица земли. Но зато всѣ, спасшіеся отъ нужды и лишеній, дѣятельно принялись за работу по уборкѣ господскихъ палатъ.

Помимо безчисленныхъ вотчинъ и крестьянъ, всѣ сокровища Романовыхъ были возвращены имъ по принадлежности; изъ глубокихъ подваловъ Бориса нагруженные возы то и дѣло доставляли сюда мѣха, утварь, золото, серебро, са-

моцвѣтные камни, одежды, шубы и оружіе. Старый Сергѣичъ, пріѣхавшій сюда изъ далекихъ Клонъ, какъ и въ былыя времена, верховодилъ устройствомъ и уборкою подворья.

Нынче должны были вернуться его опальная боярыня-инокиня съ боярышней и дѣтьми.

Зналъ старикъ, что что то еще болѣе торжественное и неожиданное готовилось для его бояръ-государей. Какъ слышалъ Сергѣичъ, нынѣшній царь, первое, что сдѣлалъ по восшествіи своемъ на престолъ, — вернулъ изъ заточенія свою инокиню-мать, бывшую царицу Марью, боярина Богдана Бѣльскаго, своего дядьку, сосланнаго Борисомъ, и своихъ дядей Нагихъ. И если вѣрить смутнымъ слухамъ, то и о другихъ родственникахъ своихъ—Романовыхъ—позаботился молодой государь. Слыхалъ Сергѣичъ, наравнѣ со всею дворнею, что Филарету Никитичу, его бывшему государю-боярину, предложатъ санъ Ростовскаго митрополита, а Ивану Никитичу—почетное мѣсто въ Государевой Думѣ.

Не сегодня-завтра примчатъ сюда изъ дальняго заточенья обоихъ братьевъ, а изъ Клонъ все семейство Филарета Никитича. И всѣми силами старается поспѣть съ уборкою къ этому дню старикъ... Ему помогаетъ мамушка Василиса Кондратьевна, измѣнившаяся и исхудавшая до неузнаваемости за послѣдніе годы, среди своихъ нищенскихъ скитаній. Уставляютъ наскоро лари, скрыни и тяжелые сундуки, присланные изъ дворца. Пересматриваютъ, перетряхиваютъ, провѣряютъ вещи. Изъ возвращенныхъ вотчинъ, изъ Домнина, еще наканунѣ пришли подводы съ разною живностью для бояръ. Цѣлый поѣздъ подводъ съ курами, утками, мясными тушами, зерномъ, хлѣбомъ и всевозможнымъ деревенскимъ гостинцемъ.

Недоставало только самихъ хозяевъ, но ихъ ждали только къ ночи, а то и завтра поутру изъ-подъ Коломен-

скаго, гдѣ они должны были сдѣлать послѣдній перевалъ.

Немудрено поэтому, что Сергѣичъ всячески торопилъ челядь съ уборкою и до полусмерти загонялъ холопей, стараясь достойно встрѣтить своихъ дорогихъ господъ.

□ □ □

Погожее, ясное утро ранней и ясной осени застало давнымъ-давно на ногахъ молодого московскаго царя.

Пренебрегая старымъ московскимъ обычаемъ ложиться спать съ пѣтухами и проводя цѣлыя ночи въ пирахъ съ наѣхавшей изъ Польши Литовской знатью, подъ звуки трубъ и литавръ, гремѣвшихъ чуть ли не до зари въ царскомъ дворцѣ, царь Димитрій Ивановичъ проснулся тѣмъ не менѣе рано и, по заведенному обыкновенію, въ скромной выходной одеждѣ, скрылся изъ дворца.

Вошли въ обыкновеніе у царя московскаго эти раннія прогулки, во время которыхъ онъ заглядывалъ одинъ-одинешенекъ, безъ свиты и даже безъ пахолка-пажа, въ мастерскія, гдѣ изготовлялось оружіе; оттуда отправлялся на монетный дворъ и въ торговые ряды, говоря со всѣми попросту, останавливая прохожихъ и разспрашивая ихъ обо всемъ.

Но въ этотъ разъ царь вышелъ не пѣшкомъ. Царскій конюшій подалъ ему къ крыльцу едва объѣзжанную дикую лошадь, такъ и рвавшую удила. Объѣзжать такихъ лошадей было великимъ удовольствіемъ для Димитрія. Онъ вихремъ носился на нихъ къ немалому удивленію старыхъ бояръ, неблагожелательно покачивавшихъ своими убѣленными сѣдиною головами. Не нравилось это молодечество царя тяжеловѣснымъ на подъемъ московскимъ вельможамъ.

— Ровно тебѣ и не царь, а простой человѣкъ,

какъ и мы грѣшные,—недовольно шушукались они втихомолку.

Но сильнѣе такихъ прогулокъ, скачекъ и охотъ (во время которыхъ Димитрій самолично выходилъ одинъ на одинъ съ рогатиною на медвѣдя) претило имъ неуваженіе царемъ давнихъ русскихъ обычаевъ и привязанность его къ иноземщинѣ. Музыка на пирахъ, близость къ трону поляковъ, полное равнодушіе Димитрія къ соблюденію постовъ—все это за спиною царя ставилось ему въ упрекъ.

Въ то время, когда дикій конь кружилъ лихого царственнаго всадника по ближнимъ окрестностямъ Москвы, и Димитрій, опьяненный свѣжимъ душистымъ осеннимъ воздухомъ, леталъ на немъ, наслаждаясь своей короткой свободой,—въ передней государевой, въ ожиданіи царя, шла оживленная бесѣда среди бояръ, засѣданія которыхъ царь назвалъ „сенатомъ“ по примѣру Польши и Литвы.

Здѣсь собрались всѣ думцы, во главѣ со старикомъ Бѣльскимъ, недавно возвращеннымъ изъ ссылки. Были здѣсь три брата Шуйскіе, попавшіе было въ самомъ началѣ царствованія въ опалу, а старшій—Василій, приговоренный даже къ смертной казни и на самой плахѣ въ послѣднюю минуту прощенный царемъ, были князья: Мстиславскій, Воротынскій, Телятевскій, Голицыны, словомъ, весь цвѣтъ русскаго боярства. Ближній бояринъ Петръ Ѳедоровичъ Басмановъ отсутствовалъ, почему собравшіеся думцы, члены новаго сената, какъ наименовалъ царь думу, пользуясь этимъ отсутствіемъ, смѣлѣе, нежели въ иное время, могли высказывать свое неудовольствіе молодымъ царемъ.

— Да гдѣ-жъ онъ таперича? Время полдничать какъ разъ приступаетъ, а его и слѣдъ простылъ,—произнесъ, волнуясь, горячій не въ мѣру Василій Голицынъ.—Хошь ты, бояринъ. князь Бѣльскій, какъ прежній дядька

царевъ, сказалъ бы ему, што царю московскому не—гоже съ народомъ якшаться, да всюду доспѣвать на рабочей слободѣ. Слава Тѣ, Господи, слугъ у него немало... Пущай пошлетъ кого изъ насъ...

Старикъ Бѣльскій поднялъ глаза на говорившаго и погладилъ сѣдую, какъ лунь, серебряную бороду.

Ему болѣе, чѣмъ кому другому, какъ дядькѣ-пѣстуну покойнаго царевича Димитрія, было извѣстно о самозванствѣ этого царя, но долгая ссылка, заточеніе, тоска по Москвѣ и ближнимъ, и дарованное ему этимъ страннымъ и невѣдомымъ юношей помилованіе, заставили и его, честнаго, неподкупнаго старика Бѣльскаго, покривить душой, признавъ за царскій корень дерзкаго проходимца. И Бѣльскій только молча поглядѣлъ на Голицына и ничего не отвѣтилъ.

Василій Шуйскій быстро взглянулъ на маститаго старца своими маленькими, подслѣповатыми глазками. О, онъ вполнѣ соглашался съ Голицынымъ и другими. Онъ самъ это доказалъ всенародно, открыто подмывая московскую чернь, еще въ самомъ началѣ царствованія Димитрія, на мятежъ. И чуть не поплатился за это головою. Сейчасъ онъ снова въ милости у царя и долженъ молчать, потому что время его еще не приспѣло: еще не пріѣхала изъ Польши царская невѣста Марина Мнишекъ, на которой женится царь, по всей вѣроятности, не обративъ ея въ православіе, себѣ же на гибель.

Онъ, старый Шуйскій, дождется этого часа и тогда... Тогда! Кто знаетъ пути Господни? Можетъ, вмѣсто сверженнаго „царя-проходимца, польскаго названца“ кто-либо изъ старыхъ боярскихъ родовъ получитъ престолъ? А что, если онъ, Шуйскій?..

Эта мысль, словно огнемъ, обжигаетъ голову стараго князя, туманитъ его мозгъ... Все путается на мгновеніе передъ глазами Шуйскаго...

Онъ будетъ царемъ? Возможно ли это?—Тщеслав-

ный старикъ едва не лишается сознанія отъ этой мысли.

Но такое состояніе длится недолго. Усиліемъ воли князь принуждаетъ себя успокоиться.

„Терпѣніе!.. терпѣніе!..“—слышитъ онъ чей-то чужой голосъ, поднимающійся со дна его души...—„Поспѣшишь не во время, народъ насмѣшишь только“. Сунулся вѣдь онъ, было, народъ поднимать противу Димитрія и головы едва не лишился, сосланъ былъ, вернули лишь недавно и опять приблизили къ кормилу правленія.

И снова, при одной этой мысли, вздрагиваетъ князь отъ злобы и ненависти къ „великодушному“ царю, и ловитъ съ злорадствомъ недовольныя рѣчи бояръ-думцевъ, собравшихся въ Государевыхъ покояхъ, схватываетъ на лету слова и торжествуетъ.

Теперь уже старый князь Воротынскій накидывается на Богдана Бѣльскаго.

— Хошь бы ты, княже, царю присовѣтовалъ, не поганить терема бѣсовскими, ляшскими игрищами... А то намедни къ заутренѣ трезвонить зачали, а во дворцѣ литавры да трубы гремятъ. Чисто дьявольское наважденіе, право!

— Чего ужъ тамъ! — вмѣшался старикъ Мстиславскій,—самъ своими глазами видѣлъ, какъ въ середу, замѣсто постной снѣди, государь великій поганой телятиной тѣшился, вкушалъ ее, словно потребную ясть!—И старикъ энергично сплюнулъ въ сторону.

— Намедни въ субботній день мойню (баню) не топили... Говорятъ, государю угарно зѣло... А допрежъ всего русскій человѣкъ къ мойнѣ да къ отдыху послѣ праздника приверженъ,—вздохнулъ одинъ изъ братьевъ Голицыныхъ.

Тутъ Шуйскій поднялъ свои маленькіе, съ покраснѣвшими вѣками, глазки и запѣлъ тягуче:

— Князья-бояре... Не намъ судить государя молодого, прирожденнаго сына нашего батюшки-царя... Неволенъ въ томъ онъ, государь-владыка, благовѣрный Димитрій Ивановичъ, што, счастливо избѣгнувъ гибели, долго въ ляшской землѣ укрывался и обычаи, кои тамъ, принялъ. Постарше, помудрѣе станетъ, може попривыкнетъ и къ нашимъ обычаямъ... А што въ мойнѣ не парится, да телятинку вкушаетъ, да пируетъ за столами подъ бисовскую музыку—такъ по младости это... Не всякое лыко въ строку...

— Ишь, запѣла лисица! А, небось, самъ же за тѣ же рѣчи едва головы не лишился!—со злобою подумалъ князь Василій Васильевичъ Голицынъ.

Но отвѣтить Шуйскому онъ не успѣлъ. Распахнулась дверь. Вошелъ темнокудрый, еще молодой красавецъ съ быстрыми глазами—Петръ Ѳедоровичъ Басмановъ, державшійся въ сторонѣ отъ остальныхъ членовъ новаго сената, вѣрнѣйшій и преданнѣйшій слуга Димитрія.

— Великій государь съ прогулки сейчасъ вернуться изволилъ!—объявилъ онъ съ порога передней, отвѣшивая боярамъ полный достоинства поклонъ.

Снова, подъ быстрыми руками двухъ пахолковъ-пажей, распахнулись двери изъ внутреннихъ дворцовыхъ покоевъ, и небольшая, коренастая, но статная фигура Димитрія появилась передъ низко склонившимся государевымъ „сенатомъ“.

— Прощенья прошу, што задержалъ васъ, князья-бояре!—звонко прозвучалъ молодой, сильный голосъ царя.— Мочи не было съ поля ранѣе вернуться... Духъ-то за стѣнами московскими на волѣ какой! Ровно вино, пьянитъ! И сердцу весело и любо! И тѣлу пользительно!

Дѣйствительно, такія прогулки, какъ нельзя лучше, сказывались на здоровьѣ молодого царя. Его огневые глаза блистали. Горѣло румянцемъ некрасивое, умное и вдохновенное лицо. Золотомъ отливали рыжіе кудри.

И когда онъ присѣлъ бокомъ у стола, минуя свое царское мѣсто, прямо на лавку, рукою указавъ боярамъ садиться вокругъ него, и сталъ просматривать поданные ему думнымъ дьякомъ Василіемъ Щелкановымъ свитки грамотъ, бояре, окружавшіе царя, поняли, что энергія, бьющая ключомъ въ этомъ юношѣ, заставляетъ ихъ забывать объ его подозрительномъ происхожденіи, и какъ-то невольно хотѣлось имъ вѣрить, что онъ дѣйствительно сынъ Грознаго царя.

Планы пути въ Туречину, въ Крымское ханство, подвластное султану, лежали передъ Димитріемъ. Царь, во что бы то ни стало, желалъ наказать крымскихъ татаръ за ихъ набѣги на русскія владѣнія и готовился къ крымскому походу, прося помощи у короля Сигизмунда. Послѣдній желалъ получить за это Сѣверскую землю, разрѣшеніе строить католическіе костелы, а іезуитамъ жить въ Московской землѣ. Но на это царь московскій согласиться не могъ. Приходилось, стало быть, обходиться безъ польской помощи въ этомъ дѣлѣ. А „дѣло“ захватывало молодого царя. Тщеславный и горячій, онъ бредилъ лаврами Александра Македонскаго и, присвоивъ себѣ титулъ „цесаря непобѣдимаго“, хотѣлъ, во что бы то ни стало, оправдать его.

Сейчасъ онъ доказывалъ боярамъ, водя указкой по разложенному имъ плану Московской земли, что нѣтъ ничего легче, какъ завоевать для Москвы Крымъ, если обрушиться на него сразу съ двухъ концовъ — съ моря да съ суши.

— А только войска наши дюже плохи, — горячо доказывалъ Димитрій, — намедни приказалъ я великому мечнику, князю Скопину-Шуйскому, велѣть земляныя крѣпости на Москвѣ-рѣкѣ строить. Пусть раздѣлятся стрѣльцы. Одни пускай нападаютъ, другіе берегутъ завалы... На Литвѣ всегда такъ передъ войною дѣлается. Руку набьютъ, по крайности, въ ратномъ дѣлѣ... Я самъ приду показать, какъ вести сраженіе.

И онъ порывисто вскочилъ съ мѣста, будто уже были устроены завалы и крѣпостцы и началось сраженіе двухъ практикующихся сторонъ, готовый бѣжать туда самъ руководить этимъ сраженіемъ.

Но въ это время Петръ Ѳедоровичъ Басмановъ, кинувшій взглядъ въ окно, произнесъ взволнованно:

— Глянь, государь, какихъ гостей тебѣ Господь посылаетъ нынѣ.

Съ живостью мальчика Димитрій бросился къ окну, и лицо его оживилось и просіяло еще замѣтнѣе, еще ярче!

— Ступай, Ѳедя, встрѣчай дорогихъ гостей, любезныхъ моихъ родичей... Штобъ не задержали ихъ въ сѣняхъ и переходахъ, чтобы тотчасъ же прямо ко мнѣ... Сюда ихъ введешь, Ѳедя!—оживленно и весело срывалось съ устъ царя.

Бояре удивленно переглядывались между собою. Знали они о многихъ преобразованіяхъ и замыслахъ царя. Знали и о его милостяхъ, щедро разсыпаемыхъ за это короткое время. Возвращена была изъ далекаго монастыря его мать, инокиня Марѳа, бывшая царица Марія Нагая, открыто признавшая сыномъ Димитрія; возвращены изъ ссылки и ея братья, царскіе дядья, и осыпаны милостями. Какихъ же новыхъ гостей такъ задушевно встрѣчаетъ молодой царь?

Бояре тихо шушукались, отойдя къ сторонкѣ. Но вотъ поднялась суматоха во дворцовыхъ сѣняхъ... Забѣгала челядь, заметались пажи-пахолки.

Аллебардовщики изъ нѣмецкой стражи, для охраны и почета служившіе при московскомъ царѣ, вошли и встали у дверей. Широко распахнулись двери.

Вошелъ Петръ Ѳедоровичъ Басмановъ и торжественно провозгласилъ на всю переднюю горницу государеву:

— Бояре Романовы явились изъ ссылки по твоей милости и пришли бить тебѣ челомъ, великій государь!

И тотчасъ же, слѣдомъ за этимъ, на порогѣ выросла высокая, величаво-царственная фигура инока въ „смирномъ“ платьѣ, съ длинной сѣдой бородой. За нимъ появился болѣзненнаго вида бояринъ, волочившій разбитую параличемъ ногу. Оба они со скромнымъ достоинствомъ низко поклонились царю.

Со свойственной ему огневой подвижностью, Димитрій бросился сначала къ Филарету Никитичу, измѣнившемуся и постарѣвшему до неузнаваемости за эти годы строгаго заточенія, и горячо обнялъ его.

— Наконецъ-то!—произнесъ царь дрогнувшимъ голосомъ,—наконецъ-то могу я исправить Борисово мучительство и достойно наградить невинно пострадавшихъ родичей моихъ!

И, низко склонивъ голову передъ инокомъ, произнесъ смиренно:

— Благослови брата своего, будущій владыка Ростовскій!

Суровые глаза бывшаго боярина Ѳеодора Никитича блеснули радостной надеждой.

Если ему доставлялъ такое почетное, высокое мѣсто этотъ странный, невѣдомый человѣкъ, этотъ Димитрій-не-Димитрій, въ царственное происхожденіе котораго онъ не могъ вѣрить, то,—кто знаетъ?—можетъ статься, онъ также осыплетъ милостями и его дѣтей и жену съ сестрами, разрѣшитъ ему видѣться съ ними.

Сердце смиреннаго инока забилось сильно до боли... Нынче примчали ихъ только съ братомъ изъ дальнихъ ссылокъ сюда на Москву и объявили по дорогѣ о возвращеніи имъ всѣхъ ихъ вотчинъ и имѣній. Но о семьѣ ни слова. О дѣтяхъ тоже. Да живы ли, здоровы ли они и жена?

А Димитрій говорилъ, между тѣмъ, младшему Романову:

— Филаретъ Никитичъ отреченъ отъ міра. Почести духовныя, санъ владыки Ростовскаго, давно заготовлены

Димитрій сначала бросился къ Филарету Никитичу.

Гос. Публичная Библиотека в Ленинграде

ему... А ты, бояринъ Иванъ Никитичъ, найдешь свое мѣсто среди моего сената, промежъ моихъ ближнихъ совѣтчиковъ... И Филаретъ Никитичъ, и ты — желанные гости у меня во всякое время... И хошь ничтожной малостью покроетъ Димитрій то лихо, тѣ муки, коимъ подвергъ васъ, невинныхъ, гонитель вашъ Борисъ.

При этихъ словахъ царь отвернулся и смахнулъ набѣжавшія на глаза слезы. Въ суровыхъ глазахъ Филарета отразился мучительный вопросъ.

— Великій государь,—произнесъ онъ голосомъ, дрогнувшимъ отъ волненія.—За милости твои земно благодарю тебя, но мірскія почести не плѣняютъ меня болѣ... Бью тебѣ земно челомъ. Объ одномъ молю, государь, дозволь узнать про участь близкихъ моихъ, дозволь повидаться съ ними.

Быстрые глаза Димитрія ласково остановились на лицѣ Филарета.

— Возьми на часъ терпѣніе, Филаретъ Никитичъ! Дай срокъ нынче до полудня покончить съ дѣлами думскими, и тотчасъ же самъ доставлю тебя послѣ-полдника на твое Романовское подворье. А тамъ, може, и извѣдаешь отъ челяди о томъ, какъ живутъ въ Клоновской вотчинѣ твои дѣтки да жена... Може, и другая радость ждетъ тебя, отче.

И, сказавъ это, Димитрій указалъ мѣсто близъ себя обоимъ братьямъ, въ то время какъ бояре-думцы съ невольной завистью поглядывали на этихъ новыхъ любимцевъ, попавшихъ изъ тяжелой опалы сразу въ такую милость къ царю.

VII.

Впервые за долгіе годы ссылки старица Марѳа съ дѣтьми и съ сестрами отобѣдала снова на своемъ родномъ Романовскомъ подворьѣ. Вчера доставили ихъ сюда изъ Коломенскаго, гдѣ былъ у нихъ послѣдній привалъ въ дорогѣ изъ дальнихъ Клонъ. Пять лѣтъ не видѣли они ни родной Москвы, ни родимаго подворья.

Измѣнилась Москва, измѣнилось подворье, но еще большая перемѣна постигла самихъ ссыльныхъ.

Обѣ боярыни постарѣли на десять лѣтъ за эти, сравнительно недолгіе, годы. Исхудала и возмужала Настя. Тише теперь звучалъ ея веселый серебристый смѣхъ. Выросли дѣти. Десятилѣтній красавчикъ Миша глядѣлъ много старше и серьезнѣе. Почти взрослой дѣвушкой смотрѣла тринадцатилѣтняя Таня, поднявшаяся, расцвѣтшая незамѣтно, какъ дикая яблонька въ лѣсу. И всѣ были грустны. Всѣхъ безпокоила одна и та же мысль, одно и то же горькое размышленіе: вотъ и вернули имъ свободу и имѣніе, въ Москвѣ, на родинѣ снова они, но что-то-онъ, заточникъ въ далекій Антоніево-Сійскій монастырь?..

Не только взрослые, но и дѣти съ молоденькой теткой

бродили по обширнымъ палатамъ Романовскаго подворья, съ печальными задумчивыми личиками. За ними, какъ тѣнь, сновали мамушка и вѣрный Сергѣичъ.

Старая пѣстунья глазъ не могла оторвать отъ своего любимца Мишеньки, вернувшагося къ ней, и несказанно сокрушалась, видя его такимъ печальнымъ. А Миша тотчасъ же послѣ полдника, этого перваго полдника въ родномъ гнѣздѣ, который прошелъ въ глубокомъ и унылomъ молчаніи, шепнулъ молодой теткѣ и сестрѣ:

— Побѣжимъ въ садъ скорѣича.. При матушкѣ да теткѣ говорить не повадно, а надо мнѣ перемолвиться съ вами! — серьезно, какъ взрослый, заключилъ ребенокъ.

Понятно, что обѣ дѣвушки — сестра и тетка, не заставили повторять приглашеніе и бросились въ сѣни, слѣдомъ за Мишей.

Вотъ онъ старый тѣнистый садъ, обнаженный сейчасъ безжалостной рукою осени. Разрослись за эти долгія пять лѣтъ его березы и липы... Еще старѣе, могучѣе стали выглядѣть великаны-дубы... И та же качель-доска подвѣшена между ними.

Невольно глянувъ на эту доску, дѣти и Настя припомнили майскій душистый полдень, веселые клики дѣвушекъ, испугъ мамушки и Настино прислушиваніе къ чужой, непонятной бесѣдѣ тамъ у забора...

Тогда была весна — теперь осень. Тогда сіяло солнышко и зеленѣли кусты и деревья — сейчасъ обнаженные, печальные, какъ сироты, стоятъ они...

Вотъ хоть бы тѣ березки по сосѣдству съ молоденькимъ тополемъ, развѣ онѣ не похожи на печальныхъ сиротъ?

Эта мысль какъ-то неожиданно-сразу пришла въ голову Мишѣ.

Большими, карими, не по-дѣтски серьезными глазками взглянулъ онъ на нихъ и положилъ руку на плечо сестрѣ.

— Глянь, Танюша, ровно мы съ тобою, сиротинки безъ родимаго батюшки!—вырвалось изъ его груди съ глубокимъ вздохомъ.

Таня всплеснула руками и заплакала. Тогда юный братишка крѣпко обвилъ ея шею ручонками и произнесъ трепетнымъ голосомъ:

— Не плачь, Танюша! И ты, Настюшка! Не даромъ же вызвалъ насъ сюда новый государь... Коли изъ ссылки вернулъ—значитъ добръ онъ и милостивъ, а коли милостивъ, такъ я ему челомъ ударю, упрошу его все Романовское подворье обратно на себя взять, всѣ наши имѣнія, а батюшку вернуть... Безпремѣнно чтобъ вернуть батюшку! А мы и въ убожествѣ съ нимъ да съ матушкой проживемъ, такъ что любо-дорого сердцу станетъ... Вотъ подождите, упрошу Сергѣича до крыльца Постельной меня довести во дворцѣ. Говорилъ дядька, что дважды въ седьмицу царь на крыльцѣ томъ изъ рукъ своихъ народъ жалуетъ, милостыню раздаетъ... Такъ нешто откажетъ мнѣ—отроку, коли я ему челомъ ударю за родимаго батюшку, на просьбѣ моей?—полуутвердительно, полувопросительно закончилъ свою рѣчь Миша.

Настя и Таня, затаивъ дыханіе, слушали его. Неожиданно старшая дѣвушка обхватила кудрявую голову племянника и, прижавъ ее къ груди, зашептала:

— Милый ты мой, желаненькій! Голубчикъ ты мой бѣдненькій! Да нешто допустятъ тебя къ царю?... Да окрестъ его, вонъ челядинцы наши сказывали, ляховъ тьма, что вороновъ, налетѣла... Такъ нешто они?...

— Ошибаешься, боярышня, невѣрны твои рѣчи. Къ государю Московскому всѣмъ доступъ дозволенъ, — раздался сзади молодежи звучный и сильный голосъ.

Раздвинулась быстро подъ чьею-то сильной рукой густая стѣна опавшихъ кустовъ, и на садовую тропинку вышелъ молодой, рыжеволосый бояринъ въ ко-

роткомъ нѣмецкаго образца кафтанѣ-терликѣ, въ епанчѣ, наброшенной на плечи, съ дорогимъ ожерельемъ и въотороченной сѣдымъ соболемъ низкой мурмолкѣ.

За нимъ слѣдовало еще трое людей: высокій черноглазый бояринъ и двое юношей, изъ которыхъ одинъ выглядѣлъ совсѣмъ молоденькимъ. Но не на нихъ обратили вниманіе дѣти и Настя, вскочившія съ лавочки и растерянно глядѣвшія во всѣ глаза на рыжаго боярина въ богатомъ нарядѣ. И странное дѣло! Чѣмъ больше вглядывалась въ его черты Настя, тѣмъ болѣе знакомымъ казалось ей это, обрамленное рыжими кудрями, энергичное лицо съ двумя бородавками, эти огневые, быстрые глаза, эти добродушно, по-дѣтски улыбающіяся губы.

— Да, это онъ!—внезапно вспомнила дѣвушка свою встрѣчу въ лѣсу.—Тотъ самый странникъ-юноша, что просилъ ее напутствовать его благословеніемъ на какое-то большое, ей невѣдомое дѣло. Что же сталось съ нимъ, однако? Кто превратилъ его, убогаго нищаго, въ этого богатаго, повидимому, и знатнаго боярина?

Рыжекудрый бояринъ понялъ по лицу Насти, что его признали наконецъ.

— Припомнила нашу встрѣчу, боярышня?—произнесъ онъ тихимъ голосомъ, такъ что одна только Настя могла разслышать его.

— Припомнила, бояринъ,—чуть слышно, въ смущеніи проронила дѣвушка, потупивъ глаза.

— Все припомнила?

— Все, какъ есть!

— И какъ напутствія твоего просилъ? Помнишь, боярышня Настасья Никитична?

— Помню, бояринъ.

— Ну, такъ узнай же, когда такъ! Принесло мнѣ счастье твое благословеніе, твое напутствіе, боярышня.

Вернуло оно мнѣ все то, что злой врагъ отнялъ у меня... Благословила ты меня на доброе дѣло... И свершилось оно. Нынѣ моя очередь воздать тебѣ за то напутствіе твое сторицею... Идемъ за мною и племянникамъ своимъ вели идти!

Сказавъ это, рыжекудрый бояринъ повернулъ по направленію къ крыльцу Романовскаго дома. За нимъ повернули и его спутники, лицъ которыхъ отъ волненія опять не могли разглядѣть Настя и дѣти.

Словно во снѣ слѣдовали они трое за невѣдомыми людьми, неожиданно, какъ въ сказкѣ, появившимися передъ ними. А радостное предчувствіе уже наполнило сердца обѣихъ дѣвушекъ и Миши.

Не слыша ногъ подъ собою, вступили они на крыльцо, оттуда въ сѣни. Изъ сѣней—въ обширную стольную избу.

Почему въ ней набилось столько народу?.. Почему вся челядь упала на колѣни, припадая къ полу въ земномъ поклонѣ, какъ только они вошли сюда?

Чье это потрясающее рыданіе слышно въ углу палаты?

Вотъ разступилась толпа... Старица Марѳа, поддерживаемая съ одной стороны золовкой, княгиней Черкасской, съ другой—мамой дѣтей, рыдала во весь голосъ, но не горестными, печальными слезами. Вокругъ нея тѣснились люди. А посреди горницы стоялъ въ скромномъ иноческомъ одѣяніи величаваго вида старецъ.

Блѣдное изможденное лицо смотрѣло изъ-подъ высокаго клобука печальными, суровыми и въ то же время свѣтлыми-свѣтлыми очами. И невыразимо ласковая улыбка раздвинула до сихъ поръ горько-сжатыя уста.

— Батюшка!—не своимъ голосомъ вырвалось изъ груди Миши, и онъ первый кинулся въ объятія Филарета.

— Братецъ!—откликнулась Настя и, забывъ весь міръ, рванулась къ старшему брату вмѣстѣ съ Таней, дрожавшей отъ радости.

Присутствовавшіе рыдали отъ умиленія, когда, благословивъ дѣтей и сестру, Филаретъ прижалъ ихъ къ сердцу и передалъ ихъ брату Ивану Никитичу, находившемуся здѣсь же, а самъ подошелъ къ рыдавшей женѣ.

Долго длились эти минуты...

И когда миновали онѣ,—ни рыжаго боярина, ни его свиты не было уже въ горницѣ...

Одинъ только юноша-стольникъ незамѣтно приблизился къ Настѣ и тихо произнесъ:

— Не признала меня, должно, боярышня Настасья Никитична?

И князь Кофыревъ-Ростовскій съ ласковымъ упрекомъ глянулъ на дѣвушку.

Дѣвушка вспыхнула и смутилась... Изъ тысячи людей узнала бы она это желанное, милое лицо князя, котораго она не видѣла цѣлыхъ четыре года, но котораго не переставала любить. Неожиданное и чудесное появленіе рыжаго боярина и послѣдовавшая затѣмъ встрѣча съ братьями затуманили дѣвушкѣ голову, выбили ее изъ колеи.

— Прости, княже!—прошептала она чуть слышно,—какой радости, какого счастья дождались мы всѣ наконецъ.

— То-то радость, боярышня! А я, признаться, боялся, не забыла ли меня за это долгое время... Вотъ еще давеча объ этомъ брату Мишѣ говорилъ... Онъ со мною былъ въ свитѣ государевой...

— Государевой?—словно эхо переспросила, прервавъ его, Настя...—Такъ нешто государь этотъ рыжій бояринъ, государь Московскій? Димитрій-царь?

— Онъ самый, Настасья Никитична, великій государь всея Руси Димитрій Ивановичъ... Но теперь, боярышня, дозволь удалиться... Отъ царской свиты отставать мнѣ не гоже, какъ бы ни хотѣлось побыть съ тобою, разспросить, поговорить... Коли будетъ твоя милость, къ брату твоему Филарету Никитичу не нынче-завтра сватовъ

зашлю. Долго ждалъ я, Настасья Никитична, може нынѣ, когда...

Молодой стольникъ не докончилъ своей рѣчи. Старецъ Филаретъ подозвалъ къ себѣ Настю. Князь Никита Ивановичъ въ свою очередь долженъ былъ спѣшить за государемъ. Но по блеснувшимъ любовью глазамъ Насти, по ея разгорѣвшемуся лицу князь понялъ, что она согласна, что съ возвращеніемъ домой старца Филарета кончилась ея великая задача, и она, сдавъ ему дѣтей и невѣстку съ рукъ на руки, могла смѣло отдаться собственному счастью съ любимымъ ею существомъ.

□ □ □

Въ тотъ вечеръ въ крестовой палатѣ Романовскаго дома собралась вся семья. Самъ Филаретъ, рукоположенный еще въ ссылкѣ въ іереи, отслужилъ вечерню, послѣ чего вся семья собралась на половинѣ старицы Маѳы.

Долго лилась задушевная бесѣда Романовской семьи... Недавніе узники разсказывали другъ другу обо всемъ, что пришлось имъ пережить и перенести за эти тяжелые годы испытаній и мукъ. И текли тихія радостныя слезы по лицамъ свидѣвшихся снова людей... Таня съ Мишей наперерывъ ластились къ отцу. Они знали, что онъ недолго пробудетъ съ ними. Его иноческій и іерейскій санъ требовалъ присутствія его въ одной изъ мужскихъ обителей. А тамъ ждали только пріѣзда изъ Казани митрополита, чтобы рукоположить Филарета во владыки Московскіе. И вся семья спѣшила досыта наговориться съ дорогимъ отцомъ, мужемъ и братомъ.

Пользуясь досужей минутой, Настя разсказала о своей давнишней встрѣчѣ въ лѣсу и о тайномъ разговорѣ, подслушанномъ ею у садоваго тына. И о сегодняшнихъ словахъ молодого царя, котораго она приняла за простого посла царскаго. Послѣ долгаго молчанія отвѣчалъ Филаретъ Никитичъ.

— Кто бы ни былъ онъ, истинный ли, чудесно Господомъ спасенный, Димитрій, либо отважный дерзкій проходимецъ, храни его Господь за милосердіе его къ бѣднымъ, сирымъ и убогимъ и за милость его къ невинно-страдающимъ и угнетеннымъ людямъ.

И онъ осѣнилъ себя широкимъ крестомъ...

КОНЕЦЪ II ЧАСТИ.

ЧАСТЬ III.

По терніямъ на престолъ.

I

НЕ тоскуй, не кручинься, золотая моя Танюшка, вернется онъ къ тебѣ живъ и невредимъ, твой ясный соколъ. Не попуститъ Господь свершиться худу! И князь Михайла съ Никитой Ивановичемъ, того и гляди, прискачутъ ужо!

Такъ утѣшала Настасья Никитична Романова свою молоденькую восемнадцатилѣтнюю племянницу, плакавшую навзрыдъ.

Пять лѣтъ почти миновало со дня возвращенія Романовыхъ изъ ссылки. Вотъ уже нѣсколько мѣсяцевъ, какъ вышла замужъ Татьяна Ѳеодоровна Романова за молодого стольника, князя Кофырева-Ростовскаго, младшаго изъ братьевъ-князей. А Настасья Никитична считалась уже пятый годъ невѣстою старшаго брата его Никиты.

Теперь оба князя, молодой мужъ Тани, тотъ самый юный князекъ Миша, о которомъ съ такой любовью разсказывалъ Мурьинскимъ затворницамъ его старшій братъ,

и самъ Никита Ивановичъ вышли на защиту противъ враговъ Москвы, присоединившись къ Рязанскому ополченію Прокопія Ляпунова. Нѣсколько дней тому назадъ, князь Михаилъ Кофыревъ-Ростовскій привезъ свою молодую жену къ ея матери на Романовское подворье, прося великую старицу, продолжавшую жить въ міру съ дѣтьми, въ случаѣ его смерти беречь его юную жену пуще глаза. А князь Никита, истомившійся долгимъ ожиданіемъ брака съ любимой дѣвушкой, на прощанье сказалъ Настѣ:

— Ну, коли и послѣ этого похода не пойдешь за меня замужъ, Настасья Никитична, такъ знать буду, что не любъ я тебѣ...

А двадцатишестилѣтняя красавица Настя только покачала въ отвѣтъ своей задумчивой за послѣдніе годы головой, да прошептала чуть слышно.

— И полно, княже, такіе ли дни, чтобы о свадьбѣ думать?

И она была права.

Тяжелые дни переживала Русь въ это время.

Недолго процарствовалъ отважный, дерзкій царь-Самозванецъ. Весною, въ маѣ праздновалась его свадьба съ Мариной Мнишекъ и ея вѣнчаніе на царство, а черезъ нѣсколько дней, 17-го мая, толпа заговорщиковъ, во главѣ съ Шуйскимъ, ворвалась во дворецъ и убила того, кто присвоилъ себѣ подъ именемъ убитаго царевича Димитрія престолъ и корону.

Лжедимитрій погибъ. На престолъ кликою бояръ и немногими доброжелателями былъ выкрикнутъ князь Василій Шуйскій. Свое короткое царствованіе онъ началъ съ того, что послалъ Ростовскаго митрополита Филарета съ выборными боярами привезти въ Москву нетлѣнное тѣло царевича Димитрія. Этимъ онъ хотѣлъ оградить народъ отъ новыхъ смутъ, создавшихся вокругъ имени Лжедимитрія. Тотчасъ же послѣ гибели перваго Самозванца, распространился слухъ о появленіи

второго Димитрія. Распространителемъ такого слуха оказался князь Григорій Шаховской, сосланный на воеводство въ Путивль. Онъ объявилъ жителямъ Путивля, что Димитрій живъ, что ему удалось спастись.

Елецъ, Черниговъ, Стародубъ, Бѣлгородъ повѣрили ему. Встали за него и Сѣверскіе города, за ними Рязань и Тула. Всколыхнулось все Поволжье. Оставалось мятежникамъ только найти такого человѣка, который сыгралъ бы роль лжецаря. И такой человѣкъ нашелся. Его отыскалъ холопъ князя Телятевскаго. Холопъ этотъ, находившійся въ плѣну у турокъ и бѣжавшій оттуда въ Украйну, былъ нѣкто Болотниковъ. Болотниковъ прослѣдовалъ къ Шаховскому и, соединившись съ нимъ, пошелъ противъ Шуйскаго, разбивая по пути посланныя имъ навстрѣчу войска и всюду распространяя слухъ о новомъ Самозванцѣ. Къ нимъ присоединились Рязанскія дружины, во главѣ съ братьями, дворянами Прокопіемъ и Захаромъ Ляпуновыми, и Тульская земля, съ боярскимъ сыномъ Истомою Пашковымъ, недовольныя правленіемъ Шуйскаго.

Но скоро дворянское ополченіе разошлось съ Болотниковскими шайками и принесло повинную царю. Болотниковъ и Шаховской послѣ ряда неудачъ заперлись въ Тулѣ. Самъ царь Василій во главѣ огромнаго войска осадилъ и взялъ городъ, выморивъ голодомъ мятежниковъ. Послѣднихъ изъ нихъ сослали и казнили, а царь торжественно вернулся въ Москву, радуясь побѣдѣ. Но преждевременной оказалась эта радость. Въ Стародубѣ Сѣверскомъ изъ одного порубежнаго Литовскаго городка появился новый Самозванецъ, получившій впослѣдствіи названіе Тушинскаго вора.

Собравъ отрядъ изъ поляковъ, казаковъ и всякихъ проходимцевъ, онъ разбилъ при Болховѣ царское войско и подступилъ къ Москвѣ, основавъ въ 12-ти верстахъ отъ нея въ селѣ Тушинѣ свой лагерь. Къ нему пришли на помощь польскія дружины, во главѣ съ княземъ Рожинскимъ, лихимъ наѣздникомъ, разбойникомъ Лисовскимъ

и Яномъ Сапѣгою. Сапѣга разбилъ войско брата царя, князя Ивана Шуйскаго, и осадилъ Троицкую лавру въ 1608 году.

Въ то же время король Сигизмундъ, разсерженный тѣмъ, что Московское правительство заключило союзъ съ его врагами-шведами противъ Тушинскаго вора, а племянникъ царскій, князь Михаилъ Скопинъ-Шуйскій, соединившись со шведскимъ генераломъ Делагарди, дѣйствовалъ съ нимъ противъ Тушинцевъ,—разорвалъ миръ съ Москвою и осадилъ Смоленскъ, гдѣ воеводою былъ въ то время смѣлый и доблестный Шеинъ. Князь Михаилъ Скопинъ-Шуйскій, въ свою очередь, соединившись со шведами, послѣ нѣсколькихъ сраженій съ воровскими войсками, подступилъ къ Тушину. Но Тушино, прежде нежели они взяли его, распалось, и самъ воръ бѣжалъ въ Калугу. Поляки частью ушли подъ Смоленскъ, часть разбрелись шайками по окрестностямъ Москвы, грабя и сжигая на своемъ пути все, что только было возможно.

Еще во время самаго разгара торжества Тушинскаго вора, когда города одинъ за другимъ вставали подъ власть Самозванца, дружины его подступили къ Ростову, отважно державшему сторону законнаго царя.

Филаретъ Никитичъ, митрополитъ Ростовскій, заперся съ горожанами въ соборѣ, убѣждая ихъ умереть, но не измѣнять царю.

Воровскія войска взломали двери храма, напали на митрополита, сорвали съ него облаченіе и на простой телѣгѣ, оборваннаго, въ татарской шапкѣ, нахлобученной ему на голову, отправили въ Тушино. Однако, Самозванецъ принялъ его съ почетомъ и, назвавъ патріархомъ, оставилъ въ Тушинѣ, какъ бы въ плѣну.

Только съ паденіемъ Тушина удалось вернуть въ Москву Филарета.

Въ то же время многіе Московскіе бояре, недовольные правленіемъ Шуйскаго и переходившіе отъ него на

службу къ Тушинскому царю, тайно послали просить Сигизмунда дать имъ его сына, королевича Владислава, въ Московскіе цари, поставивъ, однако, королевичу непремѣннымъ условіемъ принять православную вѣру.

Началась смута. Къ довершенію несчастія, спаситель Москвы отъ вора, Михаилъ Скопинъ-Шуйскій неожиданно умеръ, какъ говорилось въ народѣ, отъ яда, поднесеннаго ему его завистникомъ-дядей, братомъ царя Василія, Димитріемъ Шуйскимъ,—умеръ послѣ цѣлаго ряда побѣдъ надъ врагами царя. Вмѣсто него, назначеннаго уже царемъ въ походъ противъ поляковъ, къ Смоленску былъ посланъ Димитрій Шуйскій.

Гетманъ Жолкевскій разбилъ этого воеводу наголову подъ Клушинымъ. Послѣднее обстоятельство больше всего подняло противъ царя Шуйскаго народъ. Состоялся заговоръ, и 7-го іюля 1610 года Шуйскій былъ свергнутъ съ престола и насильно постриженъ въ монахи, а Москва присягнула Боярской Думѣ, поручивъ ей выбрать достойнаго царя. Дума вошла въ сношенія съ гетманомъ Жолкевскимъ, прося его помощи противъ Тушинскаго вора, снова подкрѣпившагося въ Калугѣ и подступившаго къ Москвѣ, и обѣщала свое содѣйствіе въ избраніи королевича Владислава.

Жолкевскій прогналъ вора, заставивъ его снова бѣжать въ Калугу, убѣдилъ бояръ впустить поляковъ въ Москву и, очутившись въ стѣнахъ ея, началъ переговоры съ Сигизмундомъ, посылая гонцовъ подъ Смоленскъ. Наконецъ, онъ самъ ускакалъ туда же, оставивъ начальствованіе надъ польскимъ войскомъ въ Москвѣ второму гетману, Гонсевскому.

Между тѣмъ, рѣшивъ дѣло избранія въ цари Московскіе королевича Владислава, Боярская Дума, во главѣ со старымъ княземъ Мстиславскимъ, пожелала послать для рѣшенія этого дѣла почетное посольство къ Сигизмунду подъ Смоленскъ.

Во главѣ этого посольства стояли Ростовскій митрополитъ Филаретъ Никитичъ, князь Василій Васильевичъ Голицынъ, келарь Тройце-Сергіевской лавры Авраамій Палицынъ и другіе. Имъ было поручено просить королевича на царство. Но король Сигизмундъ, самъ задумавшій сѣсть на Московскій престолъ, послѣ долгихъ и томительныхъ переговоровъ съ послами, велѣлъ заключить ихъ подъ стражу и отправилъ съ Сапѣгою въ Польшу въ качествѣ плѣнниковъ.

Къ этому времени былъ убитъ Тушинскій воръ однимъ изъ своихъ приближенныхъ. Между тѣмъ поляки хозяйничали въ Москвѣ какъ дома, всячески притѣсняя русскихъ. Постоянныя стычки съ ними и пожары свирѣпствовали теперь на Москвѣ. Постоянныя кощунства со стороны многихъ поляковъ надъ православною вѣрою и ея обычаями глубоко возмущали народъ. Не по днямъ, а по часамъ росла смута... Патріархъ Гермогенъ, Казанскій митрополитъ выбранный еще при царѣ Шуйскомъ во владыки Московскіе, всячески радѣя о православной вѣрѣ, слалъ грамоты во всѣ города земли русской, призывая истинныхъ христіанъ постоять за православіе и родину.

И вотъ, первая за честь отечества и святую вѣру встала Рязань. Прокопій Ляпуновъ двинулся къ Москвѣ. Къ нему присоединились Муромская, Суздальская и Поволжская дружины. Присоединилось послѣ гибели вора и Тушинское казачество, съ Трубецкимъ и Заруцкимъ во главѣ... Готовился кровавый пиръ полякамъ... А смута въ Москвѣ росла и росла, и грозная туча надвигалась надъ столицей.

Наступилъ кровавый и жуткій 1611 годъ.

□ □ □

Объ этой-то смутѣ и говорила Настасья Никитична съ Таней, сидя на женской половинѣ терема Романовскаго подворья.

Стояла Страстная недѣля. Медленно таялъ снѣгъ на улицахъ... Апрѣльское солнце ласково пригрѣвало землю. На Москвѣ особенно суетливо и буйно проходили эти дни. Русское земское ополченіе тѣсно со всѣхъ сторонъ обложило столицу. На Срѣтенкѣ стоялъ уже князь Пожарскій со своими полками. Поляки дѣятельно готовились къ защитѣ. Они приказали втаскивать пушки и снаряды на стѣны, подвозить провіантъ. Шумомъ, суетолокою и бранью наполнились московскія улицы. Этотъ шумъ доходилъ и до палатъ Романовскаго подворья въ Кремлѣ.

Молоденькая княгиня Татьяна Ѳеодоровна Кофырева-Ростовская, то и дѣло, вздрагивала, прислушиваясь къ долетавшимъ до терема крикамъ, и пугливо жалась къ любимой теткѣ.

— Настя! Настюшка! Да что же это такое? Чего же шумятъ они? Жутко, страшно мнѣ, Настя! Хошь бы дядя Иванъ изъ Думы пріѣхалъ скорѣича, разузнать отъ него, либо хошь Мишу-брата бы отпустили! Авось, узнаю отъ нихъ про соколика желаннаго моего.

— Нельзя, лапушка. Миша, сама вѣдаешь, съ той поры, какъ назвалъ его въ стольники нынѣ развѣнчанный царь Василій, долженъ во время Думы Боярской въ Кремлевскихъ палатахъ службу нести и съ другими молодыми стольниками охранять покои Грановитой палаты, гдѣ нонѣ бояре-правители дѣла вершаютъ... Дай срокъ, вернется Миша съ дядей Иваномъ, все разузнаемъ, развѣдаемъ,—утѣшала племянницу Настя.

— И про нашихъ узнаемъ?—немного оживилась юная княгинюшка.

— И про нашихъ, понятно! Недалече они, въ Ляпунову дружину оба ушли биться противъ ляховъ поганыхъ.

— И про батюшку?—робко заикнулась было Таня.

Настя быстро вскинула на нее глазами.

— Нешто можно што про брата Филарета Никитича узнать? Томится снова въ плѣну твой батюшка, Таня... Въ Тушинѣ у вора проклятаго томился ранѣ, нынче въ Маренбургѣ*) дальнемъ, въ Литовщинѣ. За правду страдаетъ отецъ твой, храни его Господь!

И Настя перекрестилась, глядя на образъ.

— Чу... Нишкни! Никакъ матушка къ намъ сюда жалуетъ, — успѣла прошептать Таня, и обѣ онѣ приняли умышленно спокойный видъ.

Вошла старица Марѳа, опираясь на посохъ.

Эта, еще далеко не старая женщина сильно постарѣла и измѣнилась, перенося постоянныя невзгоды. Вторичное заточеніе мужа, сначала у Тушинцевъ, потомъ у Сигизмунда въ Польшѣ, заставило окончательно склониться подъ ударами судьбы эту гордую голову. Но при видѣ дочери и золовки, она пріободрилась немного, стараясь своимъ бодрымъ видомъ успокоить ихъ.

— Што, мои ласточки, притихли? Небось, стосковались по своимъ соколамъ?.. Господь милостивъ, вернутся они скоро... Возьмутъ наши Москву. Выгонятъ ляховъ поганыхъ, и опять взойдетъ надъ нами солнышко-красное! Дай-то Богъ, чтобы кончалось все поскорѣе! Тогда и Настину свадьбу сыграемъ... Вѣдь, почитай, ужъ пять лѣтъ какъ собираемся. Дай-то Господь!

И инокиня Марѳа подняла свои сурово-печальные глаза къ иконѣ и осѣнила себя крестомъ.

Шумъ на улицѣ сталъ какъ-будто слышнѣе, явственнѣе. Словно огромная и разъяренная толпа народа подошла къ Кремлю.

Вдругъ прозвучалъ выстрѣлъ, за нимъ другой, третій... Ахали самопалы... Звончѣе отзывались сабельные лязги и крики.

---

*) Маріенбургъ—туда былъ отправленъ королемъ Сигизмундомъ Филаретъ Никитичъ.

Три женщины, поблѣднѣвшія какъ смерть, бросились къ окну.

Шумъ разгорался все больше и больше и, наконецъ, перешелъ въ какой-то сплошной, отчаянный гулъ.

И вотъ грянулъ набатъ... За нимъ басисто запѣлъ колоколъ на колокольнѣ Ивана Великаго... Опять загудѣлъ набатъ... И первые проблески зарева заалѣли надъ городомъ.

— Москва горитъ! Ляхи бьютъ нашихъ! А Миши нѣту! Гдѣ онъ, желанный, сынокъ болѣзный мой! — простонала старица-мать, падая на колѣни передъ божницей и замирая въ тоскѣ и отчаяніи...

А гулъ все приближался, все учащались крики и пальба. Все разгоралось зловѣщее зарево надъ Москвою.

Марѳа молилась. Молилась и Настя. Судорожно, безъ словъ, помертвѣвшая отъ ужаса, стояла юная княгиня Таня, глядя на образа...

Вотъ все слышнѣе, слышнѣе крики... Но это уже не сплошной народный гулъ... Можно различить одиночные голоса, приближавшіеся къ подворью...

Еще мгновенье томительнаго ожиданія, во время котораго три женщины, казалось, не присутствовали на землѣ, унесенныя вверхъ однимъ общимъ порывомъ тоски, отчаянія и молитвы...

Неожиданно распахнулась дверь терема. На порогѣ, передъ глазами матери, тетки и сестры, взволнованный, съ лицомъ бѣлѣе бѣлаго ворота рубахи, предсталъ юный русокудрый Михаилъ Ѳеодоровичъ Романовъ.

Юный стольникъ былъ потрясенъ чѣмъ-то страшнымъ, необычайнымъ. За нимъ, не менѣе взволнованный, припадая на больную ногу, вошелъ думецъ-бояринъ Иванъ Никитичъ.

Словно молоденькая, вскочила съ колѣнъ Марѳа.

— Миша! Мишенька! Сынокъ мой ненаглядный! — вырвалось изъ груди ея, и она схватила въ объятія сына.

Но онъ выскользнулъ изъ ея рукъ, упалъ на колѣни передъ нею и обвилъ руками ея колѣни.

— Матушка! Матушка! Отпусти меня, родимая!—судорожно лепеталъ этотъ полу-мальчикъ, полу-юноша.— Отпусти съ ляхами биться, отплатить за обиды, за гибель нашихъ, за посмѣянье... На нашихъ они накинулись! Сколько людей перерѣзали! Москву подожгли! Всѣхъ загубить грозятся... Отпусти, матушка! Доколѣ терпѣть станемъ!.. Я къ Прокопію Петровичу, либо къ князю Пожарскому, какъ Никита съ Мишей... Вѣдь бились они... На моихъ глазахъ... Отпусти, матушка! Благослови, родная!

Ярко сверкнули глаза Марѳы. Вся энергія, вся сила этой женщины проснулись въ ней разомъ.

— Нѣтъ! — вскрикнула она рѣзкимъ, точно чужимъ, голосомъ. — Не отпущу, Миша! Молодъ ты! Пятнадцатый годъ пошелъ!.. Убьютъ тебя, родимаго!.. Не могу... Не просись... Господь свидѣтель, не пущу тебя, Миша.

— Да вѣдь бьютъ они нашихъ! Убиваютъ, матушка... Князя Михаила...

Миша внезапно осѣкся, глянувъ въ широко раскрытые отъ испуга и ужаса глаза сестры.

Въ одну минуту была подлѣ князя молодая княгиня. Безъ единой кровинки въ лицѣ метнулась она къ юному стольнику. Ея руки цѣпкими пальцами впились въ его плечи.

— Что съ Михайлушкой? Что съ княземъ моимъ? Говори!.. Убили его, Миша? — произнесла она дикимъ, чужимъ голосомъ, едва шевеля губами.

Миша молчалъ. Только лицо его поблѣднѣло еще сильнѣе, да плотно сомкнулись трепетныя губы.

Тогда Иванъ Никитичъ, выступивъ впередъ, подошелъ къ Танѣ.

— Княгинюшка-племянница, родимая! — произнесъ онъ, едва ворочая языкомъ, — мы съ Мишей ѣхали изъ

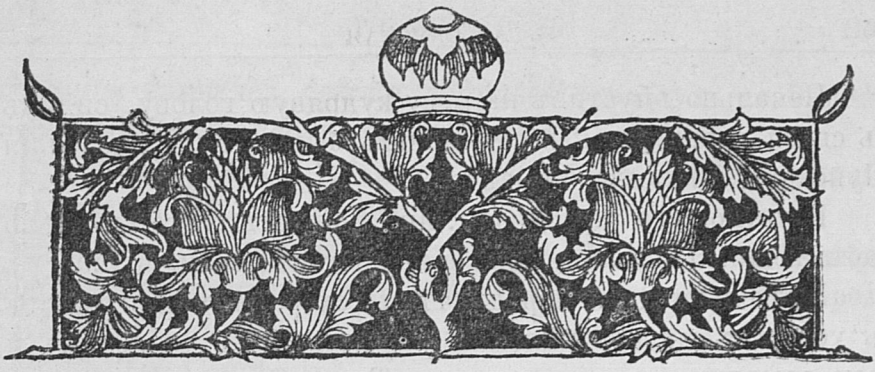
Думы, видѣли все происшедшее... Столкнулись наши съ ляхами у самыхъ воротъ Кремля... Дошло до боя... А нашимъ на подмогу изъ Ляпуновскаго отряда смѣльчаки ринулись и сшиблись... съ поляками. Не дали обижать невинныхъ... Твой князь Михайла съ братомъ Никитой верховодили схваткой. При насъ упалъ князь Михайла... Кровь хлынула ручьемъ... Братъ его подхватилъ на руки..

Но Таня уже не слышала его... Какъ подстрѣленная птица, упала она на руки подоспѣвшихъ матери и брата. Безъ крика, безъ стона... Только бѣлая-бѣлая, какъ снѣгъ...

— Да что ты, Танюша, Богъ съ тобой... Може, живъ еще онъ... Танюша, Танюша!?—испуганно, упавшимъ голосомъ лепеталъ Иванъ Никитичъ, бросаясь къ племянницѣ.

И когда вбѣжалъ вслѣдъ за тѣмъ въ горницу князь Никита Кофыревъ-Ростовскій, съ искаженнымъ страданіемъ лицомъ, юное сердечко, разбившееся отъ горя, уже не стучало въ груди у Тани...

Молодая княгиня Кофырева-Ростовская безъ слезъ и безъ жалобъ отошла въ вѣчность...



II.

ТРИ дня горѣла Москва... То и дѣло вспыхивали кровавыя схватки на улицахъ...

Гонсевскій, оставивъ на произволъ судьбы Бѣлый городъ и Москворѣчье, выгорѣвшіе почти наполовину, съ поляками и тѣми боярами, которые держали сторону Владислава, заперся въ Кремлѣ и хозяйничалъ тамъ, какъ дома.

Такимъ образомъ Кремль и Китай-городъ оказались отрѣзанными.

Земское ополченіе неразрывнымъ кольцомъ оцѣпило столицу. Прокопій Ляпуновъ занялъ Симоновъ монастырь, князь Трубецкой изъ Калуги—пепелище Бѣлаго города; а Заруцкій съ казаками ежечасно мѣняли мѣста, выискивая слабые пункты осады.

Не успѣвшіе выѣхать въ свои иногороднія вотчины бояре съ семействами поневолѣ очутились запертыми за крѣпкими стѣнами Кремля. Романовское подворье оказалось въ центрѣ осажденнаго города.

Очутились запертыми въ своемъ старомъ родовомъ гнѣздѣ и бояре Романовы.

□ □ □

Печально опустивъ на руку кудрявую голову, сидитъ въ своей горницѣ юный стольникъ бывшаго царя Василія Шуйскаго, Михаилъ Романовъ.

Грустно его красивое лицо. Блестятъ то и дѣло набѣгающими слезами мягкіе каріе глаза мальчика.

Нѣсколько дней передъ тѣмъ, схоронилъ онъ вмѣстѣ съ убитымъ юнымъ княземъ Кофыревымъ-Ростовскимъ и свою умершую сестру, княгиню Таню. Старица-мать день и ночь не осушаетъ слезъ по своей безвременно погибшей дочери... Ушелъ биться за спасеніе Москвы отъ поляковъ старшій князь Кофыревъ-Ростовскій. Прежде нежели присоединиться къ полкамъ князя Трубецкого, онъ поклялся при Мишѣ передъ святой иконой жестоко отплатить ляхамъ за смерть любимца—младшаго брата...

Просился-было снова въ ополченіе слѣдомъ за своимъ свойственникомъ у матери и Михаилъ. Но старица Марѳа только тихо застонала въ отвѣтъ на эту просьбу и залилась горючими слезами. И дрогнуло любовью и жалостью сердце отважнаго мальчика...

Могъ ли онъ оставить мать, осиротѣвшую, несчастную, въ то время, когда умерла сестра, когда отецъ томится въ плѣну у ляховъ въ далекомъ Маріенбургѣ?

Но все же рвалась душа Миши въ войско... Кипѣла обидой за родину юная кровь... Прокопій Петровичъ Ляпуновъ, раненый въ бою князь Трубецкой, Пожарскій и даже разбойникъ, казакъ Заруцкій казались ему героями, сказочными богатырями, пришедшими спасти Москву и ея святыни, а тѣмъ самымъ и всю Святую Русь...

Объ этомъ думалъ Михаилъ цѣлыми днями, о томъ же размышлялъ и сейчасъ, сидя въ одиночествѣ у себя въ свѣтлицѣ. Пострадать за спасеніе Москвы, за вѣру православную—вотъ какова была мысль, не дававшая покоя мальчику. Длинный весенній день близился къ концу, а Михаилъ и не думалъ ложиться... Въ раскрытыя окна

горницы вливался свѣжій апрѣльскій воздухъ... Юнымъ весеннимъ дыханіемъ дышала земля...

Едва зеленѣла первая травка въ саду, зеленая, свѣжая, невольно радующая взоръ.

А мысли Михаила были такъ унылы и печальны! Легкое покашливаніе у дверей заставило мальчика отрезвиться отъ нихъ.

— Ты, Сергѣичъ?

Это былъ онъ, вѣрный дядька-дворецкій, осунувшійся и постарѣвшій за послѣдніе годы до неузнаваемости.

Сейчасъ лицо старика носило слѣды только что пережитаго волненія. И глянувъ на него, Михаилъ замеръ отъ какого-то ужаснаго предчувствія новаго несчастія.

— Што еще? Матушка? Здорова ли?—трепетными звуками сорвалось съ устъ Миши.

— Слава Господу, здорова старица-боярыня... А только святителю нашему грозитъ несчастье!—шопотомъ, съ мертвенно-блѣднымъ лицомъ, произнесъ старикъ.

— Владыкѣ Гермогену?—переспросилъ Михаилъ и стремительно вскочилъ съ мѣста.

Миша горячо и беззавѣтно любилъ патріарха!

Въ дни несчастій, плѣна Филаретова, когда тушинскіе приверженцы напали на Ростовъ и увезли къ вору митрополита Ростовскаго, и теперь, когда Филаретъ Никитичъ, отправленный въ качествѣ почетнаго посла къ королю Сигизмунду, былъ заключенъ подъ стражу, юный Михаилъ находилъ утѣшеніе у патріарха Гермогена, ласкавшаго его, какъ сына. Часто бывалъ Миша у владыки въ Чудовомъ монастырѣ, куда ляхи, съ Гонсевскимъ во главѣ, заперли Гермогена, продолжавшаго разсылать граматы по всей Руси съ воззваніемъ къ городамъ подниматься и присоединяться къ земскому ополченію... Не мудрено поэтому, что сильно испугался мальчикъ за любимаго патріарха.

— Што съ владыкой?—испуганно произнесъ Миша, хватая дрожащей рукой Сергѣича.—Живъ ли?

— Живъ, живъ! Успокойся, боярчикъ желаненькій, а только видѣлъ я, што окаянный Мишка Салтыковъ, съ Гонсевскимъ-гетманомъ, да съ приспѣшниками своими, што Сигиманду проклятому прямятъ, подъѣхали къ Чудовской обители. Не къ добру это, боярчикъ, въ такой поздній часъ, не къ добру!

— И дядя Иванъ съ ними?—трепеща всѣмъ тѣломъ, спросилъ Миша.

— Не! Какое! Нешто Иванъ Никитичъ былъ когда заодно съ ляшскими доброхотами? Завсегда онъ противу Владислава шелъ!.. Да то и худо, што нѣтъ его съ ими; не приведи Господь, вызволять владыку изъ несчастья некому будетъ...

— Пойдемъ, Сергѣичъ!—рѣшительно, почти рѣзко сорвалось съ устъ Миши.

— Куда ты? Господь съ тобою! Къ владыкѣ все едино не пустятъ. Подъ семью замками запертъ владыка. Себя только погубишь, дитятко!

— Я говорю, пойдемъ!

Миша точно окрѣпъ, выросъ въ эти минуты. Глаза его сверкали, губы сжались. И въ его дѣтскомъ лицѣ старый Сергѣичъ неожиданно замѣтилъ черты энергичнаго и стойкаго Филарета Никитича.

— Да куда-жъ пойдемъ мы, дитятко?—растерянно продолжалъ Сергѣичъ,—да и матушка-старица, не ровенъ часъ, хватится, обезпокоится, не приведи Господь!

— Сергѣичъ, тебѣ хорошо вѣдомо, какъ дорога мнѣ матушка, какъ жалѣю я ее, болѣзную мою... Но долженъ я извѣдать объ участи владыки, помочь, чѣмъ можно, коли придется лихо,—спасти...—горячо сорвалось съ устъ мальчика.

— Охъ, Господи, тебѣ ли спасти его, дитятко!?—прошепталъ взволнованный дворецкій.

Полоска свѣта привлекла вниманіе обоихъ.

Гос.
Публичная
Библиотека
в

Но Миша уже не слышалъ того, что говорилъ Сергѣичъ. Стремительно нахлобучивъ шапку и застегнувъ запоны кафтана, онъ бросился изъ горницы. Сергѣичъ едва поспѣвалъ за нимъ.

Старымъ Романовскимъ садомъ, избѣгая улицы съ ея крестцами, гдѣ, то и дѣло, звучала ненавистная имъ обоимъ польская рѣчь, они пробрались въ дальній уголъ подворья, примыкавшій тыномъ къ строеніямъ Чудова монастыря.

Вотъ и знакомая лазейка, черезъ которую, нѣсколько лѣтъ назадъ, Настя съ тѣмъ же вѣрнымъ Сергѣичемъ уводила дѣтей въ домъ княгини Черкасской. Сейчасъ на дворѣ обительскомъ хорошо слышны ржаніе коней и громкая болтовня польскихъ гайдуковъ.

Миша и Сергѣичъ обогнули главное зданіе храма и готовились уже проскользнуть въ сѣни самой обители, чтобы разспросить чернецовъ о владыкѣ, какъ неожиданно яркая полоска свѣта въ уровень съ землею, въ глухомъ дальнемъ уголку двора, привлекла вниманіе обоихъ.

— Глянь, Сергѣичъ, тайникъ вѣдь это?.. Неужто-жъ здѣся владыка схороненъ? Неушто-жъ...

Миша не договорилъ своей мысли и, присѣвъ къ небольшому оконцу, откуда выходилъ свѣтъ, заглянулъ туда, самъ оставшись въ тѣни росшихъ подъ окномъ вербъ.

Въ узкомъ небольшомъ тайникѣ, похожемъ скорѣе на каменный мѣшокъ, нежели на обительскую келью, сидѣлъ владыка Гермогенъ, величавый старецъ съ иконописною наружностью древняго апостола. Худой, изможденный, съ пламенными очами, онъ казался существомъ иного міра. Сухія руки лежали безсильно опущенныя у него на колѣняхъ... Сомкнутыя уста молчали... Глаза были опущены на какой-то свитокъ, лежавшій передъ нимъ.

Сколько разъ эти блѣдныя худыя руки благословляли Мишу!.. А эти дорогія уста сколько разъ шептали ему слова благословенья, посылали за него теплыя молитвы!

Сквозь слюдовое оконце можно было разслышать все, что происходило въ кельѣ. Сначала все было пустынно и тихо тамъ. Но вотъ распахнулась тяжелая дверь... Въ тайникъ вошелъ Михайла Глѣбовичъ Салтыковъ, самый ярый сторонникъ партіи короля Сигизмунда; за нимъ—гетманъ Гонсевскій и нѣсколько поляковъ.

Миша могъ хорошо видѣть изъ своего пристанища, какою ненавистью загорѣлись глаза ляховъ при видѣ патріарха, видѣлъ и полный недоброжелательности взглядъ боярина князя Салтыкова, брошенный на владыку съ порога кельи.

Потомъ Миша ясно разслышалъ, какъ Салтыковъ подступилъ съ цѣлымъ градомъ обвиненій къ патріарху...

— Не мути, владыка, смирись!—звучалъ непристойно-громко въ маленькой кельѣ его голосъ.—Всѣмъ вѣдомо, что ты опять въ Нижній-Новгородъ грамату посылать ладишь... И въ лавру къ архимандриту Діонисію то-жъ... А не вѣдаешь того, што ежели его величество король Сигизмундъ сына намъ пришлетъ на царство, отъ воровъ намъ въ этомъ, отъ разрухи спасенье одно... Вонъ въ ополченіи распри пошли... Воренка, сына Марины, атаманъ Заруцкій посадить на престолъ ладитъ... Такъ лучше-жъ признать царемъ корень королевскій... Отпиши же въ ополченіе Ляпунову, чтобъ распустилъ войска.

— Вѣрно говоритъ вельможный князь! Отецъ патріархъ на томъ долженъ согласиться! — ломанымъ языкомъ вмѣшался въ эти рѣчи и Гонсевскій.

И всѣ поляки, вошедшіе за нимъ въ келью, залопотали что-то скоро-скоро, размахивая руками, на мало понятномъ для Миши языкѣ.

Патріархъ поднялся съ мѣста. Мрачнымъ огнемъ засвѣтились его глаза.

— Неугоденъ Богу и народу православному царь Латинской вѣры!—произнесъ онъ твердо, отчеканивая каждое слово.—И нѣтъ на то моего благословенія. И доколѣ будутъ латинцы верховодить святынями Кремлевскими, я, смиренный рабъ и служитель Господа, подниму голосъ свой и по всей Руси православной разсылать слово о спасеніи ея въ граматахъ стану... Муки, лютую казнь, смерть приму на томъ... Но не отрекусь отъ спасенія Москвы, града престольнаго.

— Не гожее говоришь, панъ патріархъ!—процѣдилъ сквозь зубы Гонсевскій и шепнулъ что-то Михайлѣ Салтыкову.

Послѣдній такъ и закипѣлъ, такъ и рванулся въ сторону святителя.

— Берегись, отче!—крикнулъ онъ съ яростью.

Еще мигъ, и что-то сверкнуло въ его рукѣ.

Миша, трепещущій и дрожащій, рванулся тоже изъ своего убѣжища.

— Владыку убиваютъ! На помощь къ владыкѣ!—беззвучно вырвалось изъ его судорогой сведеннаго горла, и, не помня себя, онъ кинулся отъ оконца къ монастырскимъ сѣнямъ съ твердымъ намѣреніемъ бѣжать на помощь къ владыкѣ. Но дрожащія руки Сергѣича насильно удержали мальчика.

— Гляди! Гляди! Живъ онъ! Постой! Постой, боярчикъ!

И старикъ-дядька насильно подтащилъ къ прежнему мѣсту мальчика. Что-то необычайное въ одинъ мигъ произошло въ тайникѣ. Ножъ Салтыкова, которымъ онъ замахнулся на патріарха, выпалъ у него изъ рукъ, точно по чужой, самому боярину невѣдомой волѣ. И передъ рослой широкоплечей фигурой польскаго сторонника выросла худая высокая фигура Гермогена.

Поднялась изъ-подъ черной мантіи блѣдная сухая рука святителя и осѣнила воздухъ широкимъ крестомъ. Мрачно горящіе глаза засіяли неземнымъ вдохновеннымъ сіяніемъ.

— Крестъ—моя единственная защита противу ножа твоего, измѣнникъ! Будь же ты проклятъ навѣки отъ нашего смиренія,—жутко прозвучало громкими и ясными звуками по тайнику Чудовской обители.

Жгли горючимъ огнемъ глаза патріарха. Несокрушимою высшею силою вѣяло отъ всего его существа.

Дрогнулъ Салтыковъ, дрогнулъ Гонсевскій, поляки... Какъ испуганные звѣри, толпою отпрянули они къ дверямъ, выскользнули въ сѣни... А страшное проклятіе все еще неслось за ними вдогонку...

Это было въ послѣдній разъ, что Миша видѣлъ, хотя и издали, Гермогена.

И вскорѣ послѣднюю свою грамату послалъ для Нижняго-Новгорода Гермогенъ черезъ Діонисія, настоятеля Тройце-Сергіевской лавры.

Потомъ его не стало: поляки перестали давать пищу запертому въ тайникѣ святителю, и патріархъ Гермогенъ погибъ мученической голодной смертью, безъ ропота, какъ истинный ревнитель вѣры православной.

□ □ □

А осада Кремля все длилась...

События смѣнялись событіями.

Теперь Москвою правили трое: Ляпуновъ, Трубецкой и Заруцкій. Но въ войскѣ намѣчавшіяся еще при самомъ началѣ осады распри теперь окончательно разстраивали дѣло спасенія Москвы отъ поляковъ. Особенно казачество вело себя буйно и непристойно-дико.

Воспользовавшись ложнымъ слухомъ, распущеннымъ врагами Прокопія Ляпунова, геройски честнаго и благороднаго военачальника, казаки подняли бунтъ, во время котораго убили на радѣ (сходкѣ) Ляпунова.

Послѣ его смерти еще бо́льшій расколъ поднялся въ войскѣ. Многіе стольники, дворяне и дѣти боярскія разъѣхались по домамъ. Распустивъ большую часть земскаго ополченія, уѣхали и сами воеводы. Казаки съ Заруцкимъ разбрелись шайками по окрестностямъ и грабили все, что могли.

Сигизмундъ, взявшій Смоленскъ, послалъ въ Польшу привезеннаго къ нему царя-плѣнника Василія Шуйскаго, доставленнаго сюда Жолкевскимъ. Бывшаго царя съ братьями отослали въ Варшаву, а затѣмъ заточили въ Гостынскій замокъ.

Бѣда за бѣдою грозили Россіи. Шведы заняли Новгородъ. Въ Псковѣ появился новый самозванецъ. И къ довершенію несчастій, страшный голодъ свирѣпствовалъ на Москвѣ, гдѣ уже безпрепятственно хозяйничали поляки. Судьба запертыхъ въ Кремлѣ бояръ съ ихъ семействами вполнѣ зависѣла отъ нихъ. Казацкія полчища подъ Москвою поддерживали осаду, но подъ видомъ защиты грабили жителей Москвы и окрестныхъ поселянъ. Наступила страшная пора для Руси...

Государство гибло... Русь умирала въ эту пору лихолѣтія мучительной, медленной смертью, судорожной агоніей послѣдняго конца.

III.

ПОЗДНИМЪ осеннимъ вечеромъ, когда все спокойно спало на Романовскомъ подворьѣ, въ свѣтелкѣ боярышни Настасьи Никитичны еще теплилась восковая свѣча.

Сама Настя что-то спѣшно перебирала въ тяжелой скрынѣ. Вотъ вынула она оттуда темный смирный лѣтникъ, скромную тѣлогрѣю и совсѣмъ простой, безъ всякихъ узоровъ, дѣвичій вѣнецъ.

Проворно сбрасывала съ себя обычный свой нарядъ боярышня и замѣняла его простенькими одеждами, добытыми изъ скрыни. Затѣмъ, одѣвшись, повязала голову темнымъ платкомъ, низко опустивъ его на самыя брови.

Помедливъ посреди горницы, оглянувъ, словно на прощанье, родную свѣтелку, гдѣ незамѣтно и весело въ семьѣ брата до шестнадцати лѣтъ протекало ея дѣтство, Настя подошла къ божницѣ и рухнула передъ ней на колѣни.

— Господи! Творецъ-Вседержитель! — шептала дѣвушка,—прими жертву мою!.. Огради отъ горя-злосчастья несчастную семью нашу!.. Верни брата Филарета подъ сѣнь родного гнѣзда... Помоги сестрѣ Маѳѣ вырастить

и поднять Михаила... Дай имъ счастье, Господи, цѣною моей жизни, цѣною моей радости утерянной, дай!.. Прими жертву, Господи, отъ недостойной рабы Твоей, Творецъ-Вседержитель, Господь Всесильный. Отведи карающую десницу свою отъ дома сего! Къ тебѣ прибѣгаю. Возьми жизнь мою, Владыка Небесный, и пошли имъ благо за это, моимъ родичамъ незабвеннымъ, братьямъ, сестрамъ, отроку Михаилу, всѣмъ имъ, всѣмъ пособи, Вседержитель-Господь!

Съ этими словами замерла на мгновенье, распростершись передъ кіотомъ, Настя. Не въ первый разъ такъ молилась она.

Послѣ смерти Тани и ея молодого мужа, новое извѣстіе окончательно сразило Романовскую семью. Плѣнъ Филарета въ Маріенбургѣ, оказалось, былъ не временный, а постоянный. О возвращеніи старца никто не смѣлъ и помышлять. Какимъ-то чудомъ доставленная грамата оттуда рушила послѣднія надежды старицы Марѳы и ея семьи. И вотъ, послѣ всѣхъ этихъ невзгодъ, новыя мысли все чаще и чаще стали заглядывать въ голову Насти. Въ ея молодомъ, любвеобильномъ сердечкѣ появилось новое самоотверженное желаніе: желаніе самоотреченія, подвига, жертвы, на которую она рѣшила принести себя... Въ душѣ дѣвушки прочно воцарился образъ молодого князя Кофырева-Ростовскаго. Этой любовью и надеждою на скорое съ нимъ соединеніе жила всѣ эти долгія десять лѣтъ ея душа. Но не хватало силы у нихъ обоихъ строить свое счастье тогда, когда гибла Русь, когда вмѣстѣ съ ея несчастіями горе, то и дѣло посѣщало Романовскій домъ. И оба, и князь, и дѣвушка, подавляли въ себѣ нетерпѣніе ожидая лучшихъ дней. Послѣднее время, когда князь, участвовавшій въ земскомъ ополченіи, отсутствовалъ изъ Кремля, Настины мысли приняли совсѣмъ иное направленіе.

Что если она отречется отъ счастливаго будущаго и

ясныхъ надеждъ? Что, если спрячетъ подъ иноческій клобукъ голову, черной власяницей одѣнетъ тѣло и будетъ денно и нощно молить Бога о милости здѣсь же, въ ближней, пока длится осада Кремля, обители, а потомъ въ родномъ Ипатьевскомъ монастырѣ, подаренномъ Самозванцемъ инокинѣ Маѳѣ вмѣстѣ съ возвращенными Костромскими вотчинами? Приметъ ли ея жертву Господь? Отвратитъ ли отъ близкихъ ей, Настѣ, людей свою грозную десницу?

И она рѣшила. Рѣшила стать вѣчной молитвенницей за свою семью, до самой могилы, до самой смерти.

Мамушка Кондратьевна была въ заговорѣ съ Настей. Ей поручено было тайно снестись съ игуменьей ближняго монастыря, тайкомъ отъ старицы Маѳы вести переговоры. Та же мамушка принесла отвѣтъ Настѣ, что нынѣ ждутъ, какъ желанную гостью, невѣдомую боярышню для пострига въ обитель къ ночи... Обливаясь слезами, мамушка передала наканунѣ эту вѣсть Настѣ.

На завтра же утромъ назначено было и постриженье. Медлить было нельзя. И Настя собиралась съ лихорадочной поспѣшностью, боясь, чтобы кто-либо не замѣтилъ ея ухода. Помолившись Богу, она вернулась къ комоду.

Вотъ вынула она оттуда сверкающія драгоцѣнности, даренныя ей въ разное время старшимъ братомъ и невѣсткою... Вотъ подарки другихъ братьевъ... Ихъ отнесетъ она вмѣсто вклада въ обитель... А вотъ и даръ жениха: золотой перстенекъ съ цѣннымъ алмазомъ...

Дѣвушка медленно поднесла его къ губамъ.

Вмигъ сталъ передъ нею образъ молодого красиваго князя... Зазвучали въ ушахъ его ласковыя рѣчи... Знакомые, милые глаза желаннаго снова, какъ живые, заглянули въ душу. Огромной мучительной жалостью и любовью къ нему дрогнуло сердце Насти...

Дѣвушка едва устояла на ногахъ и только тѣсно прижала къ губамъ перстень.

— Прости, Никитушка, желанный! Не сѣтуй, не кляни меня на рѣшеніи моемъ,—прошептала она чуть слышно,— видитъ Богъ, люблю тебя я, а только клобукъ иноческій, да молитвы мои грѣшныя ради близкихъ моихъ нужнѣе мнѣ брачнаго вѣнца...

И уже почти спокойная, она обернулась на скрипъ отворяемой двери.

Вошла мамушка съ залитымъ слезами лицомъ.

— Боярышня! родненькая, желаненькая! Опомнись, пока не прошло время! Не покидай ты насъ, боярышня, золотая, болѣзная моя!—неожиданно рухнувъ на колѣни передъ Настей, зашептала Кондратьевна, обливаясь новыми слезами.

— Тише, мамушка, нишкни! Не приведи Господь, услышитъ старица-сестрица, либо Мишу разбудишь невзначай. Никто знать не долженъ, на што я иду... Отговаривать станутъ, просить, кручиниться, плакать,— трепетнымъ голосомъ отвѣчала ей Настя.

— Лебедушка наша! Може, осталась бы нами лучше,— заикнулась-было, всхлипывая, мама

— Нѣтъ... Нѣтъ... Господь съ тобою!.. Не смущай. Зарокъ я дала... Великую клятву—себя посвятить Богу, вымолить долю брату плѣненному, ради инокини-сестрицы, ради Миши... А вотъ это, мамушка, возьми и князю Никитѣ Кофыреву-Ростовскому передай. Скажи ему, что въ недобрый часъ, знать, повстрѣчали мы другъ друга. И что до послѣдняго часа своего буду его помнить, всю мою жизнь,—закончила чуть слышно свою рѣчь Настя, вынула изъ кармана завѣтный перстень и передала его мамѣ. Потомъ тихонько проскользнула изъ горницы въ сѣни, сдѣлавъ знакъ Кондратьевнѣ слѣдовать за нею.

Осторожно, на цыпочкахъ миновавъ дверь опочивальни невѣстки, затаивъ дыханье, она на мигъ заглянула въ горницу къ Мишѣ. Старый Сергѣичъ, крѣпко умаившись, храпѣлъ на сундукѣ въ углу. Миша, раски-

нувъ руки надъ кудрявой головою, безмятежно и сладко спалъ на своей мягкой постели. Настя на минуту склонилась надъ нимъ и впилась въ лицо племянника прощальнымъ взглядомъ.

— Господь съ тобою, родной мой! Не уберегли Танюшку болѣзную, авось тебя убережемъ. Може, дойдутъ мои грѣшныя молитвы до Бога, може хоть ты увидишь счастье, племянникъ любимый мой,—прошептала она.

Еще ниже склонилась надъ кроватью, осѣнила крестомъ кудрявую голову мальчика и нѣжно поцѣловала его въ лобъ.

И снова легкой тѣнью скользнула за дверь опочивальни. За нею мама... Темная осенняя ночь поглотила обѣихъ женщинъ.

□ □ □

Въ ту же ночь мамушка Кондратьевна, проводивъ Настю со слезами до воротъ женской обители и оставивъ ее тамъ на рукахъ у игуменьи, возвратилась назадъ.

А съ восходомъ солнца на дворъ Романовскаго подворья на взмыленномъ конѣ прискакалъ всадникъ, отставшій отъ разрозненныхъ рядовъ земскаго ополченія, уходившаго по домамъ. Съ трудомъ пропустили его въ защищаемый ляхами Кремль.

Это былъ князь Никита Кофыревъ-Ростовскій. Въ Романовскомъ подворьѣ уже хватились Насти, когда прискакалъ сюда князь. Испуганная старица Марѳа подняла на ноги всю челядь. Дѣвушку искали по всему Кремлю, но все тщетно. Насти и слѣдъ простылъ.

Въ отчаяніи бросились къ княгинѣ Черкасской, ютившейся поблизости. Но и тамъ не было Насти. Старица Марѳа рыдала неутѣшно. Всѣмъ сердцемъ сокрушался Миша. Въ отчаяніи готовъ былъ рвать на себѣ волосы князь Никита, узнавъ объ этомъ новомъ несчастьѣ. Онъ спѣшилъ повидать свою невѣсту, отвести съ нею душу, вмѣстѣ съ нею погоревать надъ тяжелой судьбой Руси. И не нашелъ ея...

Было уже позднее утро, когда неожиданно передъ княземъ Никитою выросла въ сѣняхъ фигура женщины и, передавая ему знакомый завѣтный перстенекъ, заливаясь слезами, шепнула:

— Въ ближнемъ монастырѣ твоя невѣста, княже... Не выдавай меня... Не смѣла я рушить клятвы... А передъ тобою молчать мнѣ невмочь сейчасъ. Бери коня, скачи въ обитель здѣшнюю Кремлевскую... Може и успѣешь застать Настасью Никитичну въ міру. Да меня не погуби у бояръ моихъ за помощь боярышнѣ!.. Нынѣ утромъ постричься думала Настасья Никитична... Авось поспѣешь.

Едва дослушавъ эти взволнованныя рѣчи, князь Никита бросился туда, куда посылала его мамушка. Надо было поспѣть во-время, надо было отговорить Настю, спасти любимую дѣвушку отъ иноческаго клобука.

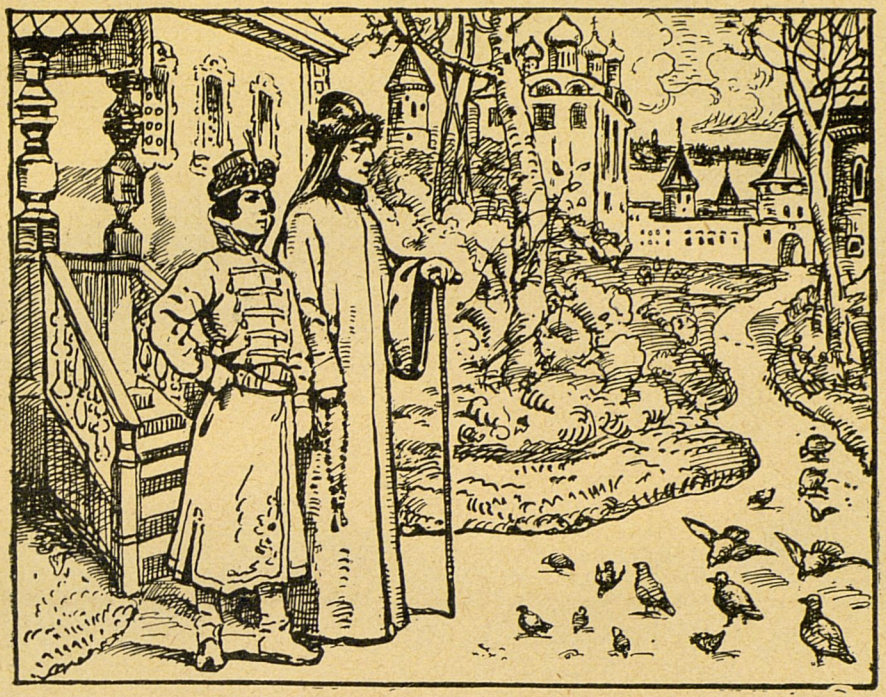
Уже солнце стояло высоко на небѣ, когда князь входилъ подъ своды обительскаго храма... Колокола звонили печальнымъ, словно похороннымъ, звономъ... Поздняя обѣдня только что отошла. Длинная шеренга черныхъ инокинь, черницъ и послушницъ медленно выходила изъ храма. Впереди другихъ тихо выступала стройная фигура молодой монахини. Князь, какъ вкопанный, остановился на паперти. Изъ-подъ чернаго клобука глянуло на него взволнованное, блѣдное, хорошо знакомое лицо его невѣсты. И прощальнымъ, любящимъ взглядомъ глянули дорогіе глаза..

Князь тихо вскрикнулъ, схватившись за перила паперти. Темный туманъ заклубился въ его глазахъ. Когда же онъ разсѣялся, черныя инокини давно уже скрылись въ ближнихъ сѣняхъ обители.

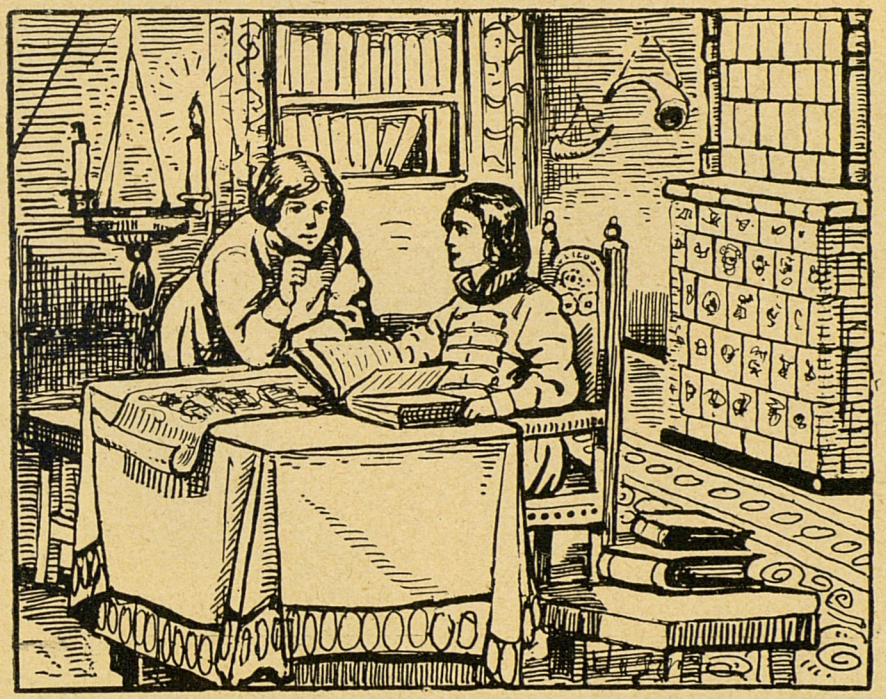
Все было кончено... Любимая дѣвушка скрылась, исчезла навсегда съ лица земли для князя. Настасья Никитична успѣла постричься.

Женская обитель закрыла свои тяжелыя двери за новой инокиней.

Жертва Насти была принята. Не стало боярышни Анастасіи Никитичны. Въ обители вмѣсто нея водворилась смиренная инокиня Ирина.



Михаилъ Ѳеодоровичъ въ саду дворца въ Ипатьевскомъ монастырѣ.



Михаилъ Ѳеодоровичъ занимается чтеніемъ.

Гос.
Публичная
Библиотека
в
Ленинграде

IV

СТУДЕНОЕ октябрьское утро стояло надъ Нижнимъ-Новгородомъ. Первые заморозки захолодили землю. Скупое осеннее солнышко слабо согрѣвало ее. Волга надулась и потемнѣла, передъ тѣмъ какъ уснуть на долгую зиму безмятежнымъ и крѣпкимъ ледянымъ сномъ.

Большой соборный колоколъ особенно четко гремѣлъ въ чистомъ и ясномъ осеннемъ воздухѣ. Толпы народа, помолясь въ соборѣ, выходили уже на паперть, когда къ дверямъ храма подскакалъ на загнанной долгимъ путемъ лошади полуживой отъ усталости вершникъ-монахъ.

— Къ отцу протопопу проведите!—успѣлъ только произнести онъ, вынимая изъ-за пазухи какой-то свитокъ и едва держась на ногахъ, послѣ долгой и томительной скачки. Его подхватили подъ руки и повели.

Протопопъ отецъ Савва уже снималъ облаченіе въ ризницѣ, когда передъ нимъ предсталъ замученный до полусмерти гонецъ въ полуиноческомъ, полумірскомъ одѣяніи.

— Отъ отца Діонисія, настоятеля Троице-Сергіевской

лавры, тебѣ, отче, и всѣмъ мірянамъ грамата. Прочти народу... Это святителя Гермогена послѣднее писаніе, — смогъ только выговорить тотъ, подавая свернутый въ трубку листъ пергамента.

Отецъ Савва быстро пробѣжалъ глазами свитокъ, поблѣднѣлъ и задрожалъ, какъ листъ.

Отъ имени владыки Гермогена Московскаго, незадолго до его смерти (писалъ келарь лавры, Авраамій Палицынъ), черезъ посредничество настоятеля Діонисія, пересылалась эта грамата въ Нижній-Новгородъ. Въ граматѣ говорилось о гибели русской земли, объ игѣ поляковъ, о бѣдственномъ положеніи Москвы и голодѣ, о разбояхъ и великой разрухѣ Московскаго государства. Заканчивалась грамата призываніемъ во имя Бога нижегородцевъ сплотиться стѣною и выйти вмѣстѣ съ другими городами постоять за Святую Русь.

Потрясенный, взволнованный, протопопъ трясущимися руками свернулъ бумагу и кратко приказалъ служкѣ звонить въ колокола и собирать въ соборъ разошедшійся уже было по домамъ народъ.

Въ нѣсколько минутъ снова наполнился храмъ нижегородскій. Загремѣло призывное слово святителя и лаврскихъ подвижниковъ подъ сводами церкви. Прочтена была Троицкая грамата. Вслѣдъ затѣмъ, яркой зажигательной рѣчью полился другой призывъ изъ устъ протопопа. Горяча была сильная рѣчь проповѣдника.

— Православные христіане! Гибнетъ святая вѣра. Гибнетъ государство Московское... Еретики-латинцы надругаются надъ святынею нашею... разоряютъ родину нашу... Губятъ ее... Доколѣ терпѣть станемъ, братіе? Доколѣ подчиняться будемъ ворогамъ вѣры и государства? Доколѣ спокойно глядѣть будемъ на великую разруху отчизны нашей?

Голосъ проповѣдника крѣпъ съ каждой минутой... Все мощнѣе звучала его рѣчь...

Народъ рыдалъ, ошеломленный и умиленный въ одно

и то же время. Подъ общее стенаніе закончилъ свою проповѣдь о. Савва. И едва замолкло послѣднее слово протопопа, какъ громкій, хорошо знакомый голосъ общаго любимца нижегородскаго, честнаго и неподкупнаго земскаго старосты, мясника Косьмы Захаровича Минина, по прозвищу Сухорука, прозвучалъ на всю церковь новымъ призывомъ:

— На Красную площадь, православные! Къ Лобному мѣсту спѣшите, братіе.

Всколыхнулась толпа и бурнымъ потокомъ хлынула на площадь. Въ нѣсколько мгновеній вокругъ Лобнаго мѣста все почернѣло отъ десятитысячныхъ головъ. Весь Нижній-Новгородъ сбѣжался сюда послушать старосту.

Почти на рукахъ внесла толпа Минина на Лобное мѣсто.

— Православные!—загремѣлъ оттуда его зычный голосъ, — слыхали, православные, грамату святителя? Слыхали, что отецъ Савва говорилъ? Погибаютъ Русь, святыни, вѣра наша... А мы глядимъ и ждемъ, какъ въ землѣ нашей хозяйничаютъ поганые ляхи!.. Чего ждемъ, православные? Гибнетъ Русь Святая! Погибаетъ Москва! Горе намъ! Горе намъ, брат.....

Сорвался отъ волненія мощный голосъ... Зарыдалъ Мининъ. За нимъ зарыдали въ толпѣ.

— Долой ляховъ! Идемъ на спасеніе родины! Отнимать Москву-Матушку идемъ!—крикнулъ кто-то въ средѣ народа. Къ нему присоединились другіе. И черезъ нѣсколько минутъ Лобное мѣсто уже дрожало отъ раздававшихся грозныхъ криковъ:

— Пойдемъ къ Москвѣ! Противу ляховъ поганыхъ! Вызволять святыни московскія!.. Вѣру православную спасать!

Косьма Захаровичъ обвелъ толпу влажными отъ слезъ, горящими глазами. И снова загремѣлъ его мощный голосъ надъ головами собравшагося народа:

— Захотимъ вызволить Москву, имѣнія своего не

пожалѣемъ, дворы продадимъ, женъ и дѣтей заложимъ... Ударимъ челомъ кому изъ воеводъ достойныхъ, чтобы повелъ наши дружины на выручку столицѣ... Казны не пожалѣемъ... Все, что есть, обратимъ на помощь ополченію... Отъ каждаго двора третью долю для святого дѣла откладывать будемъ... Добровольно жертвуйте, братіе... Я самъ, убогій, первый кладу, что имѣю у себя...

И, вынувъ кошель изъ кармана, Мининъ дрожащими руками высыпалъ изъ него все содержимое въ шапку.

Толпа заревѣла снова:

— Будь такъ! Будь такъ! Истинную правду молвилъ староста! Ничего не пожалѣемъ, братіе, для святого дѣла! Ни имѣнія, ни животовъ!..

Начались жертвованія. Посадскіе люди оцѣпили Лобное мѣсто. Появились сундуки-укладни. Народъ разсыпался по домамъ съ тѣмъ, чтобы вернуться къ Лобному мѣсту съ приношеніями.

Мужчины несли казну, утварь, доспѣхи, мѣха; женщины—одежды, украшенія, кольца, серьги, запястья. Все складывалось на Лобномъ мѣстѣ. Посадскихъ звали въ дома, передавали съ рукъ на руки все то, что не успѣвали вытащить на площадь. Тутъ же выбрали Минина для завѣдыванія сборомъ.

А въ слѣдующіе дни, подъ его же началомъ, нижегородскіе люди выбирали того, кому рѣшили поручить начальство надъ войскомъ.

Въ то время близъ Суздаля, у себя въ вотчинѣ, лечился отъ ранъ князь Димитрій Михайловичъ Пожарскій. Къ нему отправили гонцовъ по настоянію Минина съ просьбою отъ нижегородцевъ стать во главѣ ополченія.

— Съ радостью соглашусь служить великому дѣлу, ежели изберете изъ достойныхъ людей такого, кому ратной казной завѣдывать, чтобы на нее содержать войско,— отвѣчалъ посламъ Пожарскій.

Гонцы вернулись съ княжескимъ словомъ въ Нижній-

Новгородъ, и всѣмъ городомъ былъ единогласно избранъ Мининъ въ помощники князю воеводѣ и завѣдующимъ ополченской казной.

Съ того же дня начался и самый сборъ ополченія. Разосланы были граматы по ближнимъ поволжскимъ городамъ, затѣмъ, вслѣдъ за ними, и въ дальніе поморскіе. Рѣшено было собираться ополченію въ городѣ Ярославлѣ. Въ первыхъ числахъ апрѣля сюда первые пришли нижегородцы. Здѣсь они простояли четыре мѣсяца, не рѣшаясь двинуться къ Москвѣ безъ подкрѣпленія отъ остальныхъ городовъ. Здѣсь же образовалось временное правительство. Князь Димитрій Пожарскій съ Мининымъ, съ Ярославскимъ митрополитомъ Кирилломъ, съ духовенствомъ и боярами-воеводами образовали Земскій совѣтъ. Пока со всѣхъ сторонъ въ Ярославль стекались изъ другихъ городовъ ратные люди, „Совѣтъ всея земли“, какъ назывался этотъ совѣтъ, положилъ: въ Новгородъ отправить пословъ и занять мирными предложеніями укрѣпившихся въ немъ шведовъ, посуливъ имъ выбрать шведскаго королевича въ Московскіе цари; на Украйну, въ свою очередь, послать грамату съ приказомъ отстать отъ вора, появившагося тамъ, и присоединиться къ ополченію.

Что же касается казаковъ, то они сами отставали отъ Заруцкаго и присоединились къ Ярославскому ополченію.

Наконецъ, въ августѣ это ополченіе двинулось къ Москвѣ.

Заруцкій, хозяйничавшій вокругъ Москвы, узнавъ объ этомъ, ушелъ, съ оставшимися ему вѣрными людьми, въ Коломну, а оттуда въ Рязанскую землю.

Остатки войска Трубецкого, державшіе въ осадѣ Москву, посланы были навстрѣчу Пожарскому звать его: „стояти въ таборы“, то-есть, присоединиться къ прежнему ополченію.

Но Пожарскій, хорошо зная разбойничью распущенность казаковъ, отказалъ Трубецкому и укрѣпился отъ него отдѣльно.

Гетманъ Ходкевичъ, посланный королемъ Сигизмундомъ съ запасами въ помощь сидѣвшимъ въ осадѣ въ Кремлѣ полякамъ, быстрымъ ходомъ приближался къ Москвѣ. Но онъ опоздалъ: князь Пожарскій уже стоялъ на лѣвомъ берегу Москвы-рѣки. Казаки на правомъ.

Ходкевичъ напалъ на дружины Пожарскаго.

Казаки сначала спокойно смотрѣли на битву.

Поляки начали одолѣвать.

И тутъ-то не выдержали русскія сердца.

— Бьютъ нашихъ! Поможемъ своимъ, братцы!—крикнули казацкіе атаманы и, слившись съ ополченскими дружинами, ударили на поляковъ.

Бой разгорался... Москва стонала отъ лязга оружія, отъ пушечной пальбы и воплей погибавшихъ... Кровь русская и польская, смѣшавшись, лилась рѣкою.

Но самое жуткое было еще впереди...

Наступило 24-ое августа, рѣшающій день для осаждающихъ и осажденныхъ въ Кремлѣ поляковъ.

V.

СЪ самаго ранняго утра уже загремѣли пушки. Дымъ отъ мортиръ сѣрымъ туманомъ клубился надъ Москвою. Трескотня самопаловъ и лязгъ холоднаго оружія сливались съ воплями раненыхъ и стонами умиравшихъ. Хмурое небо окрасилось заревомъ тутъ и тамъ загоравшихся отъ выстрѣловъ строеній. Зловѣщимъ казался этотъ пурпуръ небесъ. И такой же пурпуръ заливалъ землю.

Всю ночь на стѣны Кремля втаскивались все новые и новые снаряды.

Изможденные продолжительнымъ голодомъ и стычками съ осаждающими, польскіе жолнеры, съ суровыми сосредоточенными лицами, слушали команду своихъ пановъ-ротмистровъ. Иногда открывались стремительно ворота Кремля, и польскій отрядъ съ саблями наперевѣсъ выступалъ изъ засады. Быстро снова закрывались ворота, задвигались тяжелыми засовами, и вновь ждали осажденные сосредоточенно и сурово возвращенія своихъ лазутчиковъ.

Самъ гетманъ, панъ Гонсевскій, руководилъ стрѣльбою на стѣнахъ Кремля. Его красный кунтушъ мелькалъ

направо и налѣво. Но голодные, изнуренные гайдуки и жолнеры трясущимися руками брали невѣрные прицѣлы. Безполезно ухали мортиры, не принося особаго вреда тѣмъ, кто бился тамъ внизу, въ Китай-городѣ, за разрушенными стѣнами Бѣлъ-города и на Москворѣчьѣ. Паны-ротмистры то-и-дѣло подбодряли устававшихъ, измученныхъ солдатъ, чуть живыхъ отъ голода и изнуренья.

Имъ сулили скорую побѣду, напоминали о томъ, что ради нихъ его величество король на выручку имъ прислалъ Ходкевича съ полками и провіантомъ.

И, собравъ послѣднія усилія, измученные жолнеры посылали свое „виватъ!“ съ высоты стѣнъ Кремля...

□ □ □

На высокой звонницѣ Чудова монастыря, притаившись за высокимъ колоколомъ, стояло двое людей. Красивый юноша, лѣтъ 15—16-ти, и сморщенный, но еще бодрый старикъ. Ихъ лица были худы и блѣдны, одежды мѣшкомъ сидѣли на обоихъ. Страшный голодъ, свирѣпствовавшій среди осажденныхъ, давалъ себя знать и имъ. Отсюда, съ этой вышки, оба они могли видѣть весь ходъ сраженія, происходившаго внизу. Вся Москва отсюда видна, какъ на ладони.

— Глянь, глянь, Сергѣичъ! Наши никакъ дрогнули... Отступаютъ... Господь Всесильный! Самъ гетманъ Ходкевичъ ударилъ на острогъ, коимъ князь Никита Кофыревъ, своякъ нашъ, воеводитъ. Гляди, гляди, Сергѣичъ, никакъ дрогнули его люди, обращаются вспять!—замѣтилъ взволнованно Миша, которому хорошо была видна знакомая широкоплечая фигура князя.

Онъ узналъ его сразу съ начала битвы, хотя съ ухода перваго земскаго ополченія не видѣлъ князя Никиты. Доходили слухи, что Никита Ивановичъ, послѣ потери убитаго брата и постриженія невѣсты, уѣхавъ изъ Москвы, попалъ въ Ярославль въ тѣ дни, когда тамъ набиралось ополченіе, и поступилъ подъ знамена Минина и Пожарскаго.

Миша и Сергѣичъ, находившіеся съ утра на вышкѣ, давно примѣтили знакомую фигуру, безстрашно носившуюся впереди своего отряда. Съ захватывающимъ волненіемъ юный Романовъ слѣдилъ за битвою. И снова сердце его, какъ прежде, замирало отъ жгучаго желанія придти на помощь своимъ, собрать тайно отъ поляковъ всю Романовскую челядь и отвести ее самолично подъ начало того же князя Никиты, что ли, либо другого воеводы... Но слезы старицы Марѳы, ея ужасъ передъ разлукой съ нимъ, Мишей, охлаждали невольно пылъ отважнаго юноши.

Горящими глазами слѣдилъ Миша за тѣмъ, что происходило за стѣнами Китай-города и Кремля. Высокая звонница монастырская упиралась въ стѣну... И такою близкою казалась битва тамъ вдали...

Начинало смеркаться, а битва все не утихала. Сергѣичъ нѣсколько разъ напоминалъ молодому боярчику, что безпокоится матушка старица его долгимъ отсутствіемъ, а Миша все не рѣшался оставить своего поста. Прибѣгали челядинцы съ Романовскаго подворья и снова уходили отсюда, чтобы отнести Марѳѣ Ивановнѣ свѣжія вѣсти о ходѣ сраженія.

До самыхъ сумерекъ не прекращалось оно. Окопы и остроги по нѣскольку разъ въ этотъ кровавый день переходили изъ рукъ въ руки.

Ходкевичъ со своими полками насѣдалъ на дружины Пожарскаго. Казаки снова бездѣйствовали, предоставляя управляться земскому ополченію одному съ врагами. Вотъ-вотъ, казалось, дрогнетъ ополченіе, изнуренные долгимъ боемъ, воины поддадутся врагу. Тогда Мининъ, зорко наблюдавшій битву, подскакалъ къ князю воеводѣ. Вожди совѣщались недолго. Чего-то просилъ Мининъ. Ему утвердительно отвѣчалъ Пожарскій. И вотъ, съ низко надвинутымъ на глаза шеломомъ, въ забрызганной вражеской кровью бранной кольчугѣ, недавній земскій старо-

ста и мясникъ, какъ заправскій воинъ, метнулся въ битву.

Взявъ три конныхъ сотни у князя воеводы, Косьма Мининъ самъ повелъ ихъ со стороны Крымскаго брода.

Этотъ натискъ былъ такъ неожиданъ для поляковъ, что они замялись. Разстроились ихъ ряды и, дрогнувъ, ударились въ бѣгство по пути къ гетманскому стану. Разя своей саблей, Мининъ кинулся за ними слѣдомъ. Вокругъ него, подъ ударами отбивавшихся враговъ, падали лучшія силы ополченія. Самъ родной племянникъ Минина скатился замертво съ коня, залитый кровью. Нѣсколько молодыхъ бояръ упали тутъ же. Но даже смерть племянника не остановила Минина. Только сердце сжалось отъ боли, да энергичнѣе заработала его сабля по головамъ враговъ.

На помощь ему неслись казачьи сотни. Самъ Авраамій Палицынъ, келарь Троице-Сергіевской лавры, пришедшій съ Ярославскимъ ополченіемъ въ Москву, прислалъ ихъ изъ-за рѣки.

Пользуясь сумерками, онъ пробрался въ казачій станъ и въ горячей зажигающей рѣчи убѣдилъ казаковъ спѣшить на помощь ополченію.

Ходкевичъ былъ разбитъ. Доставленный имъ въ Москву провіантъ достался осаждающимъ.

Взволнованный и потрясенный, смотрѣлъ на эту картину кроваваго пира со своей вышки Миша. Онъ видѣлъ расправу Минина... Видѣлъ гибель его племянника и другихъ русскихъ воиновъ... И на его глазахъ знакомый бѣлый конь князя Никиты грохнулся со своимъ всадникомъ на землю... И всадникъ, и конь не поднялись больше.

Миша снялъ шапку и перекрестился. Вѣщее сердце почуяло, что не встанетъ больше съ земли молодой князь.

Сумерки сгущались сильнѣе. Стало трудно разли-

чать битву. „Виватъ“ поляковъ покрыли торжествующіе крики русскихъ:

— За вѣру православную! За Святую Русь!

Въ дальнемъ станѣ поднялись хоругви. На спѣхъ подбирались мертвыя тѣла. Уносили раненыхъ. Служили молебенъ за дарованную побѣду...

— Пойдемъ, боярчикъ-батюшка. Матушка-боярыня, старица, истомилась, ждетъ, я чаю, ни жива, ни мертва,—тронувъ за руку Мишу, произнесъ Сергѣичъ.—Не воскресить все едино ни князя Никиты-витязя, бранную кончину воспріявшаго, ни другихъ православныхъ! Господа Бога надо благодарить, что отбили у ляховъ снѣди и самихъ ихъ прогнали, окаянныхъ! Не скоро сунутся они опять.

И старикъ трижды перекрестился, глянувъ на куполъ Чудовского храма.

Молча прошелъ Миша къ себѣ на подворье. Старикъ воротникъ, узнавъ въ надвигавшихся сумеркахъ юнаго хозяина, впустилъ его.

Юный Романовъ вступилъ на крыльцо, вошелъ въ сѣни и остановился на минуту, чтобы придти въ себя и успокоиться немного отъ пережитаго имъ волненія, прежде чѣмъ пройти къ матери. Затѣмъ, придавъ своему разстроенному лицу спокойное выраженіе, онъ переступилъ порогъ горницы.

Его мать была не одна въ свѣтелкѣ.

Здѣсь находились княгиня Черкасская и Иванъ Никитичъ, бывшій думскій бояринъ, едва державшійся на ногахъ отъ болѣзни и слабости. Онъ уже не вмѣшивался въ дѣла правленія, тамъ засѣдали братавшіеся съ гетманомъ бояре, сторонники Сигизмунда.

На лавкѣ, скрывшись въ темномъ углу горницы, сидѣла какая-то черная фигура не то инокини, не то странницы, которую Миша едва замѣтилъ въ переживавшемся имъ волненіи.

— Наконецъ-то вернулся, голубь мой сизокрылый!—

прошептала старица Марѳа. — Истомились мы, тебя дожидаючись...

— Матушка! Побѣдили наши! Отступили ляхи поганые! Отбили у нихъ возы съ хлѣбомъ... Не попасть имъ въ Кремль! — горячо вырвалось изъ груди юноши.

Старица Марѳа поднялась въ волненіи со своего мѣста.

— Вѣрно ли? Такъ ли, сыночекъ? — переспросила она пересохшими отъ волненія губами.

— Вѣрно, матушка! Спроси Сергѣича! Сами видѣли, какъ наши гнали ляшскіе полки.

— Стало быть...—вставилъ свое слово Иванъ Никитичъ,—надо готовиться всѣмъ намъ къ голодной смерти... Послѣднихъ воробьевъ поѣли въ эти дни въ осадѣ... Хлѣбушка давно не пекутъ, мука вся вышла... Што-жъ, никто, какъ Богъ! Слава Тебѣ, Господи, что не удалось мучителямъ отечества получить припасы!

— Слава Тебѣ, Господи!—произнесли за нимъ тихо женщины и перекрестились.

— Зато вѣра торжествуетъ православная... Господь помогъ надъ ляхами одержать побѣду... А голодъ не страшенъ... Самъ владыка Гермогенъ голодной смертью преставился, такъ намъ грѣшнымъ по его святому примѣру не такъ страшно будетъ умирать!—горячо вырвалось у Миши.

— Истинную правду сказалъ ты, племянникъ,—раздался за спиною у Миши знакомый голосъ.

Онъ живо обернулся и изумленнымъ взоромъ окинулъ говорившую.

— Настя! — съ изумленіемъ вырвалось у него.— Настюша-голубушка, откуда ты?

И онъ бросился обнимать неожиданную и дорогую гостью, которую уже не думалъ увидѣть когда-нибудь.

Часъ тому назадъ, эта гостья смиренно постучалась въ ворота Романовскаго подворья и упала въ объятія ошеломленной неожиданностью старицы Марѳы.

Чтобы вмѣстѣ пережить страшное время или умереть въ родной семьѣ, пришла изъ своей обители молодая инокиня Ирина. Вѣдь никто изъ осажденныхъ уже не сомнѣвался, что для Москвы наступали послѣдніе дни!.. Голодъ и месть запертыхъ въ осадѣ, озлобленныхъ поляковъ не сегодня-завтра должны были обрушиться на сидѣвшихъ съ ними бояръ и ихъ семейства.

И Настя пришла раздѣлить со своими послѣднюю участь.

Исхудалая, измученная за это злосчастное время, она съ нѣжной любовью смотрѣла сейчасъ на своего любимца-Мишу. И сердце ея сжималось тяжелымъ предчувствіемъ неотвратимой бѣды. Кто знаетъ, что можетъ случиться завтра, когда озлобленные, изголодавшіеся ляхи будутъ рыскать по домамъ бояръ, отыскивая добычу и пищу?.. О, если-бъ хоть князь Никита былъ здѣсь... Онъ молодой и смѣлый... Онъ сохранитъ ей ея золотого Мишу, и сестру-старицу, и всю семью!..

И Настя вслухъ выразила эту мысль.

Тихій вздохъ вырвался въ отвѣтъ на это изъ груди Миши. Каріе глаза юноши опустились подъ зоркимъ взглядомъ тетки.

И по этому стону, и по опущенному долу взору молодая инокиня поняла все...

— Князь Никита? Гдѣ онъ? Извѣдалъ ты о немъ что-либо? Живъ ли онъ? Померъ? Убитъ? — спросила Настя взволнованнымъ, дрожащимъ голосомъ.

Сильнѣе защемило сердце юноши.

Онъ поднялъ голову... Невыразимою грустью наполнились его глаза... И дрогнувшія губы шепнули:

— Настюша... родимая... видѣлъ я... самъ видѣлъ, какъ князь Никита замертво упалъ съ конемъ подъ ударомъ вражьимъ...

И Михаилъ прижался кудрявой головою къ плечу инокини.

Блѣдная рука молодой монахини ниже надвинула на глаза иноческую повязку, и чуть слышно произнесъ покорный, смиренный голосъ:

— Господь вѣдаетъ лучше насъ въ добрѣ и въ лихѣ... И да будетъ Его святая воля надъ всѣми нами во вѣки вѣковъ.

— Аминь!—произнесъ такой же смиренный голосъ другой инокини, старицы Марѳы.

□ □ □

Слѣдствія побѣды надъ гетманомъ Ходкевичемъ не замедлили отозваться на судьбѣ осажденныхъ. Отнятые ополченцами Пожарскаго у поляковъ хлѣбные и другіе запасы вырвали послѣднюю надежду на пропитаніе у кремлевскихъ осажденныхъ.

Призракъ начинавшагося еще до этого голода теперь разрастался до величины огромнаго несчастья. Поляки звѣрьми смотрѣли на богатыхъ бояръ, хотя панъ Гонсевскій всѣми силами удерживалъ ихъ отъ грабежа.

Въ то время въ Грановитой Палатѣ сторонники Сигизмунда писали новыя граматы польскому королю, торопя его прислать королевича Владислава на царство. Но русское ополченіе сторожило осажденный Кремль, и только отъ разбитаго Ходкевича польскій король узналъ о полномъ пораженіи и бѣгствѣ его полковъ.

VI.

СНОВА на дворѣ октябрь, но не радостно-ясный и румяный по прошлогоднему... Непрерывные дожди обратили въ болота московскія улицы, площади и крестцы... То-и-дѣло, съ утра до вечера, мороситъ нудный, непріятный осенній дождикъ. Солнце не выглядываетъ цѣлыми недѣлями изъ-за облаковъ. Хмурая и тяжелая картина разрушенной пожарами Москвы кажется еще печальнѣе въ эти пасмурные дни. Но въ осаждающихъ Кремль дружинахъ царитъ бодрое и свѣтлое настроеніе... Еще немного терпѣнія, одна-другая недѣля, и замученные голодомъ и болѣзнями поляки должны будутъ сдаться поневолѣ.

Нѣсколько дней тому назадъ, казаки приступомъ взяли Китай-городъ. Въ самый Кремль былъ посланъ гонецъ съ граматою отъ князя Пожарскаго. „Полковникамъ и всему рыцарству: нѣмцамъ, черкасамъ и гайдукамъ, которые сидятъ въ Кремлѣ“,—такъ начиналась эта грамата, наполненная убѣжденіями прекратить напрасную распрю, сдаться, открыть ворота Кремля. „Этимъ,—говорилось дальше въ граматѣ,—сбережете ваши головы въ цѣлости. Присылайте къ намъ, не мѣшкая, а я возьму на

свою душу и всѣхъ ратныхъ людей за васъ упрошу: которые изъ васъ захотятъ въ свою землю, тѣхъ отпустимъ безъ всякой зацѣпки, а которые захотятъ служить Московскому государю, тѣхъ пожалуемъ по достоинству".

Такъ заканчивалась грамата главнаго воеводы.

□ □ □

Народъ, только что отслушавъ обѣдню, выходилъ изъ Успенскаго собора, когда нѣсколько гайдуковъ появилось на паперти храма, сзывая толпу на Красную площадь Кремля.

Горсть неволею запертыхъ въ Кремлевской осадѣ вмѣстѣ съ ляхами московичей, похожихъ скорѣе на тѣни, нежели на живыхъ людей, отъ голода и перенесенныхъ лишеній, въ страхѣ ринулась подгоняемая окружавшими жолнерами къ Лобному мѣсту. По большей части это были холопы, челядинцы бояръ, кремлевскихъ сидѣльцевъ, отсиживавшіе со своими господами осаду.

На площади кричали поляки, слышна была всюду быстрая польская рѣчь.

Съ Лобнаго мѣста читалась присланная грамата.

Едва только думскій дьякъ закончилъ чтеніе ея и сошелъ съ Лобнаго мѣста, невообразимый шумъ поднялся въ толпѣ.

Польскіе ротмистры и полковники заносчиво кричали, что они скорѣе взорвутъ Кремль, нежели откроютъ ворота и сдадутся лапотникамъ, земскому ополченію. Вѣдь имъ досконально извѣстно, что самъ его величество король Сигизмундъ спѣшитъ на выручку осажденному въ Кремлѣ отряду.

Высокій, черноусый полякъ въ красномъ кунтушѣ, блѣдный и худой, какъ и всѣ находившіеся въ осадѣ люди, особенно горячо убѣждалъ своихъ соотечественниковъ отвѣтить на присланную грамату гордымъ отказомъ.

— Что-жъ дѣлать, рыцари!—гремѣлъ его голосъ,— нѣтъ провіанта, но есть вино, и въ царскихъ погребахъ, и въ боярскихъ. Пустимъ жолнеровъ по подворьямъ... Пусть порыщутъ въ боярскихъ теремахъ, авось и соберутъ фуражу...

— Ни, панъ, не можно этого, панъ гетманъ не приказалъ грабить бояръ,—послышались робкіе голоса изъ толпы.

— Што намъ панъ гетманъ? Панъ гетманъ дружитъ съ московичами въ то время, когда достойное рыцарство гибнетъ съ голоду... Пану королю одному отвѣчать будемъ,—неистовствовали новые голоса.

Поднялись споры, крики.

— Давно пора добираться до фуража. Наши люди мрутъ съ голоду, какъ мухи!

— Пускай гетманъ велитъ открыть боярскіе погреба!

— Хлѣба! Хлѣба, а не вина намъ надо!—кричали одни.

— Во хмелю легче перенести голодъ!—отвѣчали другіе.

Начались сумбуръ и сумятица невообразимые. Небольшая толпа русскихъ со страхомъ прислушивалась къ этимъ крикамъ. Высокій худощавый старикъ, находившійся здѣсь, среди народа, какъ только начались шумъ и споры, незамѣтно вынырнулъ изъ толпы и метнулся по направленію Романовскаго подворья. Это былъ Сергѣичъ.

Онъ уже не шелъ, а бѣжалъ такъ быстро, насколько позволяли ему его дряхлыя ноги. Голова старика кружилась и отъ голода, и отъ переживаемаго имъ волненія. „Что же это?—проносились ужасныя мысли въ его головѣ.—Перепьются ляхи поганые, по домамъ бросятся, грабить зачнутъ... Придутъ и на Романовское подворье. Да нешто позволятъ имъ это онъ, Сергѣичъ, съ боярскою челядью? Биться за своихъ хозяевъ они станутъ. До послѣдней капли крови оберегать ихъ имущество и животы. А только, что они, горсточка холоповъ вѣрныхъ, подѣлать смогутъ среди столькихъ злодѣевъ, озлобленныхъ, голодныхъ, готовыхъ на звѣрство и лютость во хмелю?“ Теряя нить мыслей, съ отчаяньемъ въ душѣ, Сергѣичъ почти бѣгомъ достигъ воротъ подворья. Приказавъ мимоходомъ крѣпко-накрѣпко воротникамъ держать ворота на запорѣ, онъ прошелъ въ домъ.

Въ свѣтлицѣ боярыни, старицы Маѳы вся семья была въ сборѣ. Миша успокоивалъ мать, особенно грустившую все это послѣднее время. Молодая инокиня Ирина совѣщалась вполголоса съ княгиней Черкасской.

Одинъ только Иванъ Никитичъ отсутствовалъ. Онъ былъ на совѣщаніи у князя Мстиславскаго по поводу присланной граматы отъ воеводы.

Сергѣичъ, какъ только вошелъ, такъ и повалился въ ноги своей боярынѣ.

— Матушка-боярыня, Маѳа Ивановна, лихо пришло!— произнесъ заплетающимся языкомъ старикъ.—Бунтуютъ ляхи окаянные... По подворьямъ рыскать ладятъ, снѣди да браги искать хотятъ. Изморились ихъ людишки въ конецъ... Мало того, что коней поѣли, да псину съ кошатиной, самъ своими ушами слыхалъ, передъ обѣдней толковалъ народъ, какъ гайдукъ своего помершаго ребенка ѣсть зачалъ... Едва отняли... Съ голоду ума рѣшился человѣкъ. Такъ нешто отъ такихъ злодѣевъ ждать чего хорошаго можно?.. Озвѣрѣлъ народъ... Матушка-боярыня, дозволь тебя схоронить съ Мишенькой да съ боярыней-княгиней и съ боярышней-инокиней... Чего добраго нынче же набѣгутъ злодѣи... Мы-то всѣ грудью за тебя съ семьею станемъ... Да нешто намъ справиться будетъ съ ними? Такъ куды лучше было бы въ тайничокъ вамъ всѣмъ перебраться, въ подклѣти, гдѣ укладки съ мѣхами на лѣтнее время хоронимъ, а я велю коврами тамъ полъ устлать да стѣны да постели перенести туды... Да дверь-то потайная тамъ, не видать ея будетъ въ стѣнѣ... Инъ и переждете лихое время... А придутъ злодѣи, мы ихъ не подпустимъ... Грудью всѣ до единаго ляжемъ, вся челядь, какъ есть... Только бы васъ спасти отъ бѣды неминучей, бояръ, государей нашихъ...

Старикъ докончилъ свою рѣчь.

Миша бросился къ нему, поднялъ его и усадилъ на лавку.

— Хорошо ты придумалъ, Сергѣичъ, матушку и тетокъ схоронить въ тайникѣ... А я съ тобою, да съ холопами охранять ихъ станемъ. Самопалы возьмемъ, а сабли прежнія батюшкины холопамъ раздадимъ... У воротъ станемъ... Слышь, Сергѣичъ? И пущай только сунется сюды хоть единый ляхъ...

Марѳа вскрикнула и обвила руками голову сына, прерывая эти пылкія рѣчи.

— Никуда не пойду безъ тебя, соколъ мой, голубь мой, Мишенька! Не разлучусь съ тобою... Безъ тебя не стану хорониться въ тайникѣ.

Пылающіе глаза юнаго боярчика потухли сразу.

— Матушка, дозволь тебя и тетокъ защищать мнѣ съ челядью!..—взмолился было снова юноша.

Блѣдная, взволнованная инокиня Ирина выступила впередъ.

— Полно, Миша, не къ мѣсту твоя отвага... Нешто не видишь, лица нѣтъ на матушкѣ твоей!?—съ укоромъ произнесла дѣвушка.

Михаилъ взглянулъ въ глаза матери, и сердце его сжалось отъ любви и нѣжности. Онъ потупился смущенно, потомъ, рванувшись къ ней, крѣпко обвилъ поблѣднѣвшую старицу.

— Не тревожься, матушка! Не посмѣю ослушаться тебя... Куды хошь, съ тобою пойду... Въ тайникѣ запрусь, матушка, только не кручинься, не бойся за меня, родимая!—горячо срывалось съ его устъ.

Слушая эти рѣчи, старица Марѳа понемногу приходила въ себя. Мучительные дни, голодъ, лишенія—ничто не было страшно для матери, безпредѣльно нѣжно любившей своего сына, когда онъ былъ подлѣ нея.

VII.

НИКАКЪ пуще зашумѣли на крестцѣ? Никакъ къ обители подбираются!—стоя у накрѣпко запертой двери, бросала отрывисто молодая инокиня Ирина, тревожными глазами взглядывая на сестру, невѣстку и племянника.

Въ небольшомъ тайникѣ, находившемся въ подклѣтяхъ-кладовыхъ Романовскаго подворья, три женщины съ Михаиломъ жили уже вторую недѣлю. Здѣсь укрыты они отъ враговъ стараніями Сергѣича и челяди. Тотъ же вѣрный Сергѣичъ съ холопами сторожитъ ихъ неустанно и доставляетъ сюда, въ тайникъ, все необходимое для своихъ бояръ, пищу и питье, по два раза въ день. Незавидная это пища. Остатки богатыхъ запасовъ давно изсякли въ Романовскихъ кладовыхъ. Уже около года длится осада Кремля, и за этотъ годъ, лишенные свѣжихъ подвозовъ, все, до послѣдняго куска солонины, съѣли осажденные. Теперь сама старица не знаетъ, чѣмъ кормитъ ихъ вѣрный слуга. А Сергѣичъ, питающійся самъ одною капустою, какъ и вся челядь, умудряется, частью изъ остатковъ запасовъ, частью изъ другой добычи, устраивать полдники и ужины для несчастной

семьи. Но этого не хватило на долгое время. И вотъ старикъ выходитъ подъ видомъ нищаго изъ подворья каждое утро, проскальзываетъ къ знакомому купцу-торгашу, случайно очутившемуся въ осадѣ. У того въ томъ домѣ, гдѣ онъ поселился по неволѣ до снятія осады, еще не опустѣли кладовыя. Запасся купецъ не на одинъ годъ мукою и другою снѣдью и дѣлится съ Сергѣичемъ по-братски, зная, ради кого хлопочетъ старикъ. Мученики они, Романовы, такъ ужли-же не порадѣть для такихъ людей, невинно страдающихъ всю жизнь!

И старикъ-купецъ помогаетъ, чѣмъ можетъ, Сергѣичу.

Жутки эти хожденія стараго дядьки-дворецкаго. Голодные поляки, какъ звѣри, рыщутъ по Москвѣ, вынюхивая добычу. Панъ гетманъ Гонсевскій силою, подъ угрозой пытокъ и смертной казни, удерживаетъ ихъ отъ необузданнаго желанія врываться въ дома бояръ и грабить ихъ кладовыя.

Сергѣичъ говорилъ правду, что люди, обезумѣвшіе отъ голода, готовы поѣдать трупы умершихъ. Ужасный голодъ свирѣпствовалъ среди осажденныхъ. Только въ часы опьянѣнія забывалось о немъ. Но были еще болѣе жуткія мгновенія, когда польскіе гайдуки и жолнеры накидывались на винныя бочки, то и дѣло выкатываемыя изъ Кремлевскихъ погребовъ и подклѣтей домовъ, оставленныхъ боярами.

А король Сигизмундъ, между тѣмъ, приближался къ Москвѣ со свѣжимъ войскомъ. Голодные поляки ожили при этомъ извѣстіи, становились наглѣе съ каждымъ днемъ, съ каждымъ часомъ.

— Самъ король идетъ къ намъ на выручку! Наградитъ насъ за долгую лихость и покараетъ измѣнниковъ!—говорили эти, полуживые отъ голода, опьянѣвшіе отъ чаянія близкой наживы, люди и ждали лишь удобнаго мгновенія, чтобы начать грабежъ.

Обо всемъ этомъ только что сообщилъ вернувшійся

изъ своего послѣдняго „похода“ Сергѣичъ, заглянувшій въ тайникъ къ схороненнымъ тамъ хозяевамъ.

— И то вѣрно, пожалуй,—тревожно произнесла инокиня Ирина, прислушиваясь къ глухому шуму и воплю толпы, доносившимся сюда съ крестца;—никакъ грабятъ уже поблизости.

— О, Господи! Близехонько отъ насъ...—простонала княгиня Черкасская.—Ужъ кончали бы скорѣича! А то вторую седмицу сиднемъ сидимъ здѣся... Истомились и мы, и Мишенька! Ждемъ ровно казни смертной!

Марѳа съ укоромъ взглянула на старшую золовку, потомъ перевела печальные глаза на Мишу.

Какъ исхудало, какъ измѣнилось до неузнаваемости это дорогое для нея сыновнее лицо въ тайникѣ, за эти десять дней жизни впроголодь, подъ вѣчнымъ ожиданіемъ нападенія и при постоянномъ желаніи скрыть отъ матери и тетки муки, переживаемыя юношей!

— Правда, княгинюшка! Ужъ скорѣе бы! Хоть одинъ конецъ! Смерть легчѣе этого томленія!—мысленно произносила несчастная старица-мать.

И, казалось, сама судьба подслушала это желаніе... Крѣпче, сильнѣе зашумѣла толпа на крестцѣ... Точно двинулась вдоль улицы къ Романовскому подворью... Глухо доносятся до тайника громкіе крики... Польская брань... Лязгъ сабель... Шаги цѣлаго отряда... Вотъ у воротъ остановились какъ будто... Громче вопятъ... Ударъ, одинъ, другой, третій...

Блѣдныя, какъ смерть, женщины переглянулись между собою... Миша рванулся впередъ... Нѣжныя руки матери обняли его крѣпко...

Сергѣичъ кинулся изъ тайника, духомъ перебѣжалъ дворъ и дрожащимъ голосомъ крикнулъ изъ-за воротъ подворья:

— Проваливайте, не то палить будемъ, а воротъ не откроемъ злодѣямъ... Ни въ жизнь!..

Въ отвѣтъ на эти слова раздался знакомый голосъ Ивана Никитича:

— Впускай, Сергѣичъ, впускай, ради Господа! Я, какъ бояринъ твой, приказываю тебѣ!

□ □ □

Гнетущее чувство охватило трехъ женщинъ и Мишу, когда они остались одни. Никто изъ нихъ не сомнѣвался, что на вѣрную гибель побѣжалъ отважный дворецкій. Никто изъ нихъ не сомнѣвался, что поляки ворвутся къ нимъ, что гибель ихъ неминуема...

Княгиня Черкасская упала на колѣни передъ иконою. Тихо шептала молитвы инокиня Ирина. Обвивъ мать руками, тѣсно сжавъ ее въ объятіяхъ, шепча слова успокоенія и ласки, ждалъ своей участи юный Михаилъ.

Вотъ сильнѣе, яснѣе шумъ за стѣнами тайника. Цѣлая толпа идетъ по двору... Стучатъ, лязгаютъ саблями...

Ближе, ближе...

Распахнулась дверь...

На порогѣ ея стоитъ Иванъ Никитичъ, съ нимъ старый польскій ротмистръ съ сивыми усами и Сергѣичъ. За ними поляки.

— Дядя!—вскрикиваетъ Миша, бросаясь къ боярину.

Тотъ наскоро обнимаетъ племянника и взволнованнымъ голосомъ бросаетъ:

— Сестрицы! Миша! Сбирайтесь! Идемъ отселѣ! Князь Димитрій Михайловичъ наказалъ гетману всѣхъ боярынь съ дѣтьми выпустить изъ Москвы.

Одинъ общій стонъ облегченія вырвался изъ устъ присутствовавшихъ.

— Спасены!

— Куда, куда ты поведешь насъ, братецъ?—метнулась молодая инокиня Ирина къ боярину.

Но послѣдній молча взялъ за одну руку Мишу, за другую

старицу Марѳу и, наказавъ двумъ сестрамъ слѣдовать за ними, вывелъ ихъ изъ тайника на Романовское подворье, оттуда на улицу. Отрядъ поляковъ съ начальникомъ ротмистромъ, бряцая саблями, замыкалъ шествіе.

Вотъ миновали улицу, крестецъ, вышли на площадь. Тамъ уже ждала небольшая группа людей. Сѣдой какъ лунь бояринъ, князь Ѳеодоръ Ивановичъ Милославскій, Шереметьевъ съ семьею, Сицкіе и другія семьи боярскія кинулись навстрѣчу Романовымъ.

— Спасены! Спасены!—несется однимъ сплошнымъ гуломъ по площади Кремлевской.—Слава Тебѣ, Господи! Отвелъ карающую руку отъ насъ!

Широко распахнулись Спасскія ворота, и толпа заключенныхъ въ Кремлѣ русскихъ боярынь съ дѣтьми, окруженная польской стражей, вышла изъ Кремля. И снова запахнулись за ними крѣпкія тяжелыя ворота Кремлевскихъ твердынь. Теперь впереди освобожденныхъ находилось одно русское ополченіе — свои, родныя русскія лица.

Но почему-же такъ хмуры они?.. Ближе всѣхъ находятся къ нимъ казаки Трубецкого. Ихъ лица искажены злобой, глаза полны ненависти. Взоры, встрѣчающіе боярскія семейства, горятъ, какъ у волковъ. Марѳа ловитъ на себѣ одинъ изъ такихъ, полныхъ ненависти, взоровъ и невольнымъ движеніемъ хватаетъ за руку деверя.

— Что-жъ это, Иванъ Никитичъ, слышь?

А кругомъ словно рокотъ прибоя нарастаетъ казачій ропотъ... Голоса крѣпнутъ, растутъ...

— Ишь, вороги наши! Съ ляхами якшались погаными! Въ Кремлѣ цѣльный годъ запирались! Ограбить ихъ за это!—выдѣлились яснѣе и громче отдѣльные голоса.

И крѣпче уже сомкнулось кольцо бунтующихъ вокругъ безпомощныхъ и безоружныхъ боярынь. Кругомъ всюду замелькали грозныя лица... Угрожающія движенія... Злымъ

огнемъ сверкающіе глаза... Все это не предвѣщало ничего добраго для несчастныхъ беззащитныхъ семей боярскихъ. Вотъ вырвался изъ толпы дюжій донской казакъ и вплотную подошелъ къ старицѣ Марѳѣ, глядя жаднымъ взоромъ на мѣховое ожерелье, обвивавшее ея плечи. Минута—и протянулась за добычей дерзкая рука казака. Вдругъ юный Михаилъ метнулся между ними.

— Не смѣй подходить къ матушкѣ!—прозвучалъ его звонкій голосъ, исполненный какихъ-то, Богъ вѣсть откуда появившихся, властныхъ нотокъ. И гордо, съ остраткой, блеснули молодые смѣлые глаза юноши... Этотъ взглядъ больше грознаго окрика боярина Ивана Никитича подѣйствовалъ на казака: онъ отступилъ, смущенный, передъ смѣлымъ взоромъ полуюноши, полуребенка.

Въ тотъ же мигъ, вооруженный съ головы до ногъ, подскакалъ къ толпѣ боярынь князь-воевода.

— Добро пожаловать!—произнесъ князь Димитрій Михайловичъ, сходя съ коня и привѣтствуя Кремлевскихъ сидѣлицъ.—Вѣдомы намъ были муки ваши и долготерпѣніе... И наказали мы ляхамъ выпустить васъ... Животы ихъ зато цѣлыми сохранить посулили, когда станемъ брать приступомъ ужо Кремль... Свободны вы, матушки-боярыни. Куды прикажете, туды и доставимъ васъ всѣхъ. Дома здѣшніе разорены у многихъ изъ васъ, такъ я приказалъ въ Китай-городѣ палаты заготовить на случай... На первое время потѣснитесь пока что...

Потомъ онъ съ низкимъ поклономъ склонился передъ старицей Марѳой и Иваномъ Никитичемъ съ сестрами и племянникомъ и добавилъ:

— А васъ, господа бояре и боярыни Романовы, куды доставить прикажете?

Старица Марѳа задумалась на мгновенье, нахмурила чело, провела рукою по лицу.

Нѣтъ, нѣтъ, въ Москвѣ ей не мѣсто нынѣ. Слишкомъ

глубоко и много настрадалась она, чтобы оставаться въ этомъ гнѣздѣ разрушенія и муки. Да и не безопасно это. Еще, не приведи Господь, крѣпче озлобятся противъ нихъ казаки. Не поняли они, что не по своей волѣ заодно съ врагами отсиживали, запертыя поляками, семьи русскихъ бояръ въ Кремлѣ. Довольно съ нея пережитыхъ ужасовъ и страховъ!.. И трепещущимъ голосомъ она проговорила:

— Вели насъ доставить отселѣ, въ Кострому, княже, въ намъ дарованную Ипатіевскую обитель. Отдохнуть и помолиться душа проситъ послѣ всѣхъ горестей, обрушившихся на насъ...

— Твоя воля, матушка, боярыня-старица!—поклонился ей снова главный воевода.

Казаки, еще незадолго до того смотрѣвшіе съ ненавистью на боярскую семью, теперь съ тихимъ ропотомъ отхлынули назадъ, совѣщаясь между собою:

— И впрямь, видно, не по своей волѣ въ осадѣ съ ляхами якшались бояре! Правы да невинны они, ежели самъ князь воевода оказываетъ имъ честь да почетъ.

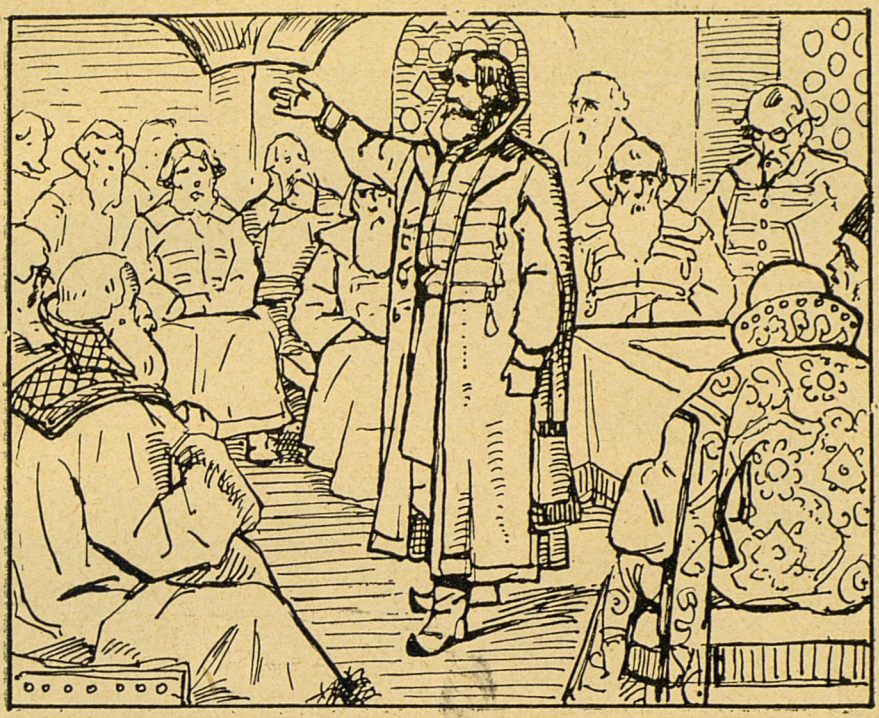
□ □ □

Еще черезъ недѣлю побѣжденные голодомъ, измученные годовою осадою, поляки сдались.

Ворота раскрылись настежь, и ополченіе вошло въ полуразграбленный Кремль.

Торжественно былъ отслуженъ молебенъ въ Успенскомъ соборѣ. Самъ Діонисій, настоятель Троице-Сергіевской лавры, во главѣ ополченія, первый вошелъ въ соборъ. Зазвонили колокола во всѣхъ уцѣлѣвшихъ послѣ пожара и разоренія церквахъ московскихъ, и толпы измученнаго народа, разбѣжавшагося по окрестностямъ, стали стекаться въ Москву. Король Сигизмундъ, повернулъ съ дороги обратно, узнавъ о сдачѣ Кремля.

Лишь только отдохнули немного отъ всѣхъ пережи-



Первое засѣданіе Собора въ Кремлѣ.

Выборы Михаила Ѳеодоровича Романова.

Гос.
Публичная
Библиотека

тыхъ ужасовъ москвичи и земское ополченіе, какъ о новомъ, важномъ и радостномъ событіи оповѣстилъ народъ князь Димитрій Михайловичъ Пожарскій.

Рѣшено было избрать царя „всей землею". Полетѣли гонцы съ граматами по всей Россіи, по всѣмъ городамъ русскаго государства съ приказомъ немедленно присылать выборныхъ людей, изъ духовнаго, боярскаго, дворянскаго и торговаго сословій, изъ посадскихъ людей и уѣздныхъ. По десяти выборныхъ изъ каждаго города.

Когда они съѣхались, былъ назначенъ трехдневный постъ. Служились молебны. Молились Богу усердно, чтобы вразумилъ людей кого выбрать въ цари. Великій Соборъ избирающихъ долго не могъ придти къ окончательному рѣшенію. Подавались записи за бояръ старинныхъ русскихъ родовъ, назывались имена князей Голицына, Мстиславскаго, Трубецкого... Называлось тихо и нерѣшительно и другое имя...

Земскій Соборъ раскалывался. Начинались распри. Разгоралась борьба сторонъ.

И вотъ, въ одно изъ засѣданій изъ толпы галицкихъ выборщиковъ выступилъ человѣкъ, дворянинъ родомъ. Заявилъ онъ, что ближайшими по крови и родству русскимъ царямъ являются бояре Романовы. И тотчасъ же слѣдомъ за этимъ на столѣ передъ князьями, боярами и воеводами очутилась записка съ уже нѣсколько разъ произнесеннымъ на Соборѣ именемъ. Ее торжественно положилъ на столъ какой-то донской атаманъ.

— Отъ меня запись эта, принимай, князь-батька!— произнесъ онъ, смѣло выступая впередъ.

— Кому же, какъ не ему быть царемъ!—произнесъ онъ отчетливо и твердо на всю Палату.

Мертвое молчаніе воцарилось въ Грановитой Палатѣ.

Во время этой полной тишины, въ головѣ донца-атамана быстрѣе молніи промелькнула снова, едва ли не въ сотый разъ, картина осажденнаго Кремля... ши-

роко раскрытыхъ воротъ крѣпости и выхода изъ нея боярынь...

Необычайно ярко представилось атаману, какъ метнулись было его казаки къ освобожденнымъ, съ цѣлью ограбить боярскія семейства...

И онъ не остановилъ ихъ...

Былъ и онъ самъ озлобленъ, какъ и товарищи его, на всѣхъ кремлевскихъ сидѣльцевъ, хотѣлъ ограбить, унизить ихъ всѣхъ, отплатить имъ за сидѣнье съ ляхами въ осадѣ...

И вдругъ появился мальчикъ, юноша смѣлый и прекрасный въ своей отвагѣ, и крикнулъ на одного изъ казаковъ властнымъ голосомъ, полнымъ негодованія и гнѣва!.. Его неожиданный крикъ, осадившій перваго казака, приковалъ къ мѣсту другихъ. Было что-то царственное въ этомъ юношѣ, въ пылающемъ взглядѣ его молодыхъ глазъ.

И вспомнивъ о немъ еще до подачи своей записки, донской атаманъ вспомнилъ заодно и происхожденіе отъ царской крови этого юноши. Онъ, этотъ юноша, внукъ царицы Анастасіи, жены Грознаго, онъ двоюродный племянникъ послѣдняго прирожденнаго царя Ѳеодора Іоанновича. Такъ ужли ему, происходящему отъ царскаго корня, уступить престолъ другому?

И донской атаманъ смѣло, слѣдомъ за галицкимъ дворяниномъ, начерталъ избранное имъ имя на своей записи.

— Какое ты писаніе подалъ, атаманъ?—спросилъ князь Пожарскій, принимая свитокъ.

— О природномъ царѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ Романовѣ,—твердо, не сморгнувъ, отвѣчалъ донецъ.

Велика была сила такой увѣренности, и она рѣшила дѣло.

Соборъ всколыхнулся сразу. На устахъ всѣхъ зазвучало имя того, кто являлся достойнѣйшимъ престола Россійскаго.

Были разосланы снова люди по всѣмъ городамъ съ по-

рученіемъ узнать мнѣніе народное о выборѣ Собора. И всюду звучалъ одинъ отвѣтъ: не хочетъ народъ иного царя, опричь юнаго Михаила Романова!

Въ недѣлю православія 21-го февраля 1613 года было назначено послѣднее торжественное засѣданіе Собора въ Успенскомъ соборѣ. Всѣ выборщики подали записи снова, и въ каждой записи стояло одно имя:

— Михаилъ Ѳеодоровичъ Романовъ.

Тогда духовенство съ боярами вышли на Красную площадь спросить московичей о ихъ согласіи выбрать предложеннаго царя и не успѣли еще дойти до Лобнаго мѣста, какъ несмѣтныя толпы собравшагося здѣсь народа загремѣли на всю площадь:

— Михаила Ѳеодоровича Романова хотимъ на царство!

И бурною волною прокатились эти слова по всей Москвѣ, по всей Руси православной ..

VII.

ЗИМА въ томъ году стояла снѣжная и пушистая на рѣдкость. Но то и дѣло давалъ себя чувствовать крѣпкій морозъ. Кружила мятель съ утра и слѣпила глаза прохожимъ. Свистѣлъ и завывалъ вѣтеръ.

На краю села Домнина, окруженнаго со всѣхъ сторонъ лѣсами, пріютилась на рѣкѣ Шачѣ обширная боярская усадьба. И самое Домнино, и болѣе 57 поселковъ и деревень, прилегавшихъ къ нему, и ближайшій, находившійся въ нѣсколькихъ верстахъ подъ Костромою, Ипатьевскій женскій монастырь, все это принадлежало сейчасъ боярынѣ-инокинѣ Марѳѣ Ивановнѣ съ сыномъ. Но самой боярыни не было сейчасъ въ Домнинѣ; она проживала въ Ипатьевскомъ монастырѣ, подъ Костромой.

Въ хорошо, заново отдѣланныхъ палатахъ устроилась старица Марѳа со своимъ любимцемъ-сыномъ и молодою инокинею Ириною, младшей своей золовкой.

Въ далекой Москвѣ осталась княгиня Черкасская. Остался тамъ же и Иванъ Никитичъ. Маленькая семья уменьшилась замѣтно. Но отъ этого еще крѣпче сплотились трое людей, заброшенныхъ сюда, въ глубь Россіи,

въ тихую костромскую глушь. Въ Москвѣ шли выборы, волновалось и шумѣло людское море. А въ Ипатьевскій монастырь не долетали никакіе слухи изъ далекой столицы, ничто не смущало покоя обители, никакіе мірскіе толки. Тишь да гладь царили здѣсь. Молитвы, постъ, службы церковныя, задушевныя семейныя бесѣды, да тихая скорбь по томившемуся въ плѣну Филарету заполняли все время двухъ инокинь и юноши Михаила.

Нерѣдко удосуживался юный Михаилъ въ обществѣ своего вѣрнаго дворецкаго-дядьки Сергѣича наѣзжать въ Домнино, куда старый знакомый, староста Иванъ Сусанинъ заманивалъ его охотою на зайцевъ да лисицъ въ обширныхъ окрестныхъ лѣсахъ. Гащивалъ съ дядькой по нѣскольку дней въ своей усадьбѣ Миша подъ присмотромъ двухъ заботливыхъ стариковъ, а потомъ снова возвращался въ обитель къ матери, и снова текла тамъ, подъ звонъ обительскихъ колоколовъ, тихая монастырская жизнь этого, отрѣзаннаго отъ всего міра, глухого гнѣзда.

Нынѣ съ особенной радостью пріѣхалъ вмѣстѣ съ Сергѣичемъ Миша въ усадьбу. Сусанинъ оповѣстилъ его нѣсколько дней назадъ, что открылъ новые слѣды зайцевъ. Предстоялъ веселый ловъ, большое развлеченіе среди однообразной монастырской жизни.

Съ вечера улегся пораньше Миша. Въ ночь поднялась мятель.

Подъ свистъ ея спалось такъ хорошо и сладко, а на утро, едва проснувшись, юноша увидѣлъ слюдовыя оконца, запушенныя снѣгомъ. Увидѣлъ и вспомнилъ предстоявшую потѣху. Ужли же ей помѣшаетъ мятель?

— Сергѣичъ! Давай терликъ на куньемъ мѣху! Да валенки теплые! Небось, въ нихъ никакой морозъ не прошибетъ!—крикнулъ юноша, приподнимаясь на постели.

Но старый дворецкій, обычно ночевавшій подлѣ въ сѣняхъ, на этотъ разъ не откликнулся на зовъ своего боярчика.

Вмѣсто того шла какая-то странная суматоха въ сѣняхъ... Заговорили два голоса, спорили о чемъ-то какъ будто жарко. Потомъ затихали снова и опять говорили приглушенно, очевидно, съ опаскою разбудить Мишу.

Онъ помедлилъ немного, выжидая...

И снова крикнулъ:—Сергѣичъ!

Дверь распахнулась. Вѣрный дядька очутился на порогѣ горницы. На немъ лица не было. Губы дрожали, руки тряслись, глаза, исполненные тревоги, въ отчаяніи и страхѣ смотрѣли на Михаила.

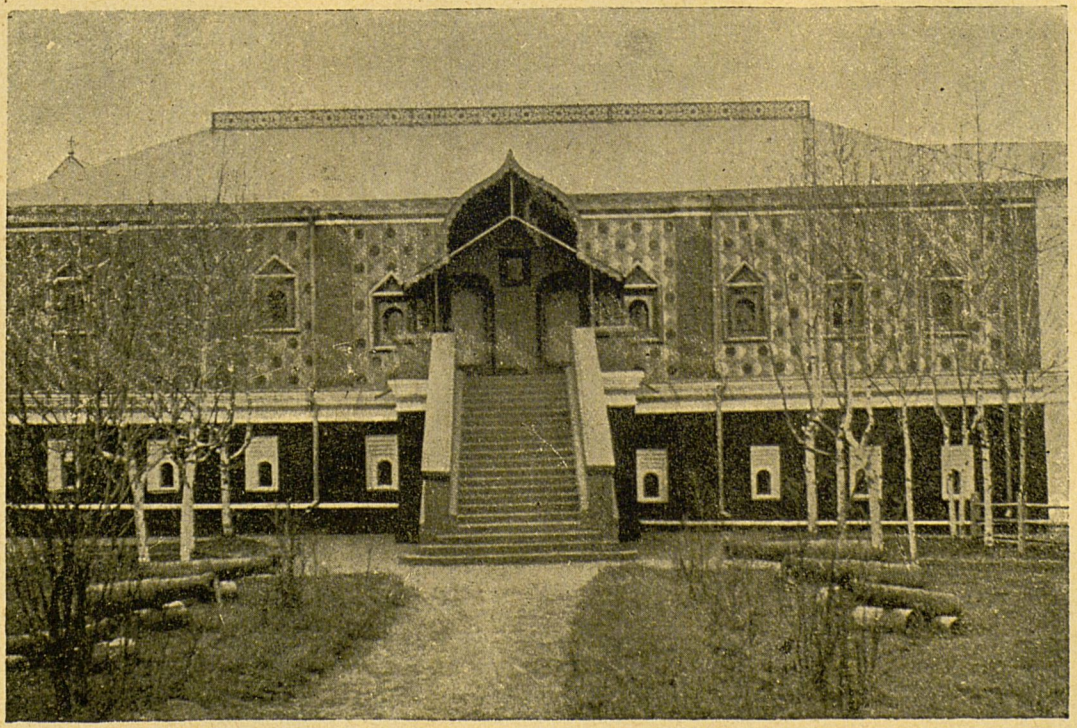
Точно ножомъ рѣзнуло по сердцу юношу.

— Что случилось? Занемогла матушка? Гонца прислали изъ обители?—взволнованно срывалось съ устъ юноши.

— Дитятко мое! Боярчикъ мой! Здорова матушка... Не ей, а тебѣ грозитъ опасность... Тебя злодѣи добиваются... Гибель тебѣ грозитъ!—не выдержавъ, кидаясь къ Мишѣ, всхлипывая, едва произнесъ Сергѣичъ.

— Мнѣ?! Какіе злодѣи? Откуда ты это взялъ? Кто, кто они?—забросалъ дядьку вопросами Миша.

— Батюшка! Самъ не вѣдаю... Богдашка Сабининъ, зять Сусанина, сейчасъ изъ Деревенщины примчалъ... Сказываетъ, какіе-то воровскіе люди, не то ляхи, не то разбойники, тебя добиваются... Ищутъ окрестъ Домнина. Въ Желѣзноборовской обители ночевали нынче, всего въ 15 верстахъ отсель, и въ Деревенщину дошли. Староста туды съ вечера ѣхалъ на дровняхъ за силками для лисицъ, ради потѣхи твоей милости... А они какъ набѣгутъ... Дочку свою Сусанинъ укрылъ въ тайникѣ, а Богдана къ тебѣ прислалъ. Наказалъ просить твою милость скорѣича на коня садиться да въ Ипатьевскую обитель скакать къ матушкѣ, а онъ тѣмъ временемъ во-



Дворецъ Романовыхъ въ Ипатьевскомъ монастырѣ.

Гос.
Публичная
Библиотека
в
Ленинграде

ровскихъ ляховъ въ сторону отъ Домнина отведетъ... Окручивайся, Христа ради, боярчикъ, скорѣича... Да не въ терликъ боярскій, а въ простую одежу, благо полушубокъ да шапка найдутся у дворовыхъ людей. А то могутъ узнать.

И Сергѣичъ, трясясь отъ волненія, принялся помогать своему боярину одѣваться.

— Впусти Богдана! Пускай разскажетъ все!—кратко приказалъ дворецкому Миша.

Вошелъ молодой крестьянинъ, женатый на дочери Домнинскаго старосты, жившій въ дальнемъ поселкѣ Деревенщинѣ, и подтвердилъ все сказанное Сергѣичемъ.

Какіе-то невѣдомые люди встрѣтили Сусанина въ то время, когда онъ ѣхалъ къ зятю за силками для боярчиковой потѣхи, и велѣли ему проводить ихъ туда, гдѣ жилъ молодой бояринъ Романовъ.

— А рожи у нихъ звѣрскія, презвѣрскія, и промежъ себя они все шушукаются, да то ихняго короля, то какого-то царя молодого Московскаго поминаютъ. По-ляшски все говорятъ, не понять хорошо-то, а ровно про это! Тесть-то, не будь дуракъ, и привелъ ихъ къ моей избѣ. Велѣлъ жену спрятать, да ихъ покормить для времени. А самъ меня сюда снарядилъ, да велѣлъ тебѣ наказать, чтобъ духомъ скакалъ въ обитель по Домнинской дорогѣ, а самъ онъ ихъ туды заведетъ, куды воронъ костей не заноситъ, потому хорошо видать, что не съ добромъ пожаловали они сюда,— закончилъ свою рѣчь Богданъ Сабининъ.

— И то, боярчикъ, мѣшкать нельзя! Убьетъ матушку-старицу, коли што случится съ тобою!—взмолился Сергѣичъ.

Недолго колебался Миша. Какъ живой всталъ передъ нимъ образъ матери, любящей беззавѣтно своего „голубя Мишеньку“. Уже ради нея надо было спасаться, бѣжать отъ шайки злодѣевъ. Вѣдь одинъ онъ у нея,

Миша. Безъ него, что станется съ родимою? Но Сусанинъ? Что сдѣлаютъ съ нимъ злодѣи?

Сердце облилось кровью въ груди юноши, когда онъ подумалъ объ этомъ.

Но уже поздно было спасать Сусанина. Онъ находился среди воровского отряда. Одинъ Богъ только могъ его спасти. А ему, Мишѣ, тамъ въ обители о здравіи раба Божія Ивана молебенъ отслужить надо. И можетъ отведетъ руки злодѣевъ отъ вѣрнаго слуги Господь!..

Эти быстрыя мысли проносились въ головѣ юноши, пока онъ снаряжался въ путь.

Получасомъ позднѣе, два просто, почти бѣдно, одѣтыхъ всадника неслись во весь опоръ по Домнинской дорогѣ. Вотъ проскакали полѣсокъ... завернули на Костромскую дорогу и къ вечеру уже стучали въ ворота Ипатьевскаго монастыря.

И старица Марѳа, уже чуявшая какую-то бѣду инстинктомъ своего любящаго материнскаго сердца, съ рыданьемъ обняла вернувшагося сына...

□ □ □

Медленно, едва передвигая ноги, пробирался по глухому лѣсу небольшой отрядъ. Мятель и вьюга кружили немилосердно. Польскіе гайдуки и жолнеры, съ усатымъ паномъ ротмистромъ и нѣсколькими мелкими начальниками во главѣ, по колѣно въ снѣгу, выискивали дорогу. Ихъ было человѣкъ шестьдесятъ. Впереди бодро и спокойно шагалъ Сусанинъ. Не впервые приходилось ему бродить по этому лѣсу, гдѣ онъ билъ рябчиковъ и тетеревей по осени, зайцевъ и лисицъ зимою. Внимательно прислушиваясь къ далеко непонятной для него польской рѣчи, старикъ успѣлъ, однако, схватить отдѣльныя слова. И изъ нихъ догадался о рѣшеніи поляковъ.

Шайка „воровскихъ ляховъ“ искала Михаила, чтобы убить его. Это было для него ясно. Но почему и за что убить юнаго, никому не причинявшаго зла, боярчика,

Поляки и Сусанинъ.

«Жизнь за царя».

Гос.
Публичная
Библиотека
им.
Ленинград

этого Сусанинъ понять не могъ... Въ душѣ его съ первой же минуты встрѣчи съ нимъ отряда уже назрѣло рѣшеніе: отвести густымъ лѣсомъ, какъ можно дальше отъ Домнина, поляковъ, дать возможность молодому боярину ускакать подъ Кострому и завести поляковъ куданибудь подальше въ глушь... А тамъ хоть смерть... Лишь бы спасти своего молодого хозяина... Лишь бы вернуть старицѣ Маѳѣ ея единственное дѣтище, лишь бы отслужить боярамъ-господамъ свою вѣрную службу... Радъ онъ на пытку и смерть пойти для своихъ господъ.

Эта мысль такъ воодушевила старика, что онъ обернулъ сіявшее лицо къ медленно подвигавшимся за нимъ, уставшимъ до полусмерти ляхамъ.

— Поусердствуйте еще малость, господа паны!—произнесъ онъ съ улыбкой.—Вотъ свернемъ за эти деревца и на дорогу выйдемъ. Тутотка, какъ есть, дорога быть должна.

Высокій, худой и посинѣвшій отъ холода ротмистръ, кое-какъ понимавшій по-русски, закричалъ, коверкая слова:

— Песья кровь! Москаль проклятый! Онъ еще смѣется! Застыли мы... Холодъ, вьюга, а ему и горя мало!

И рукояткой сабли онъ со злобой ударилъ Сусанина по плечу.

Тотъ проглотилъ обиду и, не измѣняя привѣтливаго выраженія лица, произнесъ, какъ ни въ чемъ не бывало:

— Полно, не гнѣвайся, панъ. Нешто я виноватъ, что мятелицу да вьюгу Господь посылаетъ? Говорю, къ вечеру поспѣемъ, ничего, что сбились съ пути: къ Домнину какъ разъ выйдемъ.

— А ты не врешь?—вступилъ въ разговоръ, также коверкая слова, молодой шляхтичъ.

— Зачѣмъ врать? — усмѣхнулся Сусанинъ. — Нешто мнѣ жизнь не дорога? Ишь, васъ сколько, а я одинъ, и сабли у васъ опять имѣются.

— Да! — самодовольно усмѣхнулся начальникъ. — Ты правъ, старикъ, съ нами шутки плохи!

Опять потянулись поляки, тяжело вытаскивая ноги изъ снѣга, среди вывшей и носившейся вокругъ нихъ мятели. А дороги все не видать... Вонъ сгустились деревья въ лѣсу... Зловѣще каркнулъ воронъ надъ головою... Стали медленно и безшумно падать зимнія сумерки...

Сусанинъ хорошо зналъ мѣсто. Еще пройти съ полуверсты, и порѣдѣютъ деревья. Покажется у опушки село Исупово, отстоящее отъ Домнина болѣе, нежели на 20 верстъ.

— Ходу, ходу, господа паны... Ужотка сейчасъ и у мѣста будемъ! — умышленно ободряющимъ голосомъ обратился къ своимъ спутникамъ старикъ.

Поляки снова съ бранью и угрозами запрыгали по сугробамъ.

Еще прошло около получаса. И снова старшій начальникъ крикнулъ:

— Клянусь именемъ Іисуса, здѣсь нѣтъ и не будетъ дороги! Старикъ насъ обманулъ!

— Такъ и есть, панове!—присоединилъ свой голосъ и другой ляхъ.

И вся шайка загалдѣла, зашумѣла, перекрикивая другъ друга.

Ротмистръ, лучше другихъ понимавшій и говорившій по-русски, обратился къ Сусанину:

— Эй, ты, москаль лукавый, остановись... Давай отвѣтъ: прямымъ ли путемъ ведешь ты насъ къ русскому царю?

Сусанинъ выронилъ изъ рукъ посохъ отъ неожиданности.

Лицо его отразило самое искреннее изумленіе.

— Къ царю? Къ какому царю, господа паны? Никакого царя не знаю... не вѣдаю, — произнесъ онъ растерянно, почти со страхомъ.

— Ишь, притворяется старая лисица. Невѣдомо тебѣ што ли, что твой бояринъ, Михайла Романовъ, въ цари всею Русью избранъ? И ловокъ же ты лукавить, старикъ,—злобно расхохотался начальникъ отряда.

Только тутъ понялъ Сусанинъ, кого спасъ онъ отъ воровской шайки злодѣевъ-ляховъ въ этотъ день. Не только боярчика любимаго, не только господина и хозяина своего, но и властителя всего Московскаго государства, Русскаго царя православнаго, спасителя, солнышко красное разоренной и обездоленной Руси!

Такъ вотъ кого избрали лучшіе люди въ Москвѣ на царство! Его ненагляднаго любимчика, его желаннаго боярчика Мишеньку! Точно солнечный лучъ скользнулъ по просвѣтленному лицу старика и отразился въ его глазахъ. Дрогнули захолодѣвшія губы... Трепещущей рукой снялъ онъ шапку, поднялъ глаза къ небу и истово перекрестился нѣсколько разъ.

— Великій Боже! —произнесъ старикъ съ благоговѣніемъ. — Тебя благодарю, Творецъ Небесный, что сподобилъ меня отвести ударъ враговъ отъ главы народнаго избранника!

Потомъ онъ медленно повернулся лицомъ къ отряду и, вперивъ глаза въ лицо начальника, безстрашно произнесъ:

— Обманулъ я васъ, господа паны... Не даромъ почуялъ я, что на лихое дѣло позвали вы меня... Не найти вамъ царя Московскаго... Въ надежной защитѣ юный избранный батюшка-государь... Сдѣлайте со мной, што хотите, не видать вамъ Михаила Ѳеодоровича, на многія лѣта хранитъ его Господь!

Едва успѣлъ произнести свою рѣчь Сусанинъ, какъ съ дикими криками нѣсколько поляковъ накинулись на него.

Взвились и скрестились съ лязгомъ нѣсколько сабель, еще не рѣшаясь, однако, нанести ударъ.

Но тутъ, дрожа отъ ярости, крикнулъ своимъ людямъ панъ начальникъ:

— Бейте его! Онъ завелъ насъ, собака-москаль, на погибель! Бейте на смерть проклятаго москаля...

И въ тотъ же мигъ нѣсколько сабель опустились на голову Сусанина.

Старикъ упалъ, обливаясь кровью, алымъ пятномъ выступившею на снѣгу.

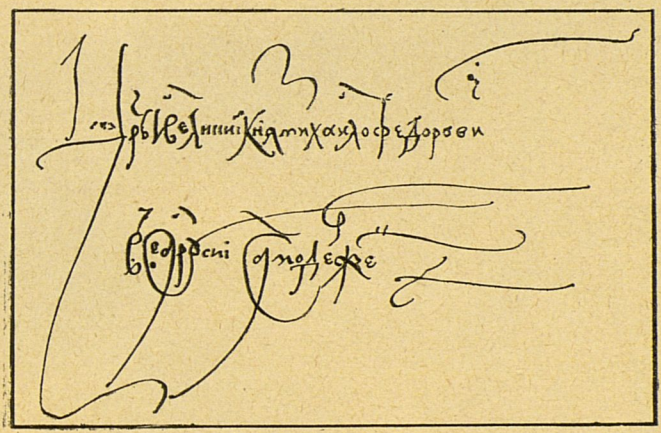
Уже стеклянѣлъ взглядъ умиравшаго, въ то время какъ губы его шепнули еще разъ, въ послѣдній:

— Благодарю Тебя, Господи, что сподобилъ умереть во спасеніе моего боярчика-царя.

И онъ закрылъ глаза...

Царь Михаилъ Ѳеодоровичъ въ первые годы своего царствованія.

Портретъ, хранящійся въ архивѣ Мин. Иностр. Дѣлъ, въ Москвѣ.



Подпись царя Михаила Ѳеодоровича.

Гос.
Публичная
Библиотека
в
Ленинграде

IX.

ДЕНЬ 13 марта выпалъ радостный и свѣтлый на диво. Таявшій снѣгъ сбѣгалъ быстрыми весенними ручьями, отливая всѣми цвѣтами радуги на раннемъ весеннемъ солнцѣ. Весело чирикали воробьи на дорогахъ, обрадованные первому теплу... Безпокойно гулькали голуби на монастырской колокольнѣ...

Но вотъ гулко ударилъ большой обительскій колоколъ, призывая къ обѣднѣ. Изо всѣхъ келій, со всѣхъ угловъ монастырскихъ, темною вереницею потянулись черныя фигуры инокинь.

Шли инокини не спокойно, какъ всегда въ обычное время, а съ тревожными, хотя и тихими переговорами. Чудное происшествіе случилось въ монастырѣ. Еще съ вечера, передъ вечернею, въ обитель пріѣхали гонцы изъ города и оповѣстили старицу Марѳу о томъ, что на утро къ ней собирается великое посольство. Потрясенная и взволнованная, старица наказала явиться посольству въ этотъ день передъ обѣднею. А зачѣмъ и для какой цѣли должно было явиться посольство, никто и не зналъ въ монастырѣ.

Объ этомъ-то и перешептывались по дорогѣ къ собору молодыя и старыя инокини.

Громче и чаще загудѣлъ большой монастырскій колоколъ. Гулъ его разбудилъ юнаго Михаила Романова, сладко спавшаго въ своей обительской свѣтлицѣ.

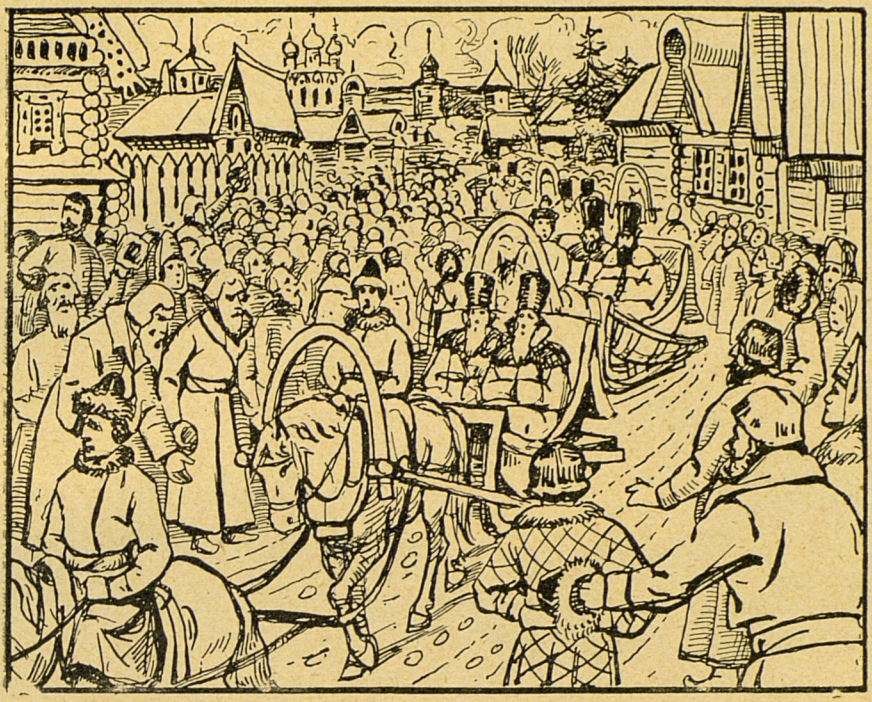
Юноша стремительно вскочилъ съ постели, протирая глаза.

— Что должно случиться нынче? — вспыхнула быстрой зарницей мысль въ его головѣ...

Да... Сказывала матушка, что собирается къ нимъ въ обитель нынче посольство изъ Москвы... Можетъ о батюшкѣ что сообщатъ ему, Михаилу. То-то была бы радость! Печально начался нынѣшній день. Просилъ онъ протопопа обительскаго отслужить панихиду послѣ обѣдни по невинно убіенномъ крестьянинѣ Иванѣ, положившемъ жизнь за своего молодого боярчика подъ оружіемъ злодѣевъ-ляховъ... Грустно было Мишѣ, вспоминавшему своего вѣрнаго слугу... Даже предстоявшая встрѣча съ посольствомъ отошла на второй планъ... Не выходилъ изъ мысли старый Сусанинъ, баловавшій въ дѣтствѣ его, Мишу, и его покойную Таню-сестру... Ласковый, добрый старикъ... Охоты да ловы въ миломъ Домнинѣ вспомнились ему вмѣстѣ съ тѣмъ же Иваномъ... Больно сжалось сердце у юноши...

Черезъ нѣсколько дней послѣ гибели Сусанина, Богданъ Сабининъ, нашедшій его трупъ въ лѣсу, оповѣстилъ о смерти тестя юнаго Михаила и его мать. Горько сокрушались о геройски-погибшемъ старикѣ Романовы. Не переставалъ сокрушаться и теперь юный Михаилъ.

— За что? За что столько горя въ жизни?—мелькнула тяжелая мысль въ головѣ юноши.—За что добивались его, Мишиной, гибели ляхи? За что погибъ Сусанинъ, за что томится въ плѣну батюшка, отецъ любимый? Что сдѣлалъ злого имъ его отецъ и онъ самъ, Миша, что одного томятъ плѣнникомъ, другого собирались погубить... — носились вихремъ смутныя мысли въ



Прибытіе посольства въ Кострому.

Крестный ходъ въ Ипатьевскій монастырь.

Гос.
Публичная
Библиотека
в
Ленинграде

головѣ юноши... Потомъ мысли невольно перешли на другое, на тяжелыя времена, наступившія на Руси, разоренной послѣ вражескаго нашествія и внутренней смуты... Не только вѣрные сыны ея погибаютъ: сама родина не могла еще подняться отъ разоренія... Совсѣмъ загрустилъ Миша... И яркое мартовское солнышко не радовало больше... И синее по-весеннему небо не вызывало улыбки на его устахъ... А соборный колоколъ ухалъ, точно вздыхалъ надъ чѣмъ-то, и его тяжелые удары въ это утро еще печальнѣе настраивали юношу.

Неожиданно и стремительно вошелъ въ свѣтлицу Сергѣичъ.

— Вставай, соколъ мой, боярчикъ мой, батюшка, вставай скорѣича,—заговорилъ торжественно старикъ.— Матушка-старица давно дожидается. Подошла несмѣтная толпа къ обители нашей... Во главѣ духовенство съ иконами и хоругвями... Тебя и матушку проситъ пожаловать посольство... Поспѣшай, боярчикъ... Кто знаетъ, може съ хорошими вѣстями присланы духовенство и бояре изъ Москвы... До тебя прислано, говоритъ народъ.

И съ этими словами вѣрный дядька помогалъ спѣшно одѣваться своему любимому боярчику... Онъ накинулъ на своего любимца лучшій парчевый кафтанъ и отороченную дорогимъ соболемъ шапку и съ тѣмъ же торжественнымъ лицомъ вывелъ его за руку изъ свѣтлицы. Старица Марѳа ждала въ своей кельѣ сына, и лишь только онъ появился, молча обняла его, глубоко заглянула въ задумчивые глаза юноши и повела его къ воротамъ монастыря...

□ □ □

Отъ Костромской заставы до самыхъ воротъ обители все было черно отъ толпы народа...

Впереди яркимъ пятномъ выдѣлялось духовенство въ парчевыхъ ризахъ...

Архіепископъ Ѳеодоритъ съ тремя архимандритами,

съ троицкимъ келаремъ Авраамiемъ Палицынымъ и съ протопопами были впереди... Надъ головами ихъ плыла чудотворная икона Владимiрской Божiей Матери... За нею другiя, мѣстныя, изъ Костромскихъ церквей...

Развивались хоругви... Золотой рѣкой своихъ яркихъ лучей заливало ихъ солнце червоннымъ заревомъ, играя на ризахъ иконъ, на золотѣ и парчѣ облаченiй духовенства, на цвѣтныхъ полотнахъ хоругвей.

Марѳа съ сыномъ, во главѣ толпы монахинь, вышла къ посольству черезъ главныя ворота обители.

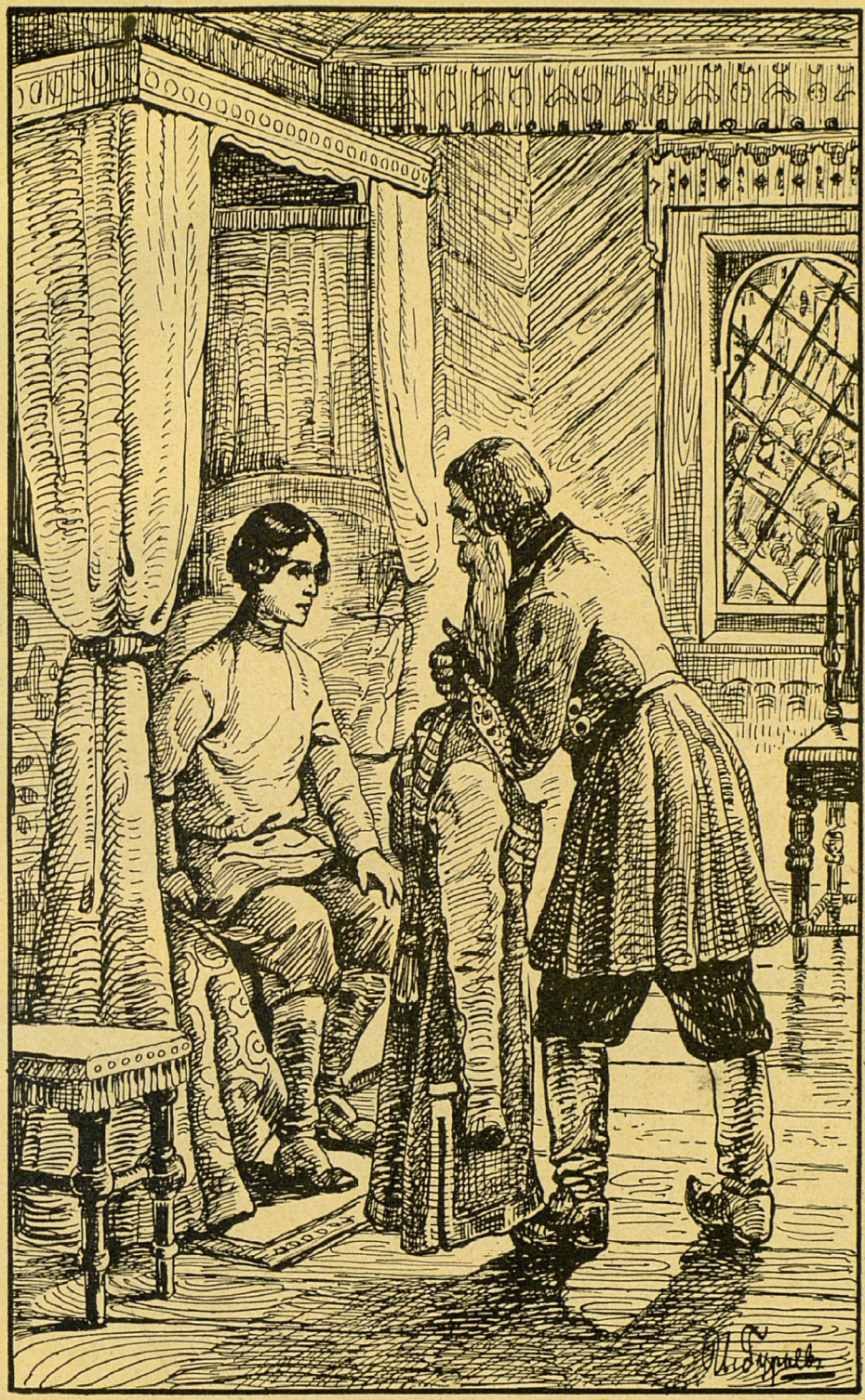
Старецъ Дiонисiй при видѣ ея выступилъ впередъ... Приблизился къ Михаилу и его матери... Толпа замерла въ ожиданiи...

— Всякихъ чиновъ всякiе люди,—задрожалъ среди возстановившейся разомъ тишины старческiй голосъ архимандрита, обращенный къ Михаилу,—тебѣ, великому государю, бьютъ челомъ: умилиться надъ остаткомъ рода христiанскаго, многорасхищенное православное христiанство Россiйскаго царства отъ расплѣненiя, отъ польскихъ и литовскихъ людей, собрать во единство, принять подъ свою государеву паству, подъ крѣпкую высокую свою десницу... Всенароднаго слезнаго рыданiя не презрить, по изволенiю Божiю и по избранiю всѣхъ чиновъ людей на Владимiрскомъ и на Московскомъ государствѣ и на всѣхъ великихъ государствахъ Россiйскаго царствiя государемъ и великимъ княземъ всея Руси быть. И пожаловать бы тебѣ, великому государю, ѣхать на свой царскiй престолъ въ Москву и подать намъ благородствомъ своимъ избаву отъ всѣхъ находящихъ на насъ бѣдъ и скорбей *).

Старческiй голосъ задрожалъ слезами и оборвался на мгновенiе.

Но встрѣтивъ недоумѣвающiй, встревоженный взоръ живыхъ юношескихъ глазъ Михаила, обрѣлъ въ себѣ

*) Начало наказа, даннаго въ Москвѣ посольству къ Михаилу.



— Поспѣшай, боярчикъ... до тебя прислано, говоритъ народъ.

Гос.
Публичная
Библиотека
в
Ленинграде

новую силу рѣчи старикъ. И снова зазвучалъ его голосъ мощно и сильно, хорошо слышимый до послѣдняго слова.

Теперь этотъ трепетный голосъ просилъ Михаила не презрить просьбу народную и Своимъ согласіемъ вступить на престолъ Московскій спасти разоренное полузагубленное государство.

— Господь умудрилъ люди Своя... Перстомъ Своимъ отмѣтилъ Своего избранника... Самъ умудрилъ, кого выбрать на царство, весь народъ Свой наставилъ на томъ!.. Ужли пойдешь противъ воли Господа, избранный Богомъ?

Послѣднія слова особенно четко пронеслись и замерли въ весеннемъ воздухѣ.

Михаилъ поднялъ голову.

Во все время рѣчи старца тысячи мыслей кружились въ его головѣ...

Такъ неожиданно быстро, такъ странно и жутко было для него это извѣстіе!

Онъ, совсѣмъ еще юноша, даже почти мальчикъ, тихо проживающій съ матерью послѣ всѣхъ перенесенныхъ бѣдствій здѣсь, въ этой глуши,—онъ избранъ всею землею Русскою въ цари!

Михаилу казалось, что это сонъ, что онъ спитъ и грезитъ, что стоитъ ему только закрыть и снова открыть глаза, какъ исчезнетъ это странное и жуткое видѣнье...

И самое посольство, и рѣчи Діонисія, и толпа народа—все окажется сномъ... Но дивное видѣнье не исчезало...

Почтенный старецъ Діонисій стоялъ передъ нимъ. И слезы текли по его впалымъ щекамъ.

— Согласись быть царемъ, спаси Русь православную отъ разрухи!—молили теперь чуть слышно старческія губы.

Вихрь мыслей закружилъ Михаила. Мгновенно пронеслись тяжелыя картины постепенной гибели Руси—смѣна царей... смуты... убійства... лихолѣтье...

Ужасныя времена!

Весь вздрогнувъ, онъ сжалъ руку матери... Взглянулъ въ ея лицо...

О, какъ блѣдны и тревожны ея черты! Какимъ ужасомъ наполнены глаза старицы! Сейчасъ она похожа на вспугнутую орлицу, готовую защищать отъ гибели своего единственнаго дѣтеныша...

И при видѣ этого милаго лица, искаженнаго страхомъ за участь сына, при видѣ этихъ нечеловѣческихъ страданій, сердце захолонуло въ груди Михаила...

— Нѣтъ! Нѣтъ!—вырвалось непроизвольно изъ груди юноши.—Не могу, не хочу, не смѣю я быть царемъ Московскимъ!—и слезы брызнули изъ его глазъ.

И словно эхомъ за нимъ задрожалъ трепещущій голосъ Марѳы...

Заговорила, едва держась на ногахъ, старица...

Видитъ Богъ, не можетъ она отдать юнаго сына на гибель, когда Русь разорена отъ смуты, когда самое тяжелое время сейчасъ въ Московскомъ государствѣ... Не справиться все едино юному, мальчику-царю... Погибнетъ онъ... Народъ ненадеженъ... Свели Ѳеодора Годунова, свели Шуйскаго съ престола, погубили, предали ихъ... Нѣтъ, такой участи она, Марѳа, не уготовитъ сыну! Нѣтъ на это ея благословенія!

Силой отчаянія и безграничной материнской любви повѣяло отъ этихъ словъ...

Съ сокрушеніемъ слушало ея рѣчи посольство... Падали послѣднія надежды спасти воцареніемъ настоящаго природнаго русскаго царя гибнущую Русь.

— Господи, размягчи сердце старицы! — шепталъ Діонисій,—умудри ее великой силою Своей!

Снова загудѣли колокола Ипатіевской обители.

— Во храмѣ Божіемъ должны смириться мысли о житейскомъ,—мелькнуло у многихъ членовъ посольства въ мысляхъ, и всѣ двинулись въ монастырскій соборъ...

Михаилъ Ѳеодоровичъ встрѣчаетъ посольство.

Михаилъ Ѳеодоровичъ слушаетъ рѣчь Діонисія.

Гос.
Публичная
Библиотека
в
Ленинграде

Отслужили обѣдню... И, выйдя на амвонъ, прочли грамату объ избраніи всѣмъ народомъ юнаго Михаила.

И снова вслѣдъ за этимъ зазвучалъ голосъ Діонисія подъ сводами храма.

— Весь народъ избралъ юнаго государя черезъ указаніе Самого Господа. Такъ неужли отклонишься и сейчасъ, надежа Руси?

Михаилъ, всю обѣдню стоявшій подлѣ матери и горячо молившійся все время, вздрогнулъ невольно при этомъ восклицаніи.

Онъ—надежа Руси?

О немъ пишется въ граматѣ, что одинъ онъ своимъ согласіемъ можетъ только спасти Русь? А можетъ и на самомъ дѣлѣ, пожертвовавъ собою, онъ своимъ согласіемъ хоть отчасти поможетъ возстановленію родины... Великій Боже! Неужели идти ему противъ воли Господа и народа?

Между тѣмъ Діонисія замѣнилъ Ѳеодоритъ. Полилась мощная рѣчь келаря-проповѣдника.

Въ ней говорилось о горѣ народномъ, о надеждѣ рухнувшей, о печали и отчаяніи въ случаѣ отказа государя-царя.

И о плѣненномъ митрополитѣ Филаретѣ, томившемся въ польскомъ плѣну, упоминалось въ ней... И о гнѣвѣ Божіемъ въ случаѣ отказа Господняго избранника...

Послѣднее упоминаніе словно огнемъ опалило душу юнаго Михаила...

Горе народное, муки государства, разруху, лихія времена—все переживетъ онъ на престолѣ безъ единаго укора и слова ропота, если родимый батюшка будетъ подлѣ наставлять его совѣтами, помогать мудростью и опытомъ. Лишь бы скорѣе вызволить его изъ плѣна Литвы...

И весь вспыхнулъ и загорѣлся отъ этой мысли Михаилъ.

Да, съ такимъ совѣтникомъ дерзнетъ вступить онъ на тронъ Московскій!..

Юноша выпрямился, поднялъ голову... Смѣлымъ огнемъ загорѣлись глаза...

Онъ повернулъ просвѣтленное лицо къ матери.

— Благослови, матушка!—произнесли тихо, но отчетливо уста избраннаго царя.

Марѳа подняла голову, отодвинула черную иноческую наметку отъ глазъ, взглянула на сына...

И не узнала его.

Куда дѣвалась недавняя робость въ лицѣ юноши?.. Куда исчезли страхъ и сомнѣнія, смѣшанные съ отчаяніемъ, изъ этихъ молодыхъ глазъ?

Съ лица этого полуребенка глянулъ на нее юный мужъ, готовый идти на подвигъ и жертву, которой требовалъ отъ него русскій народъ.

Съ тихимъ рыданіемъ обвила руками эту безконечно дорогую ей голову Марѳа... Прижала ее къ себѣ...

Потомъ, выведя на середину храма сына, положила трепещущія руки на его юную голову и произнесла на всю церковь глубоко-взволнованнымъ голосомъ:

— Пути Господа неисповѣдимы... Да будетъ воля Его... Благословляю сына вступить на тронъ Московскій...

Народъ упалъ на колѣни, проливая слезы. Громче, торжественнѣе зазвонили колокола... Архіепископъ подошелъ къ юному государю и вручилъ ему царскій посохъ.

Начался благодарственный молебенъ...

Михаилъ Ѳеодоровичъ Романовъ считался съ этой минуты Московскимъ царемъ.

□ □ □

На лѣвомъ клиросѣ среди инокинь-клирошанокъ стояла блѣдная и взволнованная инокиня Ирина.

Находясь въ толпѣ черницъ съ минуты вступленія посольства въ обитель, бывшая боярышня Настя не переставала трепетать, внимая рѣчамъ пословъ и отвѣтамъ на нихъ невѣстки и племянника.

Горячо молилась за обѣднею прежняя Настя, молила

«Перстомъ Божіимъ отмѣченный избранникъ».

Марѳа благословляетъ сына на царство.

Гос.
Публичная
Библиотека
в
Ленинграде

Бога умудрить сердце юноши и наставить его мысли на правильный путь.

Въ ея собственномъ сердцѣ жило непоколебимое сознаніе, что дорогой ея Миша долженъ согласиться на просьбы народныя. Она вѣрила въ то, что вымолила и она отчасти своими грѣшными молитвами счастье для этого юноши, котораго поднимала на ноги вмѣстѣ съ его матерью въ долгіе годы несчастій и ради счастья котораго принесла въ жертву свою любовь, молодость и собственную долю. Какъ молніи проносились быстрыя мысли въ головѣ молодой инокини, вспоминавшей то время, когда она, позабывъ себя и свою личную жизнь, накрывъ монашескимъ клобукомъ молодую голову, рѣшила посвятить себя до могилы молитвѣ за близкихъ ей людей...

Одна только смиренная келейка была свидѣтельницей ея горячихъ слезъ и пламенныхъ молитвъ. Счастья Мишѣ, ненаглядному племяннику, счастья брату любимому и невѣсткѣ и всѣмъ близкимъ просила у Бога въ этихъ молитвахъ Настя.

Давно спитъ въ могилѣ князь Никита, горячо любимый ею и отвергнутый ради принесеннаго ею, Настей, Богу обѣта... Еще раньше умерли братья въ ссылкѣ, погибла Танюша-голубушка, не перенеся смерти мужа...

Ея жизнь разбита, но зато оставшіеся въ живыхъ будутъ счастливы. Въ этомъ убѣждена глубоко самоотверженная и чистая душа дѣвушки. Краснымъ солнышкомъ Руси взойдетъ на престолъ едва не погибшій ея дорогой племянникъ. Вернетъ брата изъ ссылки, дастъ покойное существованіе близкимъ подъ крылышкомъ своимъ...

— Только умудри его, Господи, только наставь согласиться!—шептала молодая инокиня, и холодный потъ градомъ лился по ея лицу, и слезы капали на черную власяницу. И когда прозвучалъ впервые твердый и звонкій голосъ Михаила, возвѣщавшій о своемъ рѣшеніи, она,

какъ подкошенная, упала на колѣни съ залитымъ слезами лицомъ; и тихимъ облегченнымъ стономъ вырвалось изъ ея груди:

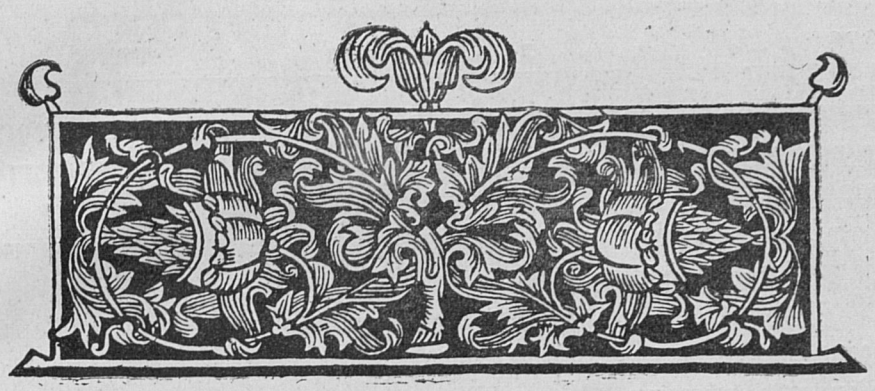
— Благодарю тебя, Господи! Царица Небесная! Кончились муки наши великія... Посѣтилъ Ты милостію Своею нашъ Романовскій родъ!

И замирая, припала пылающей головой къ каменнымъ плитамъ храма...

Цѣлованіе руки новаго царя.

Прощаніе Михаила Ѳеодоровича съ матерью.

Гос.
Публичная
Библиотека
в
Ленинграде



ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

СЪ самаго ранняго утра 11-го іюля ~~1913 года на~~ 1613 высокой звонницѣ колокольни Ивана Великаго ударилъ глухимъ ударомъ колоколъ...

Ему кряду же отозвались всѣ прочіе колокола церквей московскихъ, и пошелъ по всей Москвѣ „малиновый перезвонъ“, словно въ свѣтлую Христову заутреню.

И толпы народа еще до восхода солнца затопили Красную площадь.

Въ Успенскомъ первопрестольномъ соборѣ въ это знойно-прекрасное лѣтнее утро происходило царское вѣнчаніе. Между двухъ столбовъ былъ устроенъ „чертогъ“ или чертожное мѣсто. На немъ былъ царскій тронъ, обитый золотой парчею и украшенный самоцвѣтными каменьями.

Возлѣ находилось мѣсто митрополичье. Справа аналой съ царскимъ крестомъ, шапкою Мономаха, бармами, скипетромъ и державою.

На царскомъ мѣстѣ возсѣдалъ юноша —„всею землею“ избранный царь Михаилъ Ѳеодоровичъ. Князь Димитрій Пожарскій и князь Иванъ Черкасскій, родствен-

никъ князя Бориса, торжественно привели сюда юнаго царя, поддерживая его подъ руки. Вѣнчаніе на царство совершалъ митрополитъ казанскій Ефремъ.

Хоръ митрополичій прогремѣлъ многія лѣта царю. Служили молебенъ...

Яркое солнце ударяло въ стрѣльчатыя окна собора, заливая лучами золото, платно (одежду царя), драгоцѣнный вѣнецъ Мономаховъ и юное свѣтлое лицо полуюноши, полуребенка, сознательно принявшаго на себя тяжелый подвигъ царствованія въ это смутное время на Руси.

Митрополитъ Ефремъ благословилъ, осѣнивъ царя крестомъ, и призвалъ на голову избранника Божія Господнюю милость и благоволеніе.

Снова загремѣло многолѣтіе хора, и въ полномъ облаченіи юный государь вышелъ къ народу, затопившему собою площадь. Подъ громовые клики восторженной радости, возвратясь въ соборъ, юный царь обходилъ храмъ, поклоняясь праху своихъ предшественниковъ, Московскихъ царей.

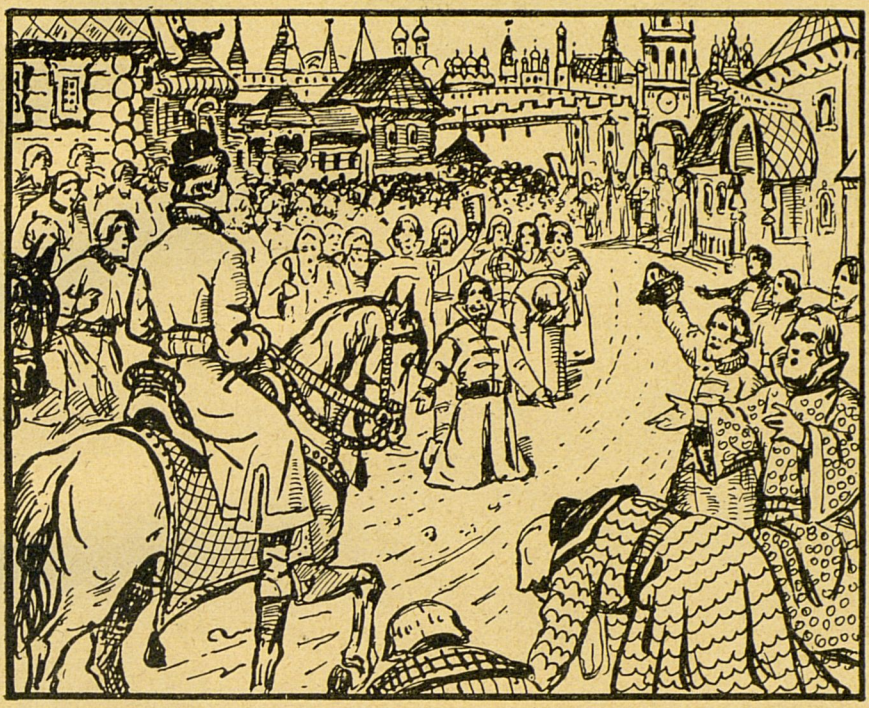
Торжественно завершилось коронованіе обѣдомъ въ Грановитой Палатѣ.

Многими царскими милостями ознаменовалось это торжество.

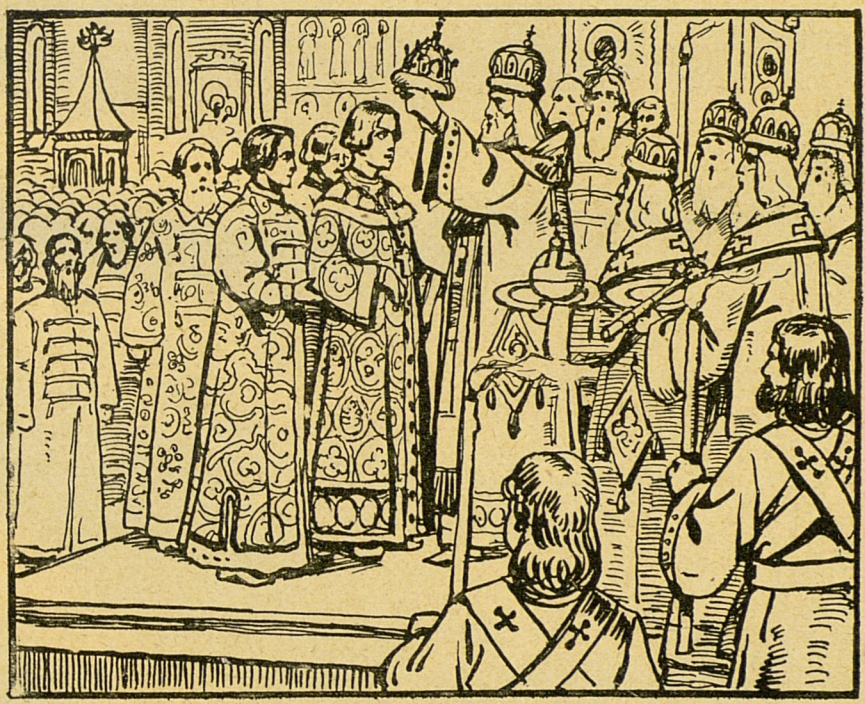
Князь Пожарскій, которому такъ много обязана была Русь въ тяжелое для государства время, былъ названъ въ бояре. Косьма Захаровичъ Мининъ пожалованъ въ дворянское достоинство.

Не забылъ юный государь и другихъ спасителей Руси. Всѣхъ награждалъ онъ щедрою рукою. И далекій Домнинскій подвигъ героя-спасителя Ивана Сусанина не былъ забытъ Михаиломъ. Зять варварски убитаго народнаго героя, Богданъ Сабининъ, съ женою и дѣтьми, со всѣмъ ихъ потомствомъ, были надѣлены землями и освобождены отъ всѣхъ податей и повинностей.

Но больше всѣхъ другихъ начинаній одна мысль,



Пріѣздъ юнаго царя, Михаила Ѳеодоровича, въ Москву.



Вѣнчаніе Михаила на царство.

Гос. Публичная Библиотека в Ленинграде

одно рѣшеніе не давали покоя юному царю. Въ далекой Литвѣ томился въ плѣну его отецъ, митрополитъ Ростовскій. Война, объявленная Польшѣ, продолжалась. И только черезъ пять лѣтъ по своемъ воцареніи, по заключеніи перемирія съ поляками въ селѣ Деулинѣ, все еще добивавшійся Московскаго престола Владиславъ, юный польскій король, вернулъ сыну-царю плѣннаго отца.

Чудеснымъ іюньскимъ утромъ возвращенный изъ плѣна, Филаретъ увидѣлъ впервые золотые купола роднаго города.

На рѣкѣ Прѣснѣ его встрѣчалъ молодой царь со всѣмъ синклитомъ бояръ и духовенства. Множество народа запрудило берегъ рѣки.

Подъѣхала тяжелая каптана съ освобожденнымъ изъ плѣна великимъ страдальцемъ...

Михаилъ бросился къ ея дверцѣ...

Распахнулась дверца, и маститый старецъ вышелъ изъ каптаны.

Прежде чѣмъ обняться и зарыдать въ объятіяхъ другъ у друга, отецъ и сынъ опустились на колѣни, движимые однимъ и тѣмъ же чувствомъ, и отдали другъ другу земной поклонъ. Отецъ въ этомъ земномъ поклонѣ привѣтствовалъ царя Руси, сынъ—страдальца, мученика-отца...

Патріаршій столъ давно ожидалъ Филарета. Іерусалимскій патріархъ Θеонъ возвелъ государева отца въ высшій духовный санъ.

Вновь избранный патріархъ сталъ называться на Руси, подобно сыну, „Великимъ-Государемъ“ и горячо помогалъ молодому царю въ дѣлахъ правленія и устройства Руси...

И Русь оправилась, окрѣпла понемногу отъ прежняго разоренія подъ этимъ „двоевластіемъ“ молодого добраго, отзывчиваго юноши и умудреннаго житейскимъ опытомъ старца-отца...

Тяжелыя времена смуты и разоренья миновали, и ясное лучезарное солнце освѣтило и согрѣло измученную лихолѣтьемъ и смутами недавнюю страдалицу Русь...

П. 1960 г.
Акт РК - 5512/4

40 —
№ 3918/60

ГПБ Русский фонд

37.40.2.86.